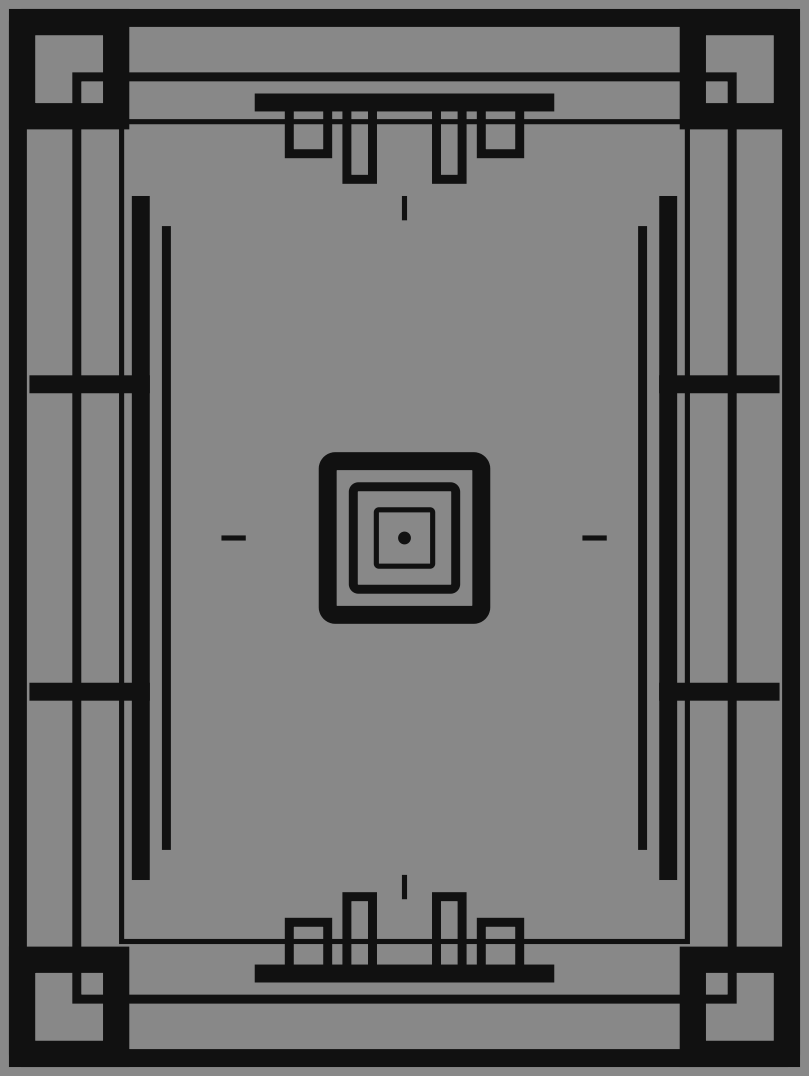

Вверх по линии
Роберт Силверберг

Вверх по линии
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

Вверх по линии

Роберт Силверберг. Вверх по линии
[= За чертой] [= Вертикальный мир].
Пер. — А. Кон.
Robert Silverberg. Up the Line (1969). — _

1

Сэм, гуру, был чернокожим, предки у него были невольниками, а до этого — царями. Частенько я задумывался над тем, кем были мои предки.

Поколения за поколениями пропитанных потом крестьян, что умирали от непосильных трудов? Или заговорщиками, бунтовщиками, великими насильниками, драчунами, грабителями, предателями, сводниками, герцогами, учеными, шарлатанами-жрецами, толмачами, куртизанками, торговцами подержанными предметами из слоновой кости, официантами, мясниками, биржевыми маклерами, фальшивомонетчиками? Кем были все те люди, которых я совершенно не знал и о которых так никогда ничего не узнаю, но чья кровь, лимфа и гены находятся в моем теле, — мне так хотелось знать их всех.

Мне была невыносима сама мысль о том, что я отлучен от собственного прошлого. Я страстно жаждал таскать его повсюду, как бурдюк у себя на спине, и прикладываться к нему, когда меня одолевала бы жажда в засушливой пустыне.

«Вот и оседлай ветры времени», — так посове-

товал мне Сэм, гуру.

Я прислушался к его совету. Вот почему я и занялся этим бизнесом путешествиями во времени.

Теперь я уже много раз побывал в прошлом. Я встречался с теми, кто тысячу лет вел дело к моему появлению. Прошлое мое отягощает мой позвоночник, как тяжеленная ноша.

Пульхерия!

Прапра… много раз прабабка!

Если бы мы так никогда и не встретились…

Если бы меня не занесло в эту лавку, где продавались сладости и пряности…

Если б только для меня ничего не значили темные глаза, оливковая кожа и высокая грудь!

Пульхерия… Любовь моя. Моя сластолюбивая прародительница. Ты кошмарами изводишь меня в сновидениях. Ты звучишь для меня, как песня, из глубин прошлого.

2

Он был действительно черным, как сажа. Пять или шесть поколений в его роду серьезно поусердствовали в этом направлении после начала Афро-Ренессанса. Руководилась семья стремлением очистить свои хромосомы от генов ненавистных рабовладельцев, которыми наследственность Сэма в течение нескольких столетий была буквально засорена. У белых хозяев было предостаточно времени предаваться порокам со своими рабынями, начиная с семнадцатого века. И лишь с 1960 года сородичи Сэма начали исправлять урон, нанесенный им белыми дьяволами, вступая в брак только с теми, у кого были черная, как смоль, кожа и курчавая шевелюра.

Судя по семейным портретам, которые показывал мне Сэм, начало этому процессу положила его прапрабабка, кофейного цвета мулатка, которая вышла замуж за черного, как туз пик, студента то ли из Замбии, то ли из какой другой выраставшей тогда, как грибы после дождя, небольшой опереточной, недолго просуществовавшей страны. А ее старший сын выбрал себе в жены принцессу

из Нубии, дочь же от их брака вышла замуж за черного, как ночь щеголя, из штата Миссисипи, который, в свою очередь…

— Так вот, моя бабушка выглядела в результате всего этого уже весьма пристойно коричневой, — рассказывал Сэм, но и черты еще выдавали недостаточную чистоту крови черной расы. Нам удалось в три захода значительно затемнить свой цвет кожи, но мы все равно еще не могли сходить за чистокровок. А когда родился мой отец, тогда и вовсе выступили наружу гены белой расы, которыми так отягощена была наша наследственность, несмотря на все наши потуги. У него была светлая кожа, высокая переносица и тонкие губы — чудовище какое-то, да и только. Гены сыграли злую шутку с простодушной семьей перемещенных на другой материк африканцев. Поэтому папаша мой вынужден был обратиться в генетическое ателье, где из его хромосом и были наконец начисто удалены все гены белой расы, причем то, чего не удалось добиться предкам за восемь десятилетий, было сделано всего за каких-то четыре часа. И вот результат — вот он, я, черный и красивый.

Сэму было лет тридцать пять. Мне же — двадцать четыре. Весной 2029 года мы жили с ним в

одной квартире в Нью-Орлеане. На самом-то деле, квартира эта принадлежала Сэму, но он пригласил меня разделить его кров, когда выяснил, что мне негде остановиться. Он тогда временно работал служителем во Дворце Грез.

Я познакомился с ним, едва выйдя из подземки, которая привезла меня сюда из Нью-Йорка, где мне полагалось служить третьим помощником судебного исполнителя при судье Маттачайне в суде округа Манхеттен выше среднего ранга. Ума моя работа не требовала. Судебным исполнителям не положено иметь мозгов — это могло бы вызвать умственное расстройство у компьютеров.

Терпения моего хватило всего лишь на восемь дней службы, после чего я прыгнул в первый попавшийся вагон подземки, направлявшийся на юг, прихватив с собою все свои манатки, состоявшие тогда из зубной щетки, аппарата для удаления угрей с лица, персонального ключа, дававшего доступ к информационным терминалам, магнитного напальчника, удостоверявшего мой счет в банке, двух смен одежды и талисмана — византийской золотой монеты времен правления императора Алексея Первого. Добравшись до Нового Орлеана, я вышел на платформу подземки

и долго странствовал по подземным галереям, пока ноги сами не вынесли меня ко Дворцу Грез на Нижней Бурбон-стрит, на Третьем Уровне.

Должен признаться, что привлекли меня туда две резвые девчонки, которые плавали в прозрачном резервуаре, наполненном, как мне показалось и как оно оказалось в действительности, чистейшим коньяком. Они были направлявшими векторами Дворца Грез, в атомную эпоху они назывались бы просто зазывалами. Снабженные масками с жабрами, они выставляли напоказ прохожим свою прелестную наготу, обещая, но никогда не доставляя безумные наслаждения.

Я завороженно смотрел на то, как плещутся они в коричневой жидкости, описывая медленные круги. Каждая держалась за левую грудь своей напарницы, то и дело их бедра соприкасались друг с другом, ноги переплетались. Они призывно улыбались, и в конце концов, я прошел внутрь.

Навстречу мне с приветствиями вышел Сэм. Он мне показался трехметровым гигантом, на нем была только жокейская шапочка, а все тело лоснилось от обильного количества крема. Судье Маттачайну он наверняка бы очень понравился.

— Добрый вечер, бледнолицый, — произнес Сэм, — не угодно ли приобрести мечту?

— А чем вы, собственно, торгуете?

— Садо, мазе, гомо, лесбо, внутри, внешне, сверху, снизу и всеми прочими вариантами и извращениями. — Он показал на прейскурант. — Выбирайте и прикладывайте там свой большой палец.

— А можно сперва только попробовать?

Он поглядел на меня в упор.

— А как это тут оказался такой благовоспитанный еврейский мальчик, что ему делать в таком месте, как это?

— Забавно. Последнее я как раз хотел спросить у вас.

— Я тут прячусь от гестапо, — сказал Сэм. — Сделав черным свое лицо для маскировки.

— Ну, я — то на самом деле принадлежу к Обновленной Епископической Церкви.

— А я — к Первой Церкви Христа-Вуду. Спеть вам негритянский гимн?

— Пощадите меня, — взмолился я. — Не могли бы вы лучше познакомить меня с девушками из резервуара?

— Мы здесь не торгуем плотью, бледнолицый, только грезами.

— А я не собираюсь покупать плоть, я только хотел бы одолжить ее на непродолжительное

время.

— Та, что с большой грудью, — это Бетси. А с красивым задом — Элен.

Если такие девушки оказываются девственницами, их цена очень высока.

Вместо этого лучше попробуйте хорошее сновидение. Взгляните-ка на эти прелестные маски. Вы уверены в том, что вам не хочется одеть одну из них?

— Абсолютно уверен.

— А откуда у вас такой нью-йоркский акцент?

— Я поднабрался его в Вермонте во время летних каникул, — объяснил я.

— А откуда у вас такая лоснящаяся черная кожа?

— Мне ее прикупил папаша в геноателье. Как тебя зовут?

— Джад Эллиот. А тебя?

— Сэмбо Сэмбо.

— Неважнецкая тавтология. Не возражаешь, если буду называть тебя просто Сэмом?

— Не ты первый. Ты теперь живешь в Новом Орлеане?

— Я только-только из подземки. Еще даже не искал, где бы остановиться.

— У меня работа кончается ровно в четыре. Так

же, как и у Элен с Бетси. Давай махнем все вместе ко мне домой, а? — предложил Сэм.

3

Гораздо позже я обнаружил, что Сэм работает еще и в Службе Времени.

Для меня это стало подлинным открытием, потому что мне всегда казалось, что работники Службы Времени — люди консервативного склада ума, прямолинейные, безнадежно целомудренные, люди с квадратными челюстями и аккуратненько подстриженные — ну этакие бойскауты-переростки. А мой черный гуру никоим образом таковым не был и не хотел быть.

Разумеется, мне еще многое предстояло узнать о Службе Времени, так же, как и о самом Сэме. Поскольку мне пришлось убить пару часов во Дворце Грез, Сэм позволил мне одеть маску бесплатно и щедро угостил меня изысканными галлюцинациями. Когда я пришел в себя и поднялся, Сэм, Элен и Бетси были уже одеты и готовы уходить. Теперь, когда на девушках оказалась одежда, я никак не мог разобрать, кто есть кто. Бетси я запомнил по ее груди, но в своем облачении миссионеров они были почти неразличимы.

Мы спустились на три уровня к тому месту,

где жил Сэм, и заперлись в его квартире. Когда ее всю заполнило благоухание, а одежды с девушек спали, я снова разобрал, где Бетси, и мы занялись тем, что только и можно было от нас ожидать при этом. Восемь часов пребывания в коньячной ванне придали ее коже некоторый оттенок загара, но нисколько не подействовали на ее чувственность.

Затем мы расселись кружком, прижавшись друг к другу, и закурили травку, и тогда гуру стал выуживать у меня, кто я и что я.

— Я окончил университет по специальности «История Византии», признался я.

— Прекрасно, прекрасно. Бывал там?

— В Стамбуле? Пять раз.

— Не в Стамбуле. В Константинополе.

— Это одно и то же, — сказал я.

— Разве?

— А! В настоящем Константинополе слишком дорого.

— Не всегда, — произнес черный Сэм. Он щелкнул большим пальцем, поджигая новую порцию травки, нежно наклонился ко мне, вставил мне в губы курительную палочку. — И ты прибыл в Нью-Орлеан, чтобы углублять свои познания в византийской истории?

— Я просто сбежал со своей работы.

— Так быстро устал от Византии?

— Устал быть третьим помощником второстепенного клерка, судьи Маттачайна в вышесреднем суде округа Манхеттен.

— Но ведь ты сказал…

— Да, да. Византийскую историю я изучал. А мелким клерком я работаю.

Вернее, работал.

— Почему?

— У меня дядя — судья Эллиот — член Верховного Суда США. Он посчитал, что мне следует заняться достойным ремеслом.

— А разве нужно оканчивать университет, чтобы выполнять обязанности мелкой судейской крысы?

— Разумеется, нет, — пояснил я. — Всем процессом обработки данных занимаются машины. Клерки — это что-то вроде льстивой челяди при хозяине.

Они восхваляют мудрость судьи, добывают ему смазливых девчонок, потакают ему во всем и так далее. Я проторчал там восемь дней и сыт был этим по горло.

— У тебя неприятности, — глубокомысленно изрек Сэм.

— Да. У меня одновременно приступ неугомонности, кризис умонастроений, налоговая задолженность и неудовлетворенное честолюбие.

— Хочешь еще попробовать третью стадию сифилиса? — осведомилась Элен.

— Пока что нет.

— Если тебе представится случай заполучить именно то, что твоя душа возжелает, — спросил Сэм, ты способен не упустить этот случай?

— Я просто пока еще не знаю, чего моей душе хочется.

— Но если бы ты знал со всей определенностью, что для тебя является самым сокровенным желанием, ты бы пошевелил пальцем, чтобы его осуществить?

— Естественно, — сказал я.

— Надеюсь, что это действительно так, — сказал Сэм, — и что тебе не придется отказываться от своих слов. А пока что — оставайся здесь с нами.

Он произнес эти слова весьма агрессивным тоном. Он явно намеревался осчастливить меня, невзирая на то, понравится ли мне это или нет. Мы обменялись партнершами, и теперь у меня была Элен со своей, такой упругой, белой кормой и виртуозным владением внутренними

мышцами. Но тем не менее, не она была самой сокровенной моей мечтой. Затем Сэм дал мне отдохнуть, а сам отвез девчонок домой.

Утром, приняв душ, я внимательно осмотрел его квартиру и обратил внимание на то, что она украшена произведениями искусства или ремесел многочисленных эпох и самых различных на Земле мест. Здесь была глиняная табличка с клинописью из Шумера, «прощальный» кубок из Перу, бокал из стекла, сделанный в Древнем Риме, низка древнеегипетских фаянсовых бус, средневековая булава и кольчуга, несколько экземпляров «Нью-Йорк тайме» издания 1852 и 1853 годов, книжная полка с томами, переплетенными телячьей кожей, две ирокезские накладные маски, великое множество ремесленных изделий из Африки и одному Богу известно еще откуда. Всем этим были хаотически загромождены все доступные ниши, проемы и проходы. Тогда я предположил, что у Сэма наклонности антиквара, и не стал делать из этого более глубоких умозаключений. Неделей позже я заметил одну странную особенность: все, что имелось в его коллекции, выглядело совершенно новым, будто было совсем недавно изготовлено. Он занимается подделкой антиквариата, так я решил. Сам же

Сэм без устали повторял: «Я являюсь по совместительству еще и сотрудником Службы Времени».

4

— В Службе Времени, — возражал ему я, — работают только бойскауты с квадратными челюстями. У тебя же челюсть вполне круглая.

— У меня к тому же сплющенный нос. И я никакой не бойскаут. Но тем не менее, по совместительству я сотрудник Службы Времени.

— Я в это не верю. Служба Времени укомплектована на все сто процентов только ребятами из Индианы и Техаса. Славными белыми ребятами.

— Это относится к патрулю времени, — сказал Сэм. — Я же являюсь одним из курьеров времени.

— А разве есть какая-нибудь между ними разница?

— Еще какая!

— Прости мое невежество.

— Невежество нельзя прощать. Его можно только вылечивать.

— Расскажи мне о Службе Времени.

— Она состоит из двух частей, — сказал Сэм. — Из патруля времени и курьеров времени. Те, кто рассказывают анекдоты о самых разных этни-

ческих группах, отправляются рано или поздно в патрули времени. Те, кто придумывают такие анекдоты, становятся курьерами времени. Усек разницу?

— Не совсем.

— Ну, браток, если ты настолько туповат, то почему же ты не чернокожий? — ласково спросил Сэм. — Патрули времени делают все от них зависящее, чтобы не допускать временных парадоксов. Курьеры времени сопровождают туристов в их экскурсиях в прошлое. Курьеры терпеть не могут патрулей, патрули отвечают им взаимностью. Сам я — курьер. Я сопровождаю туристов по маршруту Гана-Мали-Гао-Куш-Аксум-Конго в январе и феврале, а в октябре и ноябре провожу экскурсии в Шумер, Египет фараонов и иногда по маршруту Наска-Мохако-Инки.

Когда в курьерской службе не хватает людей, я еще сопровождаю группы, любующиеся Крестовыми Походами, принятием Великой Хартии Вольностей, битвой при Гастингсе в 1066 году и постройкой дворцового комплекса Ангкора. Трижды я участвовал в Четвертом Крестовом походе, закончившемся захватом Константинополя, и еще дважды — в захвате его турками. Завидуй мне, бледнолицый.

— Ты все это наврал, Сэм!

— Никак нет, дружище, никак нет. Видишь это барахло, натасканное сюда? Все это контрабандой перемещено в нашу эпоху вашим покорным слугой из прошлого, в обход кордонов временных патрулей, причем ни разу меня ни в чем таком не заподозрили. Правда, однажды патрули пытались меня арестовать в Стамбуле в 1563 году. Я тогда кастрировал одного из патрулей и продал его султану за десять византов, а таймер его вышвырнул в Босфор, самого же его оставил гнить евнухом в султанском гареме.

— Ты не мог такого сделать!

— Еще как мог! — сказал Сэм. — Правда, я был вынужден так поступить.

Глаза мои блестели. Я уже ощущал, как где-то совсем рядом прямо-таки «трепещут» мои самые сокровенные мечты.

— Переправь меня тайком, Сэм, в прошлое, в Византию!

— Попытайся это сделать сам. Запишись в курьеры.

— А это можно?

— У них всегда недобор кадров. Проснись, малыш, где столь необходимое тебе чутье? Специалист по истории Византии, как ты себя

называешь, да чтоб никогда не подумал о возможности поступить на работу в Службу Времени?

— Я думал об этом, — негодующе возразил я. — Просто я никогда не принимал это всерьез. Этот способ мне кажется слишком уж легковесным.

Нацепить на себя таймер и отправиться в любую эпоху, куда только душа пожелает, — это же сущее мошенничество, Сэм, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Я понимаю ход твоих мыслей, но ты сам толком не понимаешь, что говоришь. Я честно скажу тебе, в чем заключается вся трудность твоего положения, Джад. Ты заядлый неудачник.

Я и сам это прекрасно знал. Только вот как он так быстро догадался об этом?

— Что тебе больше всего хочется, — сказал он, — так это отправиться в прошлое, как и любому другому парню, у которого все в порядке пониже пояса. Но такие, как ты, поворачиваются к своим желаниям спиной; и вместо того, чтобы записаться в Службу Времени, ты позволяешь пригвоздить себя к письменному столу и делать дурную, никому не нужную работу, от которой ты и рвешь когти при первом же удобном случае. Кто ты сейчас? Что тебя ждет впереди? Тебя, которому уже добрых двадцать два года…

— Двадцать четыре. -…не устроила одна карьера, но ты и пальцем не шевелишь, чтобы заняться чем-нибудь другим, и когда я устану от тебя, я вышвырну тебя вон, оставив только с тем, что ты еще можешь выковырять из банка с помощью своего большого пальца. Но что будет, когда у тебя совсем переведутся деньги?

Я ничего на это не ответил.

А он продолжал:

— Насколько я понимаю, твоего подкожного жирка хватит месяцев на шесть, не больше, Джад. К этому времени ты можешь наняться альфонсом к какой-нибудь богатой вдовушке, подобрав себе кого-нибудь получше из Реестра Трепетной Промежности и…

— Р-р-р.

— Или поступить в Антигаллюцинативную полицию, чтобы помогать сохранять объективную реальность для…

— Г-р-р-р.

— Или вернуться в свой суд какой-то там инстанции и отдать свою бледно-розовую плоть на поругание судье Маттачайну…

— Б-р-р-р.

— Или, наконец, поступить так, как следовало тебе поступить с самого начала, — завербоваться

в качестве курьера времени. Разумеется, ты не посмеешь этого сделать, ибо ты закоренелый неудачник, а неудачники всегда предпочитают выбирать наименее желанную для них альтернативу. Верно?

— Нет, Сэм.

— Вздор!

— Ты хочешь, чтобы я не на шутку рассердился?

— Нет, я просто тебя чертовски полюбил. — Он раскурил для меня тростинку. — Через час я отправляюсь на работу во Дворец Грез. Ты не против того, чтобы помочь мне обмазаться кремом?

— Обмазывайся сам, чудище ты человекообразное. Я даже пальцем не прикоснусь к твоей черной противной туше!

— О! В твоей уродливой голове бунтует агрессивная гетеросексуальность!

Он разделся догола и залил маслом свою машинку для натирания тела.

Рычаги машины двигались кругами, как паучьи лапы, и полировали его черную кожу до лоснящегося глянца.

— Сэм, — сказал я. — Я хочу поступить на работу в Службу Времени.

5

ПОЖАЛУЙСТА,
ОТВЕТЬТЕ НА ВСЕ НИЖЕПРИВЕДЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

Фамилия: ДЖАДСОН ДЭНИЭЛЬ ЭЛЛИОТ ТРЕТИЙ

Место рождения: 11 ОКТЯБРЯ 2035 ГОДА.

Пол (М или Ж): М Гражданский регистрационный номер: 070-28-3479-XX5-100089981 Ученые степени — бакалавр: КОЛУМБИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2055 г. магистр: ТО ЖЕ, 2056 г. — доктор: ГАРВАРД, ЙЕЛЬ, ПРИНСТОН (незаверш.) Рост: 1 метр 88 см Вес: 78 кг Цвет волос: ЧЕРНЫЕ Цвет глаз: ЧЕРНЫЕ Расовый индекс: 8,5 бел+ Группа крови: BB 132 Брачные отношения (перечень временных или постоянных брачных связей, в порядке регистрации и длительность каждой из них): В БРАКАХ НЕ СОСТОЯЛ

Признанные дети: НЕТ

Причина поступления на работу в Службу Времени (лимит — 100 слов):

ПОВЫШЕНИЕ
УРОВНЯ ЗНАНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ МОЕЙ ОСОБОЙ

ОБЛАСТЬЮ ИЗУЧЕНИЯ; УГЛУБЛЕННОЕ ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ОБЫЧАЯМИ ЛЮДЕЙ ПРОШЛОГО И ИХ ПОВЕДЕНИЕМ; СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ; ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СВОИХ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ИСТОРИКАМ ИНФОРМАЦИИ; УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ РОМАНТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ.

Фамилии ближайших родственников, работающих в настоящее время в Службе Времени: НЕ ИМЕЕТСЯ.

6

Очень немногое из всего вышеупомянутого имеет какое-либо значение.

Предполагалось, что я буду хранить эту свою анкету как талисман, просто на тот случай, если кому-нибудь из бюрократов Службы Времени в самом деле взбредет в голову удостовериться в том, прошел ли я все необходимые для зачисления в Службу Времени формальности; единственно, что действительно нужно было указать, это мой гражданский регистрационный номер, который давал ребятам из Службы Времени полный доступ ко всему тому, что я указал в анкете, за исключением причин, по которым я решил вступить в Службу Времени, и еще ко многому другому. Простым нажатием кнопки в главном информационном центре можно было извлечь не только мой рост, вес, дату рождения, цвет волос, цвет глаз, расовый индекс, группу крови и уровень научной подготовки, но также список болезней, которыми я переболел, и всех видов прививок от инфекций, результаты медицинских и психологических обследований,

индекс спермы, среднюю температуру тела в различные времена года, размеры всех частей тела, в том числе и пениса как в возбужденном состоянии, так и в покое, все места, где я когда-либо проживал, перечень моих родственников вплоть до четвертого поколения и пятой степени родства, размер текущего счета в банке, характер проводимых мною финансовых операций, налоговый статус, участие в голосовании, список арестов, если таковые имели место, и домашних животных, которых я предпочитаю, размер обуви и так далее. Утаивание чего-либо исключено, так мне сказали.

Сэм ожидал меня в приемной, докучая своими предложениями помочь, пока я корпел над заполнением своей анкеты. Когда я разделался со своими бумагами, он поднялся и провел меня по винтовой рампе вниз, в глубины здания Службы Времени. Приземистые роботы с головами в виде кувалды, тяжело груженые документами и различной аппаратурой, сновали мимо нас. В стене отворилась дверь, и появилась секретарша. Когда она оказалась рядом с нами, Сэм игриво ущипнул ее за грудь, и она с визгом пустилась прочь.

Затем он неожиданно подтолкнул одного из роботов — очевидно, для того, чтобы им жизнь

медом не казалась.

— Оставь надежду, всяк сюда входящий, — продекламировал Сэм. — Я, пожалуй, неплохо справляюсь с этой ролью, верно?

— С какой это ролью — сатаны, что ли?

— Вергилия, — ответил он. — Сочувствующий тебе пиковый туз ведет тебя в нижние сферы. Здесь надо повернуть налево.

Мы вошли в кабину скоростного лифта и долго, очень долго опускались вниз. Вскоре мы очутились в огромном помещении высотой метров пятьдесят, не менее, наполненном влажным воздухом, и прошли по качающемуся канатному мосту высоко над полом.

— А каким образом, — спросил я, — новичок, у которого нет поводыря, может отыскать верную дорогу в этом здании?

— Это трудная для него задача, — признал Сэм.

Мост вывел нас в ярко освещенный коридор, в который выходило множество безвкусно отделанных дверей. На одной из них каким-то древним шрифтом со множеством завитушек — настоящий антиквариат — было написано:

«СЭМЮЭЛЬ ГЕРШКОВИЧ». Сэм прислонил свое лицо к щели сканирующего устройства, и дверь в ту же секунду отворилась. Перед нашими взорами

открылась длинная, узкая комната, обставленная очень старомодно, с надувной пластмассовой мебелью, веретенообразным письменным столом и даже, — одному Богу известно, для чего — с пишущей машинкой. Сэмюэль Гершкович оказался худым верзилой с сильно загорелым лицом, закрученными кверху усами, жидкими бакенбардами и подбородком длиной в добрый метр. При виде Сэма он одним махом перепрыгнул через стол, и они заключили друг друга в крепкие объятия.

— Братишка! — вскричал Сэмюэль Гершкович.

— Салажонок! — завопил Сэм, гуру.

Они поцеловали друг друга в щеки. Бешено потолкали один другого.

Затем разошлись на некоторое расстояние, и Гершкович, узрев наконец меня, спросил:

— Кто?

— Новобранец. Джад Эллиот. Наивный, но вполне годится для византийского маршрута. Свое дело знает.

— У вас при себе заявление, Эллиот? — спросил Гершкович.

Я протянул ему свои бумаги. Он быстро пробежал по ним глазами и произнес:

— Ни разу еще не женились? Упертый извра-

щенец?

— Нет, сэр.

— Значит, заурядный голубой?

— Нет, сэр.

— Боитесь девушек?

— Вряд ли, сэр. Меня просто не очень-то привлекают те обязанности, которые накладывает на человека пребывание в постоянном браке.

— Но ведь вы же… гетеро, не так ли?

— Большей частью, сэр, — сказал я, и тут же засомневался — не сболтнул ли невзначай что-нибудь не то.

Сэмюэль Гершкович пощипывал кончики своих усов.

— Видите ли, репутация наших византийских курьеров должна быть абсолютно безукоризненной. Вся атмосфера этого прошлого с особым душком, так сказать. Вы можете предаваться любым мыслимым и немыслимым порокам, сколько вашей душе пожелается, в 2059 году, но когда вы работаете курьером, вам нужно сохранять чувство меры. Аминь. Сэм, ты ручаешься за этого парня?

— Ручаюсь.

— Мне этого вполне достаточно. Но давайте все-таки проведем чисто формальную проверку,

чтобы удостовериться в том, что он не разыскивается за совершение какого-нибудь тяжелого преступления. К нам тут заявился на прошлой неделе такой милый, гладко подстриженный типчик, испрашивая разрешения участвовать в маршруте «Голгофа», для чего, разумеется, требуется подлинная безгрешность. А когда я сделал ему рентген, то обнаружилось, что его ищут за распространение так называемой «гнили протоплазмы» в штате Индиана. И за совершение нескольких других, столь же тяжких преступлений. Вот так-то. Так что проверить никогда не помешает.

Он активировал свой терминал, набрал на клавиатуре мой идентификационный номер, и на экране его дисплея тут же высветилось мое досье. Оно полностью соответствовало тем сведениям, которые я привел в своей анкете. Так что после быстрой сверки он тут же выключил дисплей, одобрительно кивнул, отстучал в память компьютера несколько собственных пометок и открыл свой стол. Извлек из него гладкую, плоскую, рыжевато-коричневую штуковину, похожую на небольшую связку соломы, и швырнул ее мне.

— Спускай штаны и одень вот это, — сказал он. — Сэм, покажи ему, как.

Я придавил кнопку застежки, и брюки мои упали почти до колен. Сэм обернул соломинками мои бедра и зафиксировал их. Они сомкнулись, почти не образуя швов, как будто всегда были единым целым.

— Это, — пояснил Сэм, — твой таймер. Он дистанционно подключен к центральной стрелочно-блокировочной системе и синхронизирован с нею таким образом, чтобы воспринимать волны транспортирующих импульсов по мере их поступления. До тех пор, пока ты не растратишь весь наличный запас флогистона, это маленькое устройство способно переместить тебя в любой момент времени в пределах последних семи тысяч лет.

— А в более ранние эпохи?

— При помощи данной модели это невозможно. Пока все равно еще ограничен доступ в доисторические времена. Нам приходится с помощью таких устройств открывать для себя с большой осторожностью одну историческую эпоху за другой. А теперь старайся слушать меня как можно внимательнее.

Управление устройством — сама простота. Вот здесь, прямо над твоей левой фаллопиевой трубой находится микровыключатель, определяющий

направление перемещения — вперед или назад. Для того, чтобы осуществить перемещение во времени, ты просто описываешь полукруг своим большим пальцем над этой точкой, а затем проводишь пальцем в направлении от бедра к пупку при желании переместиться назад во времени и от пупка к бедру — чтобы отправиться вперед.

Вот на этой стороне — точная временная настройка, для правильного использования которой необходимо немного потренироваться. Перед тобою расщепленный на отдельные соломинки циферблат. Видишь — год, месяц, день, час, минута? Да, нужно слегка напрячь зрение, чтобы разобрать — тут уж ничего не поделаешь. Годы откалиброваны в ПН — Перед Настоящим, то же самое имеет место для месяцев, дней и так далее. Вся сложность пользования таким циферблатом заключается в том, что нужно научиться мгновенно вычислять временную дистанцию точки назначения — например, 843 года ПН, пять месяцев, одиннадцать дней и так далее — и установить ее на циферблате. Арифметика нехитрая, но ты немало удивишься, когда узнаешь, как много людей не в состоянии перевести дату, например, 11 февраля 1192 года в соответствующее число лет, месяцев и дней тому

назад. Естественно, тебе придется приобрести необходимую сноровку, если ты намерен стать курьером, но сейчас тебе не стоит слишком об этом беспокоиться.

Он замолчал и взглянул на Гершковича, который вот что сказал мне:

— Сэм сейчас подвергнет вас предварительному дезориентировочному тесту. Если вы его пройдете, считайте, что вы приняты.

Сэм также пристегнул таймер.

— Приходилось когда-нибудь прежде перемещаться во времени? — спросил Гершкович.

— Ни разу.

— Значит, малыш, нас ждет сейчас немалая потеха, — Сэм с хитрецой посмотрел в мою сторону. — Я установлю отрезок времени на твоем циферблате. Когда я дам сигнал, тогда левой рукой включай таймер. Не забудь также подтянуть на место штаны.

— До или после?

— До, — сказал он. — Выключателем можно пользоваться через одежду. Не очень-то приятная перспектива объявиться в прошлом в штанах вокруг колен.

В таком виде быстро не побежишь. А ведь не так уж редко приходится бежать в ту же секунду

туда прибываешь.

7

Сэм установил время на моем циферблате. Я подтянул на прежнее место штаны. Он легонько прикоснулся к левой стороне нижней части своего живота и исчез. Я описал дугу, проходившую от моего бедра к моему пупку по своему собственному животу кончиками двух пальцев. И никуда не исчез. Исчез Сэмюэль Гершкович.

Он пропал так, как пропадает пламя свечи, когда на него подуют, но в то же самое мгновенье прямо передо мною внезапно появился Сэм, и теперь мы оба стояли в пустом кабинете Гершковича и смотрели друг на друга.

— Что произошло? — спросил я. — Куда это вдруг подевался Гершкович?

— Сейчас полдвенадцатого ночи, — сказал Сэм. — Сверхурочно, сам понимаешь, он не работает. Мы оставили его двумя неделями внизу по линии, когда осуществили свое шунтирование. Нас теперь подхватили, малыш, ветры времени.

— Мы вернулись на две недели в прошлое?

— Мы переместились на две недели вверх по линии, — поправил меня Сэм.

— И еще на полсуток. Вот почему сейчас ночь. Давай теперь побродим по городу.

Мы вышли из здания Службы Времени и поднялись на Третий уровень Нижнего Нового Орлеана. Похоже, у Сэма не было намерения сделать что-либо конкретное. Заглянули в один из ночных баров, где побаловались дюжиной устриц на брата, запивая их парой кружек пива и загадочно подмигивая при этом посетителям. Затем мы вышли на Нижнюю Бурбон-стрит, и только тут я вдруг сообразил, почему именно эту ночь выбрал Сэм для нашей первой экскурсии в прошлое, а поняв это, я ощутил, как защемило от страха у меня в мошонке и как по всему телу выступил обильный пот. Сэм рассмеялся.

— У новичков всегда такая реакция, Джад-малыш, когда в прошлом они подходят к этой точке. Именно здесь и проявляются неудачники.

— Мне придется встретиться с самим собою! — вскричал я.

— Тебе удастся узреть самого себя, — поправил он. — Смотри, будь очень осторожен, чтобы не попадаться самому себе на пути никогда-никогда, ибо тогда для тебя на этом все может и закончиться. Патруль времени пустит тебя в расход, если ты вздумаешь выкинуть такой фокус.

— Предположим, моему более раннему воплощению случится увидеть меня, что тогда?

— Тогда ты уже получил свое. В этом-то и заключается испытание твоей нервной системы, и лучше всего призвать на помощь всю свою силу воли и выдержку. О, вот мы и приехали! Ты узнаешь этого глупого на вид гусака, который, раскрыв рот, шествует по улице?

— Это Джадсон Дэниэль Эллиот третий.

— Верно, дружище! Доводилось ли тебе за всю свою жизнь любоваться зрелищем более глупым, чем это? Ну-ка, скорее в тень, дружок. Назад в тень. Белый человек здесь — редкость, а он, хотя и не очень-то умен, но совсем не слеп.

Мы прижались к стене в тени, и я, ощущая острую боль в нижней части живота, наблюдал за тем, как Джадсон Дэниэль Эллиот третий, едва покинув подземку, доставившую его из Нью-Йорка, бредет по улице ко Дворцу Грез на углу, держа в руке чемоданчик. Я обратил внимание на некоторую дряблость его осанки и деревенскую манеру выворачивать носки при ходьбе. Уши у него показались мне удивительно большими, а правое его плечо было чуть-чуть ниже левого. С виду он был остолоп остолопом, самой что ни на есть неотесанной деревенщиной. Он прошел

мимо нас и приостановился перед витриной Дворца Грез, мечтательно уставившись на двух голых красоток, плескавшихся в коньяке. Высунув язык, он облизывал свою верхнюю губу. Он раскачивался на ступнях. Неуверенно потирал свой подбородок. Весь его ум был занят решением вопроса, насколько для него реален шанс раздвинуть ноги одной из этих двоих голых красавиц в этот вечер. Я теперь мог бы сказать ему, что у него весьма неплохие шансы.

Он вошел во Дворец Грез.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил у меня Сэм.

— Растерянно.

— По крайней мере, ты искренен. Это всегда крепко бьет по мозгам, когда новичок впервые уходит вверх по линии и видит самого себя. Ничего, со временем к этому привыкнешь. Ну и каким он тебе показался?

— Полным олухом.

— И это стандартная реакция. Будь к нему снисходителен. Откуда ему знать все то, что теперь стало известно тебе? Ведь он, как-никак, моложе, чем ты.

Сэм при этом тихо рассмеялся. Мне же было совсем не до смеха. Я все еще был ошарашен тем,

что увидел, как я же бреду по улице. У меня было такое чувство, будто я стал своим собственным признаком. Гершкович сказал, что это предварительная дезориентация. Да, тут он не ошибся.

— Не беспокойся, — сказал Сэм. — Ты вел себя прекрасно.

Его рука привычным движением проскользнула мне под брюки, и я почувствовал, как он производит некоторую перенастройку моего таймера.

Затем то же самое он сделал и с собой.

— Теперь шунтируемся еще выше по линии, — сказал он.

Он исчез. Я последовал за ним вверх по линии. Через какое-то неуловимое мгновение мы уже снова стояли рядом, на той же самой улице, в то же самое время.

— Двадцать четыре часа до твоего появления в Нью-Орлеане. Один «ты» здесь, а один еще в Нью-Йорке, намеревается отправиться на юг. Ну, как ты себя теперь чувствуешь?

— Противоречиво, — произнес я. — Но пытаюсь свыкнуться с этим.

— Но это еще не все. Теперь давай заглянем ко мне домой.

Он привел меня в свою квартиру. Там никого

не было, потому что Сэм на данном отрезке времени был на работе во Дворце Грез. Мы прошли в ванную, и Сэм еще раз произвел настройку моего таймера, на этот раз на тридцать один час вперед.

— Шунтируйся, — велел он мне, и мы вместе спустились по линии, снова очутившись в ванной Сэма, но уже на следующую ночь. Я слышал пьяный смех из соседней комнаты, слышал захлебывающиеся, сладострастные вскрики. Сэм быстро закрыл дверь ванной комнаты и прикрыл ладонью задвижку. Я понял, что это я сам занимаюсь в соседней комнате сексом то ли с Бетси, то ли с Элен, и почувствовал, как возвращается прежний мой страх.

— Подожди здесь, — заговорщическим тоном произнес Сэм, — и никого сюда не пускай, пока не услышишь два стука и через паузу еще один. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

Он вышел из ванной комнаты, я тотчас же закрыл дверь за ним на защелку. Прошли две или три минуты. Раздался условный стук, и я приоткрыл дверь. Ухмыляясь, Сэм произнес:

— Сейчас подсматривать вполне безопасно. Они все в такой форме, что просто не в состоянии заметить нас. Идем.

— Это обязательно?

— Если ты хочешь поступить на работу в Службу Времени, то обязательно.

Мы выскользнули из ванной и вошли в комнату, чтобы понаблюдать за происходившей там оргией. Я с большим трудом сдержался, чтобы не закашляться, когда целый букет запахов наполнил мои, не готовые к этому, ноздри. В комнате Сэма перед моим взором явилась масса извивающейся голой плоти. Слева от себя я увидел огромное, черное тело Сэма, припечатывавшее нежную белизну тела Элен; из-под него виднелось только ее лицо, да еще ее руки, обвившие его широкую спину и нога, крюком зацепившаяся вокруг одной из его ягодиц. Справа от меня мое собственное предыдущее воплощение переплелось с пышнотелой Бетси. Мы возлегали в одной из поз кама-сутры, она — на своем правом бедре, я — на левом, ее нога обвивала мое туловище, а все мое тело как-то сложно вращалось вокруг нее.

Испытывая нечто, вроде холодного ужаса, я наблюдал за тем, как владею ею. Хотя я множество раз видел сцены копуляции в различных программах по «трехмеру», на пляжах, иногда на вечеринках, впервые в своей жизни я стал свидетелем собственного участия в подобном

акте, и был потрясен абсурдностью того, что видел: этими идиотскими вздохами, искаженными чертами, сладострастными судорогами. Бетси прямо-таки блеяла от похоти, наши болтающиеся в воздухе конечности несколько раз изменяли ритм и такт своих движений, мои сведенные судорогой пальцы вонзились глубоко в ее мясистые ягодицы, механические толчки и тычки все продолжались и продолжались. И по мене того, как я привыкал к этому зрелищу, ужас мой постепенно угасал, пока в конце концов я не обнаружил в себе чисто уже клиническую отрешенность, с которой я стал относиться к происходящему. Сам собой высох пот, выступивший от страха по всему моему телу, и вот я уже стоял в комнате со скрещенными на груди руками и хладнокровно взирал на бурную деятельность на полу. Сэм улыбнулся и кивнул мне, как бы говоря, что я выдержал экзамен. Он еще раз перенастроил мой таймер, и мы шунтировались вместе. Комната Сэма была теперь свободна от предававшихся блуду и тех запахов, которыми это сопровождалось.

— Где мы теперь? — спросил я.

— Мы вернулись назад на тридцать один час и тридцать минут. Пройдет совсем немного времени, и мы с тобою захотим пройти в ванную

комнату, но мы не будем здесь задерживаться, дожидаясь этого. Давай лучше вернемся в верхнюю часть города.

Мы проследовали через более высокие городские уровни, пока не очутились в старом Нью-Орлеане под усыпанным звездами небом.

Роботы, которые ведут регистрацию всех чудаков, приходящих сюда подышать свежим воздухом, сверили, кто мы такие, после чего мы прошли дальше, выйдя на тихие и пустынные улицы. Вот и Бурбон-стрит, вот покосившиеся от ветхости здания подлинного французского квартала. Скрытые камеры, вмонтированные в ажурные решетки балконов, неусыпно следили за нами, ибо в этом покинутом жителями районе люди невинные могут стать жертвой развратников, а богатые туристы — добычей мародеров, которые рыщут по этому находящемуся на поверхности городу.

Правда, мы не настолько долго задержались наверху, чтобы нарваться на неприятности. Сэм внимательно осмотрелся вокруг, на какие-то несколько секунд призадумался и принял решение, чтобы мы стали у стены одного из домов. Когда он производил настройку моего таймера на еще одно шунтирование, я спросил у него:

— А что будет, если мы материализуемся в пространстве, которое уже занято кем-нибудь или чем-нибудь?

— Это исключено, — пояснил Сэм. — Срабатывают автоматические амортизаторы и отшвыривают нас мгновенно к нашей отправной точке. Но это сопровождается большим расходом энергии, что очень не нравится Службе Времени, поэтому мы всегда стараемся прежде, чем осуществить прыжок во времени, подыскать для шунтирования такое место, где подобные препятствия исключены. Вот как раз место рядом со стеной здания обычно вполне подходит для того, чтобы избежать подобной коллизии, при условии, разумеется, что стена находится на том же месте в том времени, куда ты намереваешься шунтироваться.

— И куда же мы следуем теперь?

— Шунтируйся и увидишь сам, — сказал он, и осуществил прыжок. Я последовал его примеру.

Город снова бурлил жизнью. Люди в одеждах, характерных для двадцатого столетия, сновали по его улицам: мужчины в галстуках, женщины в юбках, доходивших до колен и прикрывавших тем самым наиболее соблазнительные места, одежда закрывала даже соски грудей. Автомоби-

ли, шумно тарахтевшие вокруг нас, создавали такой мерзкий чад, что мне страх как захотелось вырвать. Надрывно гудели сигнальные сирены автомашин, отбойные молотки вспарывали грунт. Повсюду шум, вонь, грязь.

— Добро пожаловать в 1961 год, — произнес Сэм. — Только что принял присягу в качестве президента Джон Ф. Кеннеди. Самый первый из Кеннеди, секешь? Вот эта штуковина у нас над головой — реактивный самолет. А это светофор.

Он подсказывает, когда можно безопасно перейти улицу. А вот там, повыше, фонари уличного освещения. Они электрические. Еще не существует нижних уровней. Здесь перед нами весь город, город Новый Орлеан как единое целое. Тебе здесь нравится?

— Побывать в таком месте весьма интересно. Но мне не хотелось бы жить здесь.

— У тебя голова кружится? Тошнит? Ты испытываешь отвращение?

— Трудно разобраться.

— В этом нет ничего зазорного. Всегда испытываешь легкий временной шок при первом взгляде на прошлое. Оно всегда почему-то кажется наполненным не очень-то приятными запахами, и в нем царит больший беспорядок,

чем ты предполагал. Некоторые кандидаты отказываются от своего намерения работать в Службе Времени в первый же момент, когда шунтируются в достаточно отдаленное время вверх по временной оси.

— Я не отступлюсь.

— Хороший мальчик.

Я продолжал наблюдать за сценами из жизни города, видел женщин, чьи груди были заключены в тугие корсеты под одеждой, мужчин с багровыми лицами, будто они страдали от удушья, пронзительно визжавших детей. Будь объективен, сказал я самому себе. Считай себя студентом, изучающим другие времена, другие культуры.

Кто-то показал на нас и закричал:

— Эй, смотрите, битники!

— Скорей отсюда, — сказал Сэм. — Нас засекли.

Он отрегулировал мой таймер. Мы совершили прыжок.

Тот же город. Столетием ранее. Те же дома, элегантные, кажущиеся вневременными в своей блеклой окраске. Ни светофоров, ни отбойных молотков, ни уличных фонарей. Вместо автомобилей по улицам, пересекающим старые кварталы, лениво тащатся повозки.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказал Сэм. — Это 1858 год. Наша одежда вызывает у местных жителей немалые подозрения, а мне совсем не хочется делать вид, будто я невольник.

Мы снова шунтировались.

Город исчез. Вокруг нас простиралась болотистая местность. К югу видны были поднимающиеся вверх клочья тумана. Стволы грациозных деревьев местами покрывал мох. В небе было темно от пересекавших его гигантских стай каких-то птиц.

— Год 1382, — пояснил гуру. — А над головой у нас — странствующие голуби. Дедушка Колумба пока что еще девственник.

Мы делали прыжки во все более и более глубокое прошлое. 897 год, 440, 97. Вокруг нас мало что изменялось. Во время одной из наших остановок мимо нас устало прошли несколько обнаженных индейцев. Сэм галантно с ними раскланялся. Они любезно кивнули нам в ответ, почесали гениталии и побрели прочь. Посетители из будущего не произвели на них особого впечатления. Мы шунтировались.

— Год первый после Рождества Христова, — сказал Сэм. Мы снова шунтировались. — Мы возвратились в прошлое еще на двенадцать

месяцев и теперь в первом году до Рождества Христова. Здесь очень велика вероятность арифметических ошибок. Однако если, находясь в 2059 году до Рождества Христова, будешь твердо знать, что следующим годом является 2058, то особых неприятностей у тебя не должно быть.

Он препроводил меня в 5800 год до Рождества Христова. Я обратил внимание на некоторые изменения климата; стало несколько суше и прохладнее, чем до этого. Затем мы стали возвращаться назад, преодолевая за каждый прыжок ровно пятьсот лет. Он извинился передо мной за неизменный характер нашего окружения. Все становится куда интереснее, заверил он меня, когда перемещаешься вверх по линии в Старом Свете. Мы добрались до 2058 года и прошлись к зданию Службы Времени. Входя в пустой кабинет Гершковича, мы приостановились на мгновенье, которое понадобилось Сэму для того, чтобы произвести более тонкую регулировку наших таймеров.

— С этим надо быть поосторожнее, — пояснил он. — Я хочу, чтобы мы очутились в кабинете Гершковича через тридцать секунд после того, как мы его покинули. Если я ошибусь даже совсем немного, то может случиться так, что мы

встретимся со своими и убывающими отсюда воплощениями, и это будет означать для нас крупные неприятности.

— Почему бы для пущей безопасности не установить время прибытия на циферблате так, чтобы оно было на пять минут позже?

— Здесь замешана профессиональная гордость, — сказал Сэм.

Мы шунтировались вниз по линии из пустого кабинета Гершковича в кабинет, где он восседал за своим письменным столом, уставясь взглядом в то место, где мы были тридцатью секундами раньше.

— Ну как? — спросил он.

Сэм просиял.

— У парня нервы и все прочее в полном порядке. Рекомендую принять его.

8

Вот так я стал новобранцем Службы Времени, в том из ее отделов, где работали курьеры времени. Оплата была неплохая, возможности безграничные.

Хотя мне еще предстояло пройти курс подготовки. Совершенно непозволительно доверять туристов новичкам — мало ли что могут они натворить в прошлом.

За первую неделю ничего особого не произошло. Сэм вернулся на работу во Дворец Грез, я слонялся без дела. Затем меня пригласили в штаб-квартиру Службы Времени для прохождения первичной подготовки.

Нас в классе оказалось восьмеро, все мы были новичками. Из нас получилась компания, пользовавшаяся весьма сомнительной репутацией.

Возраст наш колебался от чуть более двадцати до — так мне кажется — далеко за семьдесят; пол — от мужского до женского со всеми возможными промежуточными градациями; виды на будущее у всех нас были самые что ни на есть хищные.

Наш инструктор, Наджиб Дайани, был не на-

много лучше. Он был сирийцем.

Его семья перешла в иудейскую веру после того, как территория, на которой она жила, была завоевана Израилем, из чисто деловых соображений, и он никогда не расставался со сверкающей, видной издалека Звездой Давида отличительным знаком его новой веры. Однако было общеизвестно, что в минуты опасности или по рассеянности он частенько взывал к Аллаху или клялся бородой Пророка, и поэтому я не совсем уверен, доверил ли бы я ему место в совете директоров моей синагоги, будь у меня синагога. Да и внешний вид у него был, как у сценического мавра, кожа — очень смуглая, взгляд — зловещий, глаза всегда закрыты темными очками, целая подборка массивных золотых колец украшала большую часть его пальцев, быстрая, приветливая улыбка обнажала два ряда белых зубов.

Впоследствии я узнал, что он неоднократно проводил очень прибыльные маршруты на Голгофу, где туристы становились свидетелями распятия Иисуса Христа, и был понижен в должности до рядового инструктора по распоряжению патруля времени сроком на шесть месяцев в виде наказания. Кажется, он в качестве побочного бизнеса торговал направо и налево в самых раз-

личных точках прошлого частями подлинного креста. Правила запрещают курьерам злоупотреблять своим положением в целях извлечения личной наживы. Наша подготовка началась с урока истории.

Коммерческие путешествия во времени, — сказал Дайани, — функционируют вот уже на протяжении двадцати лет. Разумеется, исследования эффекта Бенчли начались еще в конце прошлого столетия, но, как вы сами понимаете, правительство не могло разрешить частным лицам пускаться в темпоронавтику до тех пор, пока со всей определенностью не была установлена полная безопасность. Таким-то вот образом правительство печется о благополучии всех без исключения граждан.

Дайани выразительно подмигнул, что было видно, несмотря на очки, по изогнувшейся брови. Мисс Далессандро из первого ряда громко рыгнула в знак презрения.

— Вы не согласны? — спросил Дайани.

Мисс Далессандро, которая была пухлой женщиной с черными волосами, но удивительно маленькой грудью, явно выраженными позывами небезызвестной Сафо, а также ученой степенью по истории промышленной револю-

ции, начала было отвечать, но Дайани спокойно оборвал ее и продолжал:

— Служба Времени, в одно из подразделений которой вы зачислены, выполняет несколько важных функций. Нам она доверяет обслуживание и эксплуатацию всех устройств, использующих эффект Бенчли. Кроме того, наш исследовательский отдел постоянно стремится улучшить технологическую субструктуру транспортирующих во времени устройств, и по сути таймер, которым мы теперь пользуемся, был запущен в эксплуатацию всего лишь четыре года тому назад.

Нашему родному отделу — отделу курьеров времени — поручена задача сопровождать граждан в прошлом. — Он самодовольно сложил руки на своем брюшке и стал рассматривать запутанные узоры на своих золотых кольцах. — Большая часть нашей деятельности связана с туристским промыслом. Это обеспечивает наш экономический базис. За весьма солидную плату мы набираем группы из восьми или десяти любителей достопримечательностей и организуем тщательно подготовленные вылазки в прошлое, причем обычно такую группу сопровождает один курьер, хотя в исключительно сложных ситуациях могут быть посланы и двое.

В любой данный момент настоящего времени по предыдущим тысячелетиям могут быть разбросаны до сотни тысяч туристов, которые наблюдают Распятие на кресте, подписание Великой Хартии Вольностей, убийство Линкольна и другие подобные события. Вследствие парадоксов, являющихся неотъемлемой частью подобных вылазок, постепенно создается все более увеличивающаяся аудитория, присутствующая при важных исторических событиях в фиксированных точках потока времени, и мы сталкиваемся с трудной задачей ограничения числа туристов, желающих наблюдать за подобными событиями.

— Не угодно ли вам более подробно объяснить это, сэр? — спросила мисс Далессандро.

— На следующем занятии, — ответил Дайани и продолжал. — Естественно, мы не должны ограничивать путешественников во времени одними только туристами. Ко всем значительным событиям в прошлом имеют доступ историки, поскольку необходимо провести ревизию всех существующих воззрений на историю в свете изучения подлинного хода событий. Мы учредили из наших доходов, приносимых туристским бизнесом, некоторое количество стипендий для особо

одаренных историков, предоставляя им возможность бесплатно посетить периоды, к которым относятся их исследования. Эти вылазки также возглавляются курьерами. Однако вы не будете связаны с этим аспектом нашей деятельности. Мы заранее предупреждаем всех вас, зачисленных в наш отдел в качестве будущих курьеров, о том, что они будут заниматься только туризмом.

Другим важнейшим отделом Службы Времени является патруль времени. В его задачу входит предотвращение злоупотреблений, которые могут быть совершены с помощью устройств, использующих эффект Бенчли, и предохранение хода истории от парадоксов. На нашем следующем занятии мы подробно рассмотрим природу этих парадоксов и способы их предотвращения. Занятие окончено.

Мы устроили небольшое общее собрание группы после того, как из аудитории вышел Дайани. Мисс Далессандро, решительно размахивая руками и обнажая при этом волосатые подмышки, почти приперла к стенке изящную блондинку мисс Чамберс, которая быстренько сбежала к мистеру Чуднику, мускулистому, высокого роста джентльмену с отсутствующим, хотя и благородным взглядом, свойственным скульптурным

портретам римских аристократов. Мистер Чудник, однако, делал все более настойчивые попытки поближе познакомиться с мистером Берлингемом, щегольски одетым молодым человеком, который, по всей вероятности, не был гомосексуалистом, несмотря на свой внешний вид и манеры. И поэтому, спасаясь от хищных намерений мисс Далессандро, мисс Чамберс обратилась ко мне и попросила проводить ее домой. Я принял ее приглашение.

Выяснилось, что мисс Чамберс изучает историю последних веков существования Римской империи. Это означало, что ее сфера интересов тесно переплетается с моею. Наш секс был чисто формальным и механическим, поскольку он в общем-то ее почти не интересовал, и предалась она ему только из вежливости, а затем мы долго обсуждали обращение императора Константина к христианству — фактически до самого утра.

Мне кажется, она в меня влюбилась. Я однако ничем не поощрял ее любовных устремлений, и наша любовь продолжалась совсем недолго. Я восхищался глубиной ее знаний, но ее бледное, небольшое тело быстро мне наскучило.

9

На нашем следующем занятии мы подробно рассмотрели природу парадоксов, вызванных перемещениями во времени, и способы их предотвращения.

— Нашей величайшей, так сказать, сверхзадачей, — начал Дайани, является поддержание незыблемости нынешнего времени. Появление устройств, основанных на применении эффекта Бенчли, открыло настоящий ящик Пандоры потенциальных парадоксов. Прошлое больше уже не является фиксированным состоянием, поскольку мы теперь вольны путешествовать вверх по линии попадая в любой наперед заданный момент времени и изменять так называемые «реальные» события. Результатом подобного вмешательства, разумеется, может быть глобальная катастрофа, поскольку при этом возникает все более расширяющийся вектор разрыва хода текущих событий, что может коренным образом видоизменить каждый аспект жизни нашего общества. — Дайани небрежно зевнул. — Рассмотрите, если вам угодно, послед-

ствия разрешения путешественнику во времени посетить год шестисотый и убить молодого Магомета. Все динамичное развитие ислама будет таким образом оборвано в самом начальном его периоде; вследствие этого арабы не завоюют Ближний Восток и Южную Европу; не произойдут Крестовые походы; миллионы людей, которые погибли вследствие нашествия мусульман, теперь останутся в живых, и многочисленное их потомство окажет свое влияние на ход истории с совершенно непредсказуемыми результатами. И все это произойдет в результате гибели некоего молодого купца из Мекки. Поэтому…

— Может быть, — высказала предположение мисс Далессандро, существует закон консервации истории, согласно которому даже если и не будет самого Магомета, то появится среди арабов какой-нибудь другой харизматический лидер и сыграет точно такую же роль?

Дайани бросил в ее сторону колючий взгляд.

— На такой риск мы не пойдем, — сказал он. — Мы предпочитаем следить за тем, чтобы все «прошлые» события, зафиксированные в аналогах истории в том виде, как это было до наступления эры путешествий во времени, остались неприкосновенными.

В течение последних пятидесяти лет нынешнего времени весь предыдущий, так называемый, исторический период развития человечества, всегда считавшийся неизменным, стал потенциально подвержен изменениям. Тем не менее, мы изо всех сил боремся за то, чтобы он так и остался неизменным.

Поэтому-то и приходится держать на службе патруль времени, чтобы события в прошлом происходили именно так, как они в самом деле произошли, вне зависимости от того, насколько благоприятными они были. Катастрофы, убийства, трагедии всякого рода трагедии должны происходить строго по графику, начертанному в аналогах истории, ибо в противном случае будущее то есть, наше нынешнее время — подвергнется необратимым изменениям.

— Но разве сам факт нашего присутствия в прошлом, — спросила мисс Чамберс, — не является причиной изменения этого прошлого?

— Вот как раз к этому вопросу я и хотел подойти в своих объяснениях, — явно недовольным тоном произнес Дайани. — Если мы допускаем, что прошлое и настоящее образуют нерасторжимый континуум, становится очевидным, что посетители из двадцать первого столетия

фактически присутствовали при всех великих событиях прошлого, притом невмешательство их было таково, что даже упоминания об этом не проскользнуло на страницы истории, которая была зафиксирована. Поэтому мы прибегаем к искусной маскировке каждого, кто отправляется вверх по линии, следим за тем, чтобы его одежда строго соответствовала той эпохе, в которой он появится. Наблюдать прошлое приходится, совершенно ни во что не вмешиваясь, в роли молчаливых, случайных прохожих, насколько это возможно, не вызывая ни малейших подозрений у окружающих. Это правило, соблюдения которого патруль времени требует с абсолютной непреклонностью. Вкратце я сейчас объясню вам природу таких превентивных мер.

Вчера я уже упомянул про парадокс кумуляции аудитории — все более увеличивающееся число зрителей того или иного события. Он представляет очень запутанную философскую проблему, которая до сих пор не разрешена и которую я представлю вам в виде чисто теоретического упражнения, чтобы вы могли понять сложности, сопутствующие нашему роду деятельности.

Рассмотрим такой пример: первым путешественником во времени, отправившимся вверх

по линии обозревать Распятие Христа, был экспериментатор Верни Наварре, произошло это в 2012 году. На протяжении последующих двух десятилетий точно такое же путешествие совершили еще пятнадцать-двадцать разведчиков. С 2041 года начались коммерческие путешествия туристских групп в район Голгофы, примерно по одной группе в месяц, в результате чего около ста туристов в год наблюдает за этим событием.

Следовательно, на день сегодняшний примерно тысяча восемьсот обитателей двадцать первого столетия стали свидетелями Распятия Христа. А теперь посудите сами: каждая из этих групп оставляет нынешнее время в различные месяцы, но каждая из них обязательно встречается с любой другой в один и тот же день! Если туристы будут продолжать посещать Распятие Христа по той же квоте — сто человек за год, — то к середине двадцать второго столетия толпа у подножия Голгофы будет состоять по меньше мере из десяти тысяч путешественников во времени, и, даже если допустить, что не будет разрешено увеличить квоту, то к началу тридцатого столетия такое путешествие проделают около ста тысяч человек, и все они непременно будут скопляться в самом, так сказать, эпицентре Страстей Господних. Если

проследить действие парадокса кумуляции аудитории, то, в конце концов, путешественников во времени достигнет миллиардов, наводнивших прошлое для того, чтобы стать свидетелями Распятия, заполонивших всю Святую Землю и в избытке ринувшихся в Турцию, в Аравию, и даже в Индию и Иран.

Подобное рассуждение можно применить и к любому другому значительному событию мировой истории: по мере расширения коммерческого туризма, любое событие в прошлом со всей неизбежностью будет просто захлестнуто нахлынувшими ордами праздных наблюдателей. Тем не менее, во всех изначальных версиях этих событий такие орды не зафиксированы — их там попросту не было! Каким образом можно разрешить этот парадокс?

У мисс Далессандро на сей счет не оказалось каких-либо предположений.

Она просто была ошарашена этим. Так же, как и все остальные. В том числе и сам Дайани.

Даже самые проницательные умы нашей эпохи не в состоянии разрешить этот парадокс, а тем временем прошлое все больше наполняется путешествующими во времени любителями острых ощущений!

Напоследок Дайани подбросил нам еще одну кость прежде, чем отпустить нас с миром.

— Ко всему этому могу еще добавить, — сказал он, — что я сам в качестве курьера проделал маршрут «Распятие» двадцать два раза с двадцатью двумя различными группами. Если вам посчастливится посетить завтра Распятие, вы там обнаружите двадцать два Наджиба Дайани одновременно у подножья горы Голгофы, причем каждый из моих двойников занимает различное положение в пространстве, давая пояснения своим слушателям, что происходит перед их глазами. Разве не стоит хорошенько поразмыслить над этим интригующим размножением Наджибов Дайани? Почему не гуляют на свободе двадцать два Дайани в нынешнем времени? Интеллект очень обострится решать подобные задачи. А теперь вы все свободны, дорогие мои леди и джентльмены, до следующей встречи.

10

Меня очень встревожил факт существования лишних Дайани, однако «головастики» из нашего класса быстренько догадались, почему все они не напихались гуртом в наше нынешнее время. Вся штука была в фундаментальных ограничениях, которые накладывал эффект Бенчли на перемещение вниз по линии или, если уйти от жаргона сотрудников Службы Времени, на путешествие во времени в будущее.

Мой одноклассник мистер Берлингем объяснил мне все это после занятий.

Таким весьма эксцентричным способом он пытался соблазнить меня. У него ничего из этого не вышло, зато я несколько пополнил свои теоретические знания в отношении времени.

Когда перемещаешься вниз по линии, сказал он мне, можно продвинуться вперед, в будущее, только на тот промежуток времени, который составляет момент, когда ты покинул настоящее, переместившись вверх по линии, плюс величина абсолютного времени, которая истекла за период твоего пребывания в прошлом. Таким

образом, если совершаешь прыжок во времени из 20 марта 2059 года ну, скажем, в весну 1801 года, и проводишь в этом 1801 году три месяца, то в будущее можешь переместиться не далее, как в 20 июня 2059 года. И никак нельзя прыгнуть вниз по линии до августа 2059 года, не говоря уже о более поздних годах.

Не существует абсолютно ни малейшей возможности попасть в свое собственное будущее!

Не знаю, почему это так, а не иначе. Мистер Берлингем положил свою бледную руку мне на колено и стал излагать свои теоретические выкладки на сей счет, но я был слишком занят тем, что предотвращал одновременное с разглагольствованиями о перемещении вверх по линии перемещение вверх по моему бедру его ладони.

Хотя Дайани позже провел еще три занятия, простыми словами рассказывая нам о механике осуществления эффекта Бенчли, я все равно не в состоянии твердо сказать, что уразумел, как все это работает на самом деле, почему происходит все так, а не иначе, и даже каковы исходные условия. Временами же мне вообще кажется, что все это мне просто приснилось. Как бы то ни было, но в нынешнем времени нет двадцати двух Дайани, так как всякий раз, когда Дайани сопровождал

маршрут «Распятие», он всегда прыгал назад, в нынешнее время, в точку, абсолютное время которой чуть предшествовало времени следующего его отправления в прошлое.

И здесь сам он ничего с не мог поделать — если отправляешься вверх по линии в январе, проводишь пару неделек в одной из прошлых эпох, а затем возвращаешься, то в нынешнем времени появляешься никак не позже января, либо в самом крайнем случае, февраля того же года, из какого ушел вверх по линии. А если следующий прыжок по графику назначен на март, то, естественно, нет никакой возможности перекрыть время своего пребывания в нынешнем времени.

Вот поэтому-то Дайани, сопровождавший туристов на Голгофу, всегда оказывается «одним и тем же» с точки зрения людей, живущих в нынешнем времени. А вот на другом конце «прыжка» нагромождается насколько дюжин Дайани, поскольку он продолжает производить прыжки из различных точек нынешнего времени в одно и то же «тогдашнее». Аналогичное происходит и со всяким другим, кто производит повторные прыжки в одну и ту же временную точку вверх по линии. Вот в этом-то и заключается парадокс темпоральной аккумуляции. Можете сами пораз-

мыслить над его разрешением.

А когда ум мой не бился над разрешением таких парадоксов, я проводил время весьма приятно, предаваясь, как и обычно, различным наслаждениям.

Вокруг Сэма и его квартиры всегда околачивалось большое количество охочих до любви девчонок.

В те дни я слишком много времени уделял охоте за прячущимися между женских ног прелестями. Даже, пожалуй, был одержим этим. Поиски таких возможностей занимали весь мой досуг; я даже считал ночь прошедшей зря, если мне на ее протяжении не удавалось хотя бы разок совершить путешествие к вожделенным местам. Мне и в голову не приходило, что, может быть, стоило бы поискать таких взаимоотношений с представительницами противоположного пола, глубина которых измерялась бы величиной большей, чем шесть дюймов, то есть, тем, что называют «любовью».

Да, вот так оно и было — будучи пустоголовым, неоперившимся еще юнцом, я совсем не интересовался тогда любовью.

С другой стороны, возможно, и не был я таким уж пустоголовым. Ибо теперь я испытал любовь

и что-то не усматриваю, чтобы от этого стал счастливее. Фактически, мне теперь куда хуже, чем было тогда.

Правда, никто не заставлял меня влюбиться в ту, что живет вверху по линии.

11

Однажды к нам в класс заглянул лейтенант Брюс Сандерсон из патруля времени, чтобы рассказать нам о тех опасностях, которые нас подстерегают, если отважиться на вмешательство в ход событий, зафиксированных в историческом прошлом.

Внешний вид лейтенанта вполне соответствовал роли, возложенной на него. В жизни своей не видел более высокого мужчины, к тому же у него были широченные плечи и невообразимо квадратная челюсть. Большинство дамочек в классе мгновенно испытали оргазм, едва он вошел, от них вряд ли отстали мистер Чудник и мистер Берлингем. Сандерсон сразу же принял оборонительную позу, широко расставив ноги и повернувшись спиной к стене, готовый справиться с любыми неприятностями. Одет он был в серую форму, у него были рыжие, коротко подстриженные волосы и бездушно голубые глаза.

Дайани, сам далеко не безгрешный, жертва усердия патруля времени, забился в угол классной комнаты, уступив и кафедру, и своих

учеников. Я заметил, сколь зловеще смотрел он на лейтенанта через свои темные очки.

— Так вот, — начал лейтенант Сандерсон, — вам уже, наверное, известно, что нашей главной задачей является поддержание священной неприкосновенности нынешнего времени. Мы не имеем права позволить всякого рода случайным изменениям проникнуть в наше прошлое, ибо это может вызвать непредсказуемые последствия для нашего настоящего. Поэтому-то мы и обзавелись патрулем времени, который ведет неусыпное наблюдение за всем временным континуумом, простирающимся вверх по линии, и принимает все меры для того, чтобы события в нем происходили именно так, как зафиксированы они в исторических книгах. От себя хочу добавить: Боже, благослови тех людей, которые законодательно закрепили существование патруля времени.

— Аминь, — произнес кающийся Дайани.

— Только не подумайте, Боже упаси, что я получаю какое-то удовольствие от той работы, которую мне приходится выполнять, — продолжал лейтенант, — хотя и считаю, что сохранение неприкосновенности нынешнего времени — это самая важная работа, которую должен выполнять

человек. Но когда я произношу: Боже, благослови тех людей, которые придумали патруль времени, говорю я так, потому что именно этим людям мы обязаны спасением всего, что является в нашем существовании истинным, драгоценным и прекрасным. Вы хотя бы представляете себе, что могло бы случиться, если бы не было патруля времени? Какого рода безобразия могли бы творить беззастенчивые негодяи? Позвольте мне привести несколько примеров.

Таких, как вылазка в прошлое и уничтожение Иисуса, Магомета, Будды, всех наших величайших духовных наставников в то время, когда они были детьми и не сформулировали еще свои замечательные боговдохновенные идеи.

Таких, как предупреждение величайших негодяев нашей истории о тех опасностях, которые им грозят в будущем, чтобы позволить им обмануть судьбу и предоставить возможность и дальше наносить вред человечеству.

Таких, как кража сокровищ искусства из прошлого, что лишит миллионы людей на протяжении многих столетий возможности наслаждаться ими.

Таких, как проведение мошеннических финансовых операций, результатом которых было бы

банкротство миллионов ни в чем неповинных вкладчиков, которым не повезло в смысле обладания информацией в отношении биржевой стоимости акций в будущем.

Таких, как возможность давать заведомо ложные советы великим правителям прошлого, тем самым завлекая их в ужасные ловушки.

Я привел все эти примеры, друзья мои, потому что именно такого рода преступления на самом деле случались. Они все взяты из архива патруля времени, хотите верьте мне, хотите нет! В апреле 2052 года один молодой человек из Бухареста воспользовался незаконно приобретенным таймером для того, чтобы шунтироваться вверх по линии в 11 год после Рождества Христова и отравить отрока Иисуса Христа. В октябре 2043 года некий уроженец Берлина отправился в 1945 год и спас Гитлера как раз перед тем, как в город вошли русские. В августе 2049 года женщина из Ниццы совершила прыжок в эпоху Леонардо да Винчи, украла незаконченную «Мокну Лизу» и спрятала ее в своем курене на пляже. В сентябре 2055 года один из жителей Нью-Йорка отправился в лето 1929 года и извлек почти миллиард долларов чистой прибыли, спекулируя акциями. В январе 2051 года профессор военной истории из Квебека

прибыл в 1815 год и, продав британцам фальшивую французскую стратегическую программу, обусловил поражение герцога Веллингтона от войск Наполеона в битве при Ватерлоо. И следовательно…

— Погодите, погодите! — услышал я собственный голос. — Наполеон не победил при Ватерлоо. Христос не был отравлен в 11 году. Если прошлое на самом деле изменилось так, как вы только что сказали, почему же последствия этих изменений не ощущаются в нашем нынешнем времени?

— Вот! — вскричал лейтенант Сандерсон. Он был самым лучшим исполнителем выкрика «Вот!» из всех, кого мне когда-либо доводилось слышать. — Изменчивость прошлого, друг мой, подобна обоюдоострому лезвию.

Если прошлое может быть изменено один раз, оно же может быть изменено множество раз. Вот теперь мы как раз и подошли к роли, выполняемой патрулем времени.

Давайте подробнее рассмотрим случай с тем душевнобольным, который убил юного Иисуса Христа. В результате этого возмутительного поступка христианство так и не возникло, а большая часть Римской Империи, в конце концов, была обращена в иудаизм. Иудейским правите-

лям Рима удалось предотвратить империю от ее распада в четвертом и пятом веках — скажем теперь, новой эры, — преобразовав ее в монолитное теократическое государство, которое господствовало над всей территорией Западной Европы.

В то же самое время на Востоке не возникла Византийская империя, и вместо нее там установилось правление одной из раскольнических иудейских сект из Иерусалима. В десятом веке между Римом и Иерусалимом вспыхнула грандиозная война, в результате которой цивилизация была уничтожена полностью, и всю Европу и Азию покорили тюркские кочевники, которым со временем удалось создать настолько тоталитарное государство, что к двадцать первому столетию оно стало самым репрессивным за всю историю человечества.

На этом примере вы можете убедиться, к каким разрушительным результатам способно привести вмешательство в ход исторических событий.

— Да, — произнес я, — однако…

Лейтенант Сандерсон одарил меня холодной, как лед, улыбкой.

— Вы хотели заметить, что сейчас мы вовсе не находимся под властью репрессивной тюркской тирании. Я с вами согласен. Наше нынешнее

существование было спасено в результате проведения следующих мероприятий.

Убийство отрока Христа было обнаружено курьером времени, который отправился вверх по линии в конце апреля 2052 года, сопровождая группу туристов, пожелавших стать свидетелями Распятия. Когда группа прибыла в надлежащее время и место, то вместо Распятия Христа стала свидетелем казни двух разбойников, и никто нигде даже не слышал об Иисусе из Назарета.

Курьер тотчас же уведомил об этом патруль времени, который начал розыск парадокса. Временная ось Иисуса была обследована в продолжение всего его детства и никаких изменений обнаружено не было. Однако ни малейших следов его не было найдено в те годы, которые соответствовали его отрочеству, и расспросы, произведенные по соседству, в конце концов привели к получению информации о том, что он умер неожиданно и загадочным образом в 11 году.

Поддерживать постоянное наблюдение в течение небольшого отрезка времени не составило особого труда, и вскоре мы зафиксировали прибытие незаконного путешественника во времени.

Как вы думаете, что мы тогда сделали?

Взметнулись руки. Лейтенант Сандерсон сделал

жест в сторону мистера Чудника, и тот сказал:

— Вы арестовали преступника за пять минут до того, как он дал яд Иисусу, тем самым предотвратив изменение истории, и забрали его с собою вниз по линии для проведения судебного разбирательства.

Лейтенант Сандерсон благодушно улыбнулся.

— Вовсе нет, — сказал он. — Мы позволили ему дать яд Иисусу.

Весь класс разразился неодобрительным ревом.

Сотрудник патруля времени продолжал столь же благодушным тоном:

— Как вам, безусловно, известно, максимальным наказанием за несанкционированное вмешательство в события прошлого является смертная казнь — это единственное преступление, столь сурово караемое по законам, действующим в наши дни. Но прежде, чем назначить столь жестокое наказание, необходимо располагать абсолютными доказательствами состава преступления.

Исходя из этого, всякий раз, когда обнаруживается преступление подобного рода, патрули времени не мешают его осуществлению и тайным образом осуществляют полнейшую его

регистрацию.

— Но каким же тогда образом, — спросила мисс Далессандро, — прошлое остается неизменным?

— Вот! — вскричал лейтенант Сандерсон. — Когда преступные действия должным образом запротоколированы, мы быстро получаем обвинительное заключение и гарантированное разрешение на исполнение приговора. Именно так и было все сделано.

Следователи патруля времени вернулись с неопровержимыми уликами вечером 4 апреля 2052 года, за несколько часов до отправления вверх по линии потенциального убийцы Иисуса. Они представили добытые ими доказательства совершения преступления спецуполномоченным патруля времени, которые и приказали произвести казнь преступника. Судебные исполнители патруля времени были направлены к преступнику домой, изъяли у него таймер и безболезненно подвергли его смерти за час до его намеченного путешествия в прошлое. Таким образом он был «стерт» из потока времени, и было сохранено течение прошлого, ибо по сути он не совершал своего путешествия, Иисус остался жив и получил возможность изложить свое вероучение. Именно так — обнаруживая незаконные

изменения и уничтожая тех, кто вознамерился их осуществить, перед убытием вверх по линии — мы сохраняем священную неприкосновенность нынешнего времени.

Как красиво, подумалось мне.

Меня лично удовлетворить очень несложно. А вот мисс Далессандро, эта архивозмутительница спокойствия, тут же подняла свою мясистую руку и, когда ее вызвали, произнесла:

— Мне, однако, хотелось бы получить вот какое разъяснение.

По-видимому, когда ваши патрули времени возвратились в апрель 2052 года с доказательствами преступления, возвращались они в измененный мир, где господствовали турецкие диктаторы. Где им в этом случае искать спецуполномоченных патруля времени? И вообще удастся ли им отыскать убийцу? Он, возможно, прекратил свое собственное существование вследствие совершенного им же самим преступления, потому что, убив Иисуса, он мог привести в действие такую цепную реакцию событий, в результате которых могли быть уничтожены его собственные предки. Более того, вполне возможно, что само путешествие во времени так и не было бы изобретено. Поэтому в тот самый момент, когда

Иисус-мальчик был убит, стало невозможным существование и патруля времени, и курьеров времени, и туристов.

Вид у лейтенанта Сандерсона стал не очень-то довольным.

— Вами сейчас приведен, — медленно произнес он, — целый ряд дополнительных интересных парадоксов. Боюсь, что время, которым я располагаю, окажется недостаточным для должного их освещения. Так вот, коротко: если временное преступление 11 года не будет выявлено достаточно быстро, диапазон изменений в самом деле будет расширяться от одного столетия к другому и, в конце концов, может быть трансформировано все будущее. При этом, возможно, станет недоступным эффект Бенчли и соответственно не возникнет и сам патруль времени, что приведет к появлению того, что мы называем, высшим парадоксом, согласно которому путешествие во времени становится своим же собственным отрицанием.

Фактически же, обширные потенциальные следствия отравления Иисуса не осуществились из-за обнаружения этого преступления курьером времени, посетившим Распятие. Поскольку это событие произошло в 33 году, то только годы от

11 до 33 подверглись возмущению совершенным временным преступлением. Но изменения, произошедшие вследствие отсутствия Иисуса в эти годы, были весьма несущественными, так как серьезное воздействие самой жизни Иисуса Христа на ход мировой истории стало проявляться очень и очень нескоро после Распятия. А тем временем произведенное, хотя и задним числом стирание факта временного преступления полностью аннулировало даже те ничтожнейшие изменения, которые имели место за двадцатидвухлетний период времени; эти два десятилетия были как бы отведены в совсем иное русло потока времени, для нас недоступное и поэтому фактически и не существующее, а основное и подлинное русло было восстановлено во всей своей непрерывности от 11 года и до настоящего времени.

Мисс Далессандро подобное объяснение не удовлетворило.

— Есть здесь какое-то движение по кругу. Разве не должен был высший парадокс случиться на всем протяжении вниз по линии, начиная с того момента, когда был отравлен Иисус? Каким это образом умудрились продолжать свое существование все эти курьеры и патрули времени, не говоря уже о том, откуда им помнить, как про-

шлое должно было на самом деле протекать? Мне кажется, нет никакой, даже малейшей, возможности исправить последствия достаточно серьезного преступления во времени и тем самым предотвратить возникновение высшего парадокса.

— Вы забыли, а может быть, еще просто не знаете, — сказал Сандерсон, — того, что путешественники во времени, находившиеся вверху по линии в момент совершения преступления во времени, обладают иммунитетом к любым изменениям в прошлом, поскольку они вычленены из их собственных временных матриц. Путешественник во времени, осуществляющий перемещение, подобен поднимающемуся из нынешнего времени вверх по линии пузырю, оторвавшемуся от матрицы своего пространственно-временного континуума, и поэтому не подвержен воздействию парадоксов. Это означает, что всякий, в данный момент находящийся на временной оси, способен наблюдать и корректировать изменения подлинного прошлого, и продолжает сохранять память как о ложных темпоральных событиях, так и своей роли в их исправлении.

Разумеется, любой путешественник во време-

ни, оставивший убежище транзитного состояния, становится в такой же мере уязвимым, как только он возвращается в свою исходную точку, находящуюся внизу по линии. То есть, если подняться вверх по линии и убить собственного дедушку до того, как он женится на бабушке, то это еще не означает, что в мгновение ока прекращается существование убийцы собственного дедушки, ведь он защищен от воздействия этого парадокса эффектом Бенчли. Но стоит ему вернуться в настоящее, как он тотчас же прекратит свое существование, поскольку в результате изменения собственного прошлого он уже больше не связан никакими временными узами с настоящим. Ясно?

«Нет», — подумал я. Но предпочел промолчать.

Мисс Далессандро же унять было невозможно.

— Те, кто находятся в транзитном состоянии, защищены…

— Парадоксом транзитного вытеснения, или отстранения, так мы его называем.

— Парадокс транзитного вытеснения. Значит, путешествующие во времени как бы помещены в непроницаемую капсулу и, совершая прыжки во времени, вольны сравнивать то, что они видят, с тем, что, по их воспоминаниям, должно

представлять из себя истинное время, и при необходимости могут производить такие изменения, которые восстанавливают должный ход событий даже после того, как он был изменен?

— Верно.

— Почему? Почему они должны оставаться иммунными? Я понимаю, что возвращаясь к той точке…

Лейтенант Сандерсон тяжело вздохнул.

— Потому что, — сказал он, — если они будут подвергаться изменениям, произведенным в прошлом, пока они сами находятся в прошлом, это и будет высшим парадоксом: путешественник во времени изменяет суть эпохи, из которой было осуществлено путешествие во времени. Такая ситуация еще в большей степени парадоксальна, чем парадокс транзитного отстранения.

Согласно Закону меньших парадоксов, парадокс транзитного отстранения, будучи менее невероятным, удерживает первенство. Понятно?

— Не очень, но…

— Жаль, что у меня нет возможности более подробно разъяснить суть всех этих парадоксов и законов, — произнес лейтенант. — Тем не менее, я не сомневаюсь в том, что мистер Дайани посвятит вас во все эти тонкости на следующих

занятиях.

Он слащаво улыбнулся, посмотрев в сторону Дайани, и, быстро извинившись, ушел.

Дайани — вот тут можно спорить на что угодно — оказался не в состоянии должным образом расправиться с парадоксами, которые то и дело приводила мисс Далессандро. Он вообще ничего в этом не понимал. Но у него были свои хитроумные способы уводить ход ее мыслей в сторону, как только таковые у нее возникали.

— Вы можете быть абсолютно уверены в том, — каждый раз заявлял он, что прошлое непременно восстанавливается всякий раз, когда претерпевает какие-либо изменения. Гипотетические миры, созданные нелегальными изменениями, прекращают в силу действия обратных связей свое существование в тот момент, когда засекают того, кто такое изменение осуществил. Квод эрат демонстарндум — что и требовалось доказать.

Это абсолютно ничего не объясняло. Но лучшего объяснения мы так и не получили.

12

Единственное, что нам стало ясно, — это то, что благоприятные изменения прошлого так же запрещены, как и злодейские. Десятки людей были уничтожены только за то, что они пытались убедить Эйба Линкольна остаться дома и не ходить в театр в злополучный вечер убийства, или уговорить Джека Кеннеди, ради всего святого, пользоваться только пуленепробиваемым автомобилем.

Они были уничтожены точно так же, как убийцы Иисуса или спасители Гитлера. Потому что было одинаково опасно для структуры нынешнего времени как подсобить Кеннеди до конца пробыть свой срок в Белом Доме, так и помочь Гитлеру воссоздать Третий Рейх. Изменение есть изменение, и даже наиболее виртуозно исполненные изменения могут иметь непредсказуемые катастрофические последствия.

— Давайте представим, — убеждал нас Дайани, — что Кеннеди не был убит в 1963 году, не произошло, как это имело место при его преемнике, эскалации войны во Вьетнаме, а сле-

довательно тысячи военнослужащих остались живы. А теперь предположим, что один из тех, кто бы в противном случае погиб в 1965 или 1966 году, стал президентом Соединенных Штатов в 1992 году и развязал атомную войну, которая привела бы к гибели цивилизации. Теперь вам понятно, почему даже внешне вполне благодетельные изменения прошлого должны быть предотвращены?

Мы поняли.

Мы поняли что, пока у нас от страха не выпадут все зубы, не видать нам зачисления в Службу Времени, ибо казалось неизбежным, что рано или поздно мы сотворим такое там, наверху по линии, что обрушит на нас весь смертельный гнев патруля времени.

— Не стоит особенно об этом беспокоиться, — успокоил меня Сэм. — Если бы было так, как они о том болтают, смертные казни производились бы миллион раз ежедневно. На самом же деле вряд ли за последние десять лет наберется хотя бы пятьдесят казней за совершение преступлений во времени.

И все казненные были на самом деле чокнутыми — разве кто-либо в здравом уме станет считать своей священной миссией убить Магомета?

— Тогда каким же образом патрулю удается предохранять прошлое от изменений?

— Они этого и не делают, — сказал Сэм. — А прошлое и так все время изменяется. Несмотря на существование патруля времени.

— Почему же не изменяется при этом наш мир?

— Он изменяется. Только понемногу. — Сэм рассмеялся. — Если курьер времени даст Александру Великому антибиотик и поможет ему дожить до преклонного возраста, это станет непоправимым изменением, и патруль времени предотвратит его. Но очень большое число мелких изменений происходит непрерывно. Курьеры откапывают потерянные рукописи, спят с Екатериной Великой, собирают произведения искусства для перепродажи их в других эпохах.

Твой наставник Дайани вовсю торгует фрагментами Креста, на котором был распят Христос, разве не так? Его изобличили в этом, но и не думали казнить. Просто на некоторое время сняли с прибыльного маршрута и засунули в класс для новичков. А большая часть мелких проделок и вовсе остается неразоблаченной. — Он многозначительно провел взглядом по всей коллекции произведений искусства прошлых эпох. — Когда

ты сам займешься подобными делами, Джад, ты обнаружишь, что мы накоротке с прошлым. Всякий раз, когда курьер времени наступает на муравья даже в 2000 году до Рождества Христова, он уже одним этим изменяет прошлое. Каким-то образом нам удается выжить. Эти тупоголовые громилы из патруля времени бдительно следят за структурными изменениями истории, но всякую там мелочевку оставляют без внимания. Да иначе они и не могут. Чтобы держать под контролем все, даже не такие уж малозначащие события, не напасешься патрулей.

— Но ведь это означает, — сказал я, — что мы создаем великое множество крошечных изменений истории, крупицу за крупицей, и накопление их когда-нибудь может привести к настоящему взрыву изменений в нынешнем времени, а тогда уже никто не будет в состоянии проследить все причины и водворить все на свои прежние места!

— Точно.

— Похоже на то, что тебя это не очень-то беспокоит, — сказал я.

— А почему это должно меня тревожить? Я, что ли, владею этим миром?

Да мне наплевать на всякие там изменения

истории!

— Еще бы — пока это тебя не касается непосредственно. А там глядишь вот и ты сам перестал существовать!

— Есть более серьезные вещи, о которых надобно беспокоиться, Джад.

Хотя бы о том, чтобы каждый день был проведен не так уж плохо.

— И неужели тебе совершенно безразлично, что когда-нибудь ты можешь просто исчезнуть из этого мира?

— Когда-нибудь так оно и произойдет, — сказал Сэм. — В этом не приходится сомневаться. Если не раньше, то позже. А тем временем лучше наслаждаться жизнью. Есть, пить, веселиться, парниша. А чему суждено случиться завтра, пусть завтра и случится.

13

Когда нам закончили вдалбливать в головы правила, нас послали в испытательную вылазку вверх по линии. Все мы, разумеется, уже бывали в прошлом до того, как начался инструктаж, — нам устроили предварительную проверку, выясняя, в состоянии ли мы перенести психологические нагрузки, связанные с путешествиями во времени. Теперь же начальству захотелось посмотреть, какими мы будем курьерами при прохождении настоящей службы.

Поэтому нас «прилепили» к обычным туристским группам в качестве стажеров.

Нас разделили таким образом, что к каждой группе из шести-восьми туристов прикрепили по двое новичков. Чтобы не было сильно накладно, нас всех послали понаблюдать за событиями, происходившими здесь же, в Новом Орлеане — ведь для того, чтобы например, отправить нас на поле битвы при Гастингсе, нужно было для начала перевезти нас в Англию самолетом.

Необходимо физически присутствовать в том месте, куда хочешь попасть, прежде, чем совер-

шить прыжок через время.

Новый Орлеан — прекраснейший город, но история его весьма небогата примечательными событиями. Поэтому я не очень-то понимаю, почему кому-то так уж хочется платить большие деньги за то, чтобы отправиться вверх по линии в такое, обойденное большой историей, место, когда за почти ту же плату можно стать свидетелем подписания Декларации Независимости, падения Константинополя или убийства Юлия Цезаря. Но Служба Времени охотно предоставляет возможность отправиться посмотреть практически любое сколько-нибудь важное историческое событие, выбранному по вкусу клиентов, группы, состоящей самое меньшее из восьми туристов, у которых есть деньги на билеты; и, патриотически настроенные жители Нового Орлеана имеют полное право поглядеть на прошлое своего родного города, если это им так хочется.

Поэтому мистер Чудник и мисс Далессандро были переправлены в 1815 год приветствовать Эндрю Джексона после битвы при Новом Орлеане. Мистер Берлингем и мистер Оливейра были засланы в 1877 год полюбоваться на то, как из города вышвыривали последних так называемых «саквояжников» — северян, добившихся влияния

и богатства на Юге после Гражданской войны.

Мистер Хочкисс и миссис Нотабин отправились в 1803 год поглядеть на то, как Соединенные Штаты вступают во владения Луизианой, после того, как откупили ее у Франции. А мисс Чамберс и я ушли вверх по линии всего лишь в 1935 год, чтобы собственными глазами увидеть убийство Хью Лонга.

Сам акт убийства происходит очень быстро, поэтому никто не отправляется вверх по линии за тем, чтобы поглядеть на несколько выстрелов и все. Служба Времени предлагала туристам пятидневное пребывание в Луизиане в начале двадцатого столетия с пистолетной пальбой в качестве его кульминации.

С нами было шесть попутчиков во времени: три состоятельные супружеские пары из Луизианы возраста от пятидесяти пяти до шестидесяти пяти лет. Один из мужчин был адвокатом, другой — врачом, третий — большим начальником в Луизианской электроэнергетической компании. Наш курьер времени как никто другой подходил для роли пастыря таких троих столпов высшего общества — это был весь прилизанный, вкрадчивый типчик по имени Мэдисон Джефферсон Монро. «Зовите меня Джефом», сразу же пред-

ставился он.

Для начала мы приняли участие в нескольких ориентировочных собраниях.

— Вот вам ваши таймеры, — сказал Джеф Монро. — Держите их как можно ближе к телу все время. Как только вы оденете их на себя в штаб-квартире Службы Времени, больше их уже не снимайте, пока не вернетесь сюда назад, вниз по линии. Купайтесь с ними, спите с ними, даже выполняйте все... э... все интимные функции, оставляя их на себе. Причина этого совершенно ясна.

История может в высшей степени пострадать, если хотя бы один таймер попадет в руки кого-либо из живущих в двадцатом столетии — поэтому мы не можем допустить, чтобы подобные устройства хотя бы на мгновение лишались своего владельца.

"Он лжет, — сказал Сэм, когда я повторил это ему. — Никто вверху по линии ни черта не смыслит в том, что такое таймер и что с ним делать.

Истинная же причина заключается в том, что иногда туристам приходится в спешке покидать места, где они опустились, например, для того, чтобы избежать линчевания. Поэтому курьер должен быть абсолютно уверен, что кто-либо

из его группы не оставил свой таймер в номере гостиницы. Но он просто не отваживается прямо сказать им об этом".

Таймеры, которые раздал нам Джеф Монро, несколько отличались от тех, что были у нас с Сэмом, когда я совершил свой первый прыжок вверх по линии. Кнопки управления на них были опломбированы, а сами таймеры могли функционировать только после того, как курьер включал на своем таймере генератор несущей частоты. И это было весьма благоразумной мерой предосторожности: Службе Времени совершенно не нужно, чтобы туристы имели возможность совершать прыжки во время, когда им вздумается.

Наш курьер долго и нудно перечислял все последствия, которыми грозит любое изменение прошлого и умолял нас без конца не подвергать нынешнее время опасности.

— Начинайте говорить только тогда, когда обращаются к вам непосредственно, — сказал он, — но даже в этом случае ограничивайте любые разговоры с незнакомыми людьми минимум слов. Ни в коем случае не прибегайте к сленгу — вас просто не поймут. Вы можете узнать кого-либо из других туристов во времени. Вам категорически запрещается вступать с ними в

разговор или окликать их и здороваться с ними каким угодно образом, а также необходимо игнорировать любые знаки внимания, которые они могут оказывать вам. У всякого, кто нарушит эти правила, пусть даже совершенно нечаянно, может быть тотчас же аннулировано его разрешение на шунтирование, и тогда он будет немедленно возвращен в нынешнее время.

Понятно?

Мы торжественно склонили головы.

— Представьте себе, — добавил Джеф Монро, — будто вы переодетые христиане, которые тайком проникли в священный для мусульман город Мекку.

Пока вы не разоблачены, вам ничто не угрожает, но как только окружающие вас люди обнаружат, кем вы на самом деле являетесь, считайте, что вы попали в большую беду. Следовательно, для собственной же вашей пользы, вам лучше пореже раскрывать рот, пока вы находитесь по линии вверху, побольше смотреть и поменьше говорить. И с вами ничего не случится плохого, если только вы не привлечете чем-нибудь к себе внимание.

От Сэма я узнал, что туристы во времени частенько затевают ссоры с людьми, живущими

вверху по линии, невзирая на все усердие, с которым их курьеры стараются избежать подобных инцидентов. Иногда неприятности удается уладить с помощью нескольких дипломатических фраз — часто курьер, извиняясь, объясняет оскорбленному аборигену, что у его обидчика просто не все дома. Иногда же это сделать весьма трудно, и курьеру приходится отдавать распоряжение о быстрой эвакуации всех туристов; сам курьер должен оставаться до тех пор, пока не отправит всех своих людей в целости и сохранности вниз по линии, в результате чего имели место даже случаи гибели курьеров при исполнении служебных обязанностей. В самых крайних случаях неблаговидного поведения туристов на арену приходится выходить патрулю времени и заблаговременно аннулировать всю вылазку, «выдергивая» неосторожного туриста из группы и тем самым предотвращая возможный ущерб.

"Очень часто, рассказывал Сэм, — такие богатые негодяи приходят в неописуемую ярость, когда в самую последнюю минуту объявляется сотрудник патруля времени и начинает объяснять, что ему нельзя производить шунтирование вследствие того, что он выкинет нечто совершенно непредсказуемое вверху по линии. Они просто

никак не могут понять этого.

Они обещают быть паиньками и никак не могут поверить в то, что такие их обещания ничего не стоят, потому что поведение их уже запротоколировано.

Главная трудность в общении с большинством тупоголовых туристов заключается в том, что они просто не в состоянии мыслить в четырех измерениях". «Так же, как и я, Сэм», — признался я, расстроившись.

«Научишься. Обязательно научишься», — подбодрил меня Сэм.

Прежде, чем нас отправить в 1935 год, с нами провели краткий гипнокурс по общественно-политической обстановке, господствовавшей в эту эпоху. Нас накачали массой разнообразных сведений о Великой депрессии, Новом курсе президента Рузвельта, семье Донго из Луизианы, восхождении Хью Лонга к славе, его программе «Поделим наше богатство», в которой он предлагал отбирать деньги и ценности у богатых и раздавать бедным, о его схватке с президентом Франклином Рузвельтом, о его мечте самому стать президентом после выборов 1936 года, о его вызывающем неуважении к традициям и демагогических воззваниях к массам. Нам сообщили

также много дополнительных сведений, касающихся своеобразия именно 1935 года, праздниках, спортивных турнирах, ценах на бирже 97 с тем, чтобы мы не чувствовали себя безнадежно чужими в тогдашней атмосфере.

И наконец нас одели по моде 1935 года. Мы с важным видом прохаживались, без всякого стеснения высмеивая друг друга в этих эксцентричных нарядах. Джеф Монро, проверяя нас напоследок, напомнил мужчинам о ширинках и о том, как ими пользоваться, предупредил женщин, что им категорически запрещено обнажать груди, начиная с сосков и ниже, и настоятельно просил нас не забывать ни на одно мгновенье о том, что мы отправляемся в эпоху с незыблемыми пуританскими нравами, в которой невротическое подавление собственной индивидуальности считается добродетелью, а столь привычная нам раскованность выглядит греховной и бесстыдной.

И вот мы готовы.

Нас провели на самый верхний уровень, уровень Старого Нью-Орлеана, поскольку было небезопасно для нашего здоровья осуществлять прыжок через время с одного из нижних уровней. Поместили в одной из комнат пансиона на

Норт-Рампарт-стрит, откуда мы должны были шунтироваться в двадцатое столетие.

— Вот мы и отправляемся вверх по линии, — произнес Мэдисон Джефферсон Монро и подал нам сигнал активировать свои таймеры.

14

И мы сразу же очутились в 1935 году.

Мы даже не заметили каких-либо изменений в полусумраке комнаты, в которой находились, но тем не менее прекрасно понимали, что находимся вверху по линии.

На нас была тесная обувь и смешные наряды, а в карманах настоящие наличные деньги, доллары Соединенных Штатов, ибо здесь при расчетах отпечатками пальцев не пользовались. Отправленный раньше специальный агент забронировал нам места в одной из наиболее респектабельных гостиниц, расположенной на набережной на периферии французского квартала, где нам предстояло провести первую часть нашего путешествия. Затем Джеф Монро в последний раз предупредил нас о том, чтобы мы как можно более осмотрительно себя вели, и мы вышли наружу, обогнули угол и направились к гостинице.

Поток автомобилей на улицах был просто фантастическим для этой, как ее считали у нас, «депрессии». Так же, как и издаваемый ими гро-

хот. Мы осторожно стали продвигаться вперед по двое, впереди всех шел Джеф. Мы подолгу задерживали свои взгляды на многом из того, что нас окружало, но это не вызывало каких-либо подозрений у окружающих. Местные жители просто считали нас туристами из какого-нибудь другого штата, ну хотя бы Индианы.

Наше любопытство ничуть не выдавало, что мы родом из 2059 года.

Тибо, крупному энергетическому боссу, стало не по себе от одного вида силовых электрических проводов, проложенных открыто и висевших между поддерживавшими их столбами.

— Я читал о таком способе передачи электроэнергии, — несколько раз повторил он, — но никогда у меня и в мыслях не было, что такое возможно на самом деле!

Женщины болтали без умолку о здешних модах. Был жаркий и душный сентябрьский день, однако одежда на всех встречных была наглухо застегнута. Женщины никак не могли понять этого.

Определенные неприятности доставила нам погода. Наши тела были совершенно непривычны к такой высокой влажности воздуха; здесь, разумеется, не было никаких нижних уровней,

а ведь у нас только совсем рехнувшиеся поднимаются на уровень поверхности, если в данной местности влажный климат. Поэтому нам пришлось попотеть и попыхтеть.

В гостинице также не оказалось никаких установок для кондиционирования воздуха. Когда мы завершили процедуру регистрации, портье, который, разумеется, был человеком, а не одним из терминалов компьютера, потряс колокольчиком и завопил «Сюда!» — и целая бригада улыбающихся чернокожих коридорных, как коршуны, набросилась на наш багаж.

Я подслушал слова миссис Бьенвеню, жены адвоката, с которыми она обратилась к своему мужу:

— Как ты думаешь, это — рабы?

— Откуда? — свирепо огрызнулся тот. — Рабы были освобождены за семьдесят лет до этого!

Портье, должно быть, тоже слышал этот разговор. Интересно, какие мысли при этом у него промелькнули.

Курьер поместил меня и Флору Чамберс в одном номере. Он пояснил, что зарегистрировал нас как мистера и миссис Эллиот, потому что не разрешалось, чтобы неженатые пары селились в одном и том же номере гостиницы, даже если

они и принадлежали к одной и той же группе туристов.

Флора одарила меня обнадеживающей улыбкой, хотя и побледнела при этом, и произнесла:

— Мы будем изображать из себя пару, находящуюся во временном браке.

Монро строго поглядел на нее.

— Нечего здесь болтать о нравах, царящих внизу по линии!

— У них здесь, в 1935 году, нет временных браков?

— Заткнись! — прошипел он сквозь зубы.

Мы распаковались, выкупались и вышли из гостиницы полюбоваться городом. На Бэзин-стрит послушали какой-то весьма приличный примитивный джаз. Затем прошли несколько кварталов и вышли на Бурбон-стрит, где были расположены питейные заведения и можно было насладиться стриптизом. Место, в которое мы заглянули, было заполнено народом, но больше всего нас поразило то, что взрослые мужчины и женщины способны были высидеть целый час, изнывая от унылой музыки и прокуренной атмосферы, только для того, чтобы наконец дождаться, когда на сцену выйдет всего одна девчонка и снимет кое-что из своей одежды.

А когда она все же разделась, то на ней все равно еще остались небольшие блестящие накрывашки на сосках и треугольный лоскут материи в районе промежности. Всякий, кто питает серьезный интерес к обнаженному телу, может увидеть куда больше в любой общественной купальне. Но ведь это была, разумеется, эпоха подавления сексуальности, напомнили мы самим себе.

Стоимость выпивки и всех наших остальных расходов в ночных клубах включалась в один счет, по которому всегда платил Джеф Монро. Службе Времени совсем не хочется, чтобы мы, невежественные туристы, возились с незнакомыми для нас валютами, кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо. Курьер также искусно оберегал нас от то и дело приставявших к нашей группе пьянчужек, попрошаек, назойливых проституток и других опасностей, которым мы могли подвергнуться в ситуациях, возникавших в 1935 году в сфере общественной жизни.

— Нелегкая это работа, — заметила Флора Чамберс, — быть курьером.

— Зато подумайте о той свободе передвижения, которую она вам предоставит, — сказал я.

Нас до глубины души ужасало уродство людей, живших вверху по линии.

Мы понимали, что нет здесь салонов красоты, еще не открыта косметическая микрохирургия, и даже эстетическая генетика, если бы о ней услышали в 1935 году, почиталась бы одним из проявлений фашистского или коммунистического заговора против права свободных людей обзаводиться уродливыми детьми. Но все равно, мы не могли не выказывать удивления или страха при виде неправильной формы ушей, изрытой оспинами кожи, искривленных зубов, деформированных носов — всех этих заранее незапрограммированных и не прошедших косметическую коррекцию, людей. Самая невзрачная замухрышка из состава нашей группы сошла бы за театральную красавицу в сравнении со стандартом 1935 года.

Мы жалели этих людей за то, что довелось им жить в такую темную, вызывающую дрожь омерзения, эпоху.

Когда мы вернулись к себе в номер гостиницы, Флора тотчас же сбросила с себя все, что на ней было, и повалилась на кровать, исступленно разбросав в стороны ноги.

— Давай, и побыстрее! — пронзительно закричала она. — Я такая пьяная!

Я тоже был чуточку пьян, и поэтому сделал то,

что она просила.

Мэдисон Джефферсон тщательно следил за тем, чтобы каждому из нас досталось не более одной порции алкогольных напитков. Каким бы ни был соблазн, вторая рюмка была нам строго воспрещена, и все остальное время приходилось ограничиваться соками и лимонадом. Он не имел права рисковать из опасения, что мы можем сболтнуть что-нибудь такое, что могло бы показаться подозрительным, под влиянием алкоголя — вещества, к которому фактически мы были непривычны. Ведь даже этой одной порции оказалось вполне достаточно, чтобы развязались наши языки и размягчились мозги до такой степени, что те несколько замечаний, которые кое-кто из нас неосторожно сделал, будь они подслушаны, могли навлечь на нас серьезные неприятности.

Меня просто поразило, как много алкоголя могут выпить люди из двадцатого столетия, не валясь при этом с ног.

«У них выработалась привычка к алкоголю», — разъяснил мне Сэм. — Это самая любимая отрава для ума в большинстве мест, расположенных вверху линии. Научись и сам терпеть ее, иначе хлопот не оберешься". «А наркотики?» — спросил

я. — "Ну, кое-где травку и можно раздобыть, но ничего на самом деле психоделического. И там нигде нет Дворцов Грез.

Научись пить спиртные напитки, Джад. Научись непременно".

Этим же вечером, только гораздо позже, к нам в номер заглянул Джеф Монро. Флора валялась на постели бесформенной массой в полном изнеможении, ничего не понимая, а мы с Джефом долго обсуждали проблемы, возникающие у курьеров. Мне он даже начал слегка нравиться, несмотря на всю его прилизанность и внешнее легкомыслие.

Ему, казалось, очень нравилась его работа. Его специальностью были Соединенные Штаты двадцатого столетия, и единственное, о чем он горевал, была удручающая скука, которую вызывали у него многочисленные убийства, к месту которых ему приходилось приводить сопровождаемые им группы.

— Никого совершенно не интересует что-либо иное, — пожаловался он. — Даллас, Лос-Анджелес, Мемфис, Нью-Йорк, Чикаго, Батон-Руж, Кливленд, непрерывное повторение все одного и того же. Я не в состоянии передать, как мне тошно проталкиваться в толпу, проходящую по той памятной эстакаде, и показывать на то злопо-

лучное окно на шестом этаже, а самому видеть, как та несчастная женщина корчится на заднем сиденье автомобиля. К нынешнему времени в Далласе собралось уже добрых два десятка моих двойников. Неужели людям совсем не хочется посмотреть на счастливые эпизоды двадцатого столетия?

— А таковые бывали? — спросил я.

15

Позавтракали мы у Бреннана, пообедали у Антуана и совершили экскурсию в знаменитый Район Садов, после чего вернулись в старый город, чтобы посетить собор на площади Джексона, а затем спустились к реке, чтобы полюбоваться Миссисипи. Еще мы зашли в один из кинотеатров посмотреть на Кларка Гейбла и Джин Харлоу в «Красной пыли», посетили почтамт и публичную библиотеку, накупили множество газет (в качестве разрешенных Службой Времени сувениров) и провели несколько часов, слушая радио. Мы прокатились по маршруту «Трамвая Желание» и в нанятом автомобиле с Джефом за рулем. Он и нам самим предлагал поводить машину, но нас привела в неописуемый ужас перспектива сесть за рулевое колесо после того, как мы вдоволь насмотрелись на запутанный и совершенно непонятный для нас процесс переключения скоростей, который раз за разом приходилось ему повторять. Мы испытали еще множество всяких других ощущений, которые мог предложить нам век двадцатый. Мы буквально упивались арома-

том этой эпохи.

Затем мы отправились в Батон-Руж, где, собственно, и был убит сенатор Лонг.

Мы прибыли туда в субботу, 7 сентября, и расположились в номерах — Джеф в этом торжественно поклялся — лучшей гостиницы города. Парламент США все еще заседал, и сенатор Хью вернулся сюда из Вашингтона на пару дней, чтобы уладить какие-то свои личные дела. Мы бесцельно ошивались по улицам городка до второй половины дня в воскресенье. Затем Джеф стал готовить нас стать свидетелями этого исторического события.

Сам он одел термопластическую маску, и его лицо из розового, правильной формы превратилось в болезненно-желтое, изрытое оспинами, на нем появились усы, а глаза он прикрыл темными очками — трюк, который, он, возможно, позаимствовал у Дайани.

— Я уже в третий раз провожу этот маршрут, — объяснил он нам. — Как я полагаю, могут возникнуть немалые неприятности, если кто-нибудь заметит троих совершенно одинаковых людей, стоящих в коридоре, в котором произойдет убийство Хью. Он призвал нас не обращать ни малейшего внимания на других Джефов Монро,

которых мы можем увидеть на месте преступления.

Нашим подлинным курьером является только он, усатый, с покрытым оспинами лицом и в светозащитных очках. К двум другим нельзя было приближаться ни в коем случае.

Под вечер мы прогулялись к колоссальному тридцатичетырехэтажному зданию Капитолия штата Луизиана и как бы невзначай прошли внутрь повосхищаться этим сооружением — детищем Хью, которое обошлось налогоплательщикам в пять миллионов долларов. Нам это удалось сделать без каких-либо помех.

У Джефа Монро на учете была каждая секунда. Он расположил нас в таком месте, откуда все прекрасно просматривалось, но куда не могли попасть пули. Я заметил одного человека, который, безусловно, был Джефом Монро. Он стоял с группой туристов. Другая группа сгрудилась вокруг человека точно такого же роста и комплекции, который, однако, был в очках с металлической оправой и с пунцовой родинкой на щеке. Мы едва себя сдерживали, чтобы не смотреть в сторону этих двух групп. Им и самим было несладко, когда они изо всех сил старались не глядеть на нас.

Меня очень беспокоил кумулятивный пара-

докс. Мне казалось, что все, кто отправлялся или еще когда-либо отправится вверх по линии, чтобы стать свидетелем гибели Хью Лонга, должны сейчас здесь присутствовать — может быть, тысячи людей, которые будут здесь толпиться. Однако здесь было всего лишь несколько десятков туристов, кто прибыл из 2059 года и более ранних лет. Почему же не было всех остальных? Неужели время — столь пластичная субстанция, что одно и то же событие может происходить бесконечно часто, и каждый раз для все более многочисленной аудитории?

— Вот он идет, — прошептал Джеф.

Навстречу нам торопливой походкой шел невысокий, круглолицый мужчина, следом за ним — его личный телохранитель. У мужчины было багровое лицо, вздернутый нос, светлые волосы, мясистые губы, разделенный глубокой впадиной подбородок. Я убеждал себя, что в состоянии ощутить исходящую от этого человека энергию и власть, но одновременно с этим задумался, а не ввожу ли я самого себя в заблуждение. Приближаясь к нам, он почесал свою левую ягодицу, что-то сказал человеку, который шел от него слева, и закашлялся. Костюм у него был несколько помятый, волосы — взъерошены.

Неплохо выдрессированные своим курьером, мы знали точно, где произойдет убийство. По сигналу, изданному Джефом шепотом, — и ни мгновением ранее! — мы разом повернули свои головы и увидели, как из толпы отделился д-р Карл Остин Уэйсс, сделал несколько шагов, направляясь прямо к сенатору, и приложил к его животу ствол пистолета 22-го калибра. Он выстрелил всего один раз. Смертельно раненый Хью с изумленным лицом упал назад. Его телохранители моментально выхватили свои пистолеты и застрелили убийцу. На полу начали образовываться поблескивающие отраженным светом, лужи крови; все вокруг стали пронзительно кричать, краснолицые охранники начали нас отталкивать, колошматить нас, веля отодвинуться подальше.

Вот как оно произошло. То событие, ради которого мы и прибыли сюда.

Оно казалось каким-то нереальным, как бы еще раз прокрученной лентой фильма по древней истории, умным, но далеко не убедительным «трехмером».

На нас произвело должное впечатление мастерство режиссуры постановки, что разыгралась у нас на глазах, но мы совершенно не испытыва-

ли никакого ужаса перед последствиями этого события.

Даже тогда, когда вокруг нас свистели пули, подлинность происходящего не тронула наши души.

А ведь эти пули были настоящими, и если бы одна из них задела кого-либо из нас, этот человек умер бы вполне настоящей смертью.

Да и для тех двоих, что лежали теперь на паркете коридора здания Капитолия, это событие было в высшей степени реальным.

16

Я участвовал еще в четырех пробных вылазках прежде, чем мне было присвоено звание курьера времени. Все мои прыжки были произведены в прилегающие к Новому Орлеану территории. Мне довелось изучить историю этой местности куда более полно, чем это когда-либо мне вообще представлялось.

Третья из этих вылазок была совершена в 1803 год, по маршруту «Приобретение Луизианы». Туристов было семеро. Нашим курьером был невысокий мужчина с суровым лицом по имени Сид Буонокоре. Когда я упомянул его имя при Сэме, он громко расхохотался и произнес:

— Ох, и темная же это личность!

— В чем же таком предосудительном он замечен?

— К его услугам раньше прибегали на маршруте «Ренессанс». Затем патруль времени подловил его на том, что он сводил дамочек-туристок с Цезарем Борджиа. Эти шлендры хорошо ему платили, да и Цезарь был щедр.

Буонокоре же настаивал на том, что он всего

лишь делал как положено свою работу — видишь ли, давал им возможность более глубоко прочувствовать дух Ренессанса. Но его все же сняли с того маршрута и прикрепили к «Приобретению Луизианы».

— А что, курьеру положено надзирать за половой жизнью вверенных ему туристов? — спросил я.

— Нет, но ведь нельзя же, чтобы он потворствовал транстемпоральным совокуплениям.

При более близком знакомстве этот транстемпоральный сводник показался мне обаятельным распутником. Красавцем Буонокоре никак нельзя было назвать, однако он прямо-таки наполнял все вокруг себя веселой атмосферой всеядной сексуальности. И его неутолимая жажда собственного обогащения была настолько неприкрытой, что создавала вокруг него ореол сильной личности. Воришка, шныряющий по карманам, вряд ли может заслужить аплодисменты, зато трудно не восхищаться не имеющим себе равных, бандитом.

Вот таким был Сид Буонокоре.

А кроме всего прочего, он еще был и очень умелым курьером. Он хитроумно препроводил нас в Нью-Орлеан 1803 года, замаскировав под

компанию голландских торговцев, совершающих поездку с целью выяснения конъюнктуры рынка. Лишь настоящий голландец, мог бы разоблачить нас. Мы находились в полнейшей безопасности, а ярлыком «голландский» прекрасно прикрывался странный акцент нашего говора. Мы таскались по городу в очень неудобных одеждах начала девятнадцатого столетия подобно сбежавшим с костюмированного бала-маскарада, а Сид обеспечивал нам занимательные зрелища самым великолепным образом.

Я быстро обнаружил, что в качестве побочного промысла он вовсю ведет торговлю валютой, добывая себе золотые дублоны и испанские монеты достоинством в восемь реалов. Он даже не удосужился скрывать то, чем он занимался, от меня, но сам ничего не объяснил, а мне так до конца и не удалось выяснить все тонкости этого бизнеса. Возможно, смысл его состоял в получении выгоды от игры на разнице в обменных курсах. Все, что я знаю, это то, что он менял серебряные доллары Соединенных Штатов на британские гинеи, гинеями пользовался для того, чтобы скупать французскую валюту намного ниже ее номинальной стоимости, а затем на ночных встречах с карибскими пиратами на берегах Мис-

сисипи выменивал испанское золото и серебро за французские монеты. Что он потом делал с этими своими дублонами и восьмиреаловиками, я так и не узнал. Скорее всего, он просто пытался как можно больше наменять тогдашней валюты, чтобы создать изрядный запас монет для продажи их нумизматам, жившим внизу по линии, хотя иногда мне это казалось слишком уж бесхитростной операцией для такого изощренного пройдохи, как он. Он не делал попыток делиться со мной своими тайнами, а я был слишком застенчивым, чтобы спрашивать.

К тому же, он вел очень напряженную сексуальную жизнь, что, впрочем, не было чем-то необычным для курьера. («Дамочки-туристочки — наша законная добыча, говаривал Сэм. — Они горазды пригнуть выше головы, лишь бы поваляться с нами в постели. Мы для них нечто вроде белых проводников для любителей охоты на крупную дичь в Африке») Только вот Сид Буонокоре не ограничивал удовлетворение своих аппетитов охочими до романтики туристочками, как я вскоре обнаружил.

Как-то поздним вечером во время нашей вылазки в 1803 год, я запутался в решении некоторых чисто технических вопросов, связанных с наши-

ми путешествиями во времени, и отправился в спальню курьера, чтобы из первых уст получить разъяснение. Я постучался, и услышав «войдите!» смело прошел внутрь спальни, но он там был не один. На его кровати валялась темно-шоколадная деваха с длинными черными волосами, совершенно голая, вся аж лоснящаяся от пота, какая-то взъерошенная и помятая. Груди у нее были твердые и тяжелые, а соски — почти черные.

— Извините меня, — промямлил я. — Мне не хочется быть назойливым, но…

— Чепуха, — смеясь, произнес Сид Буонокоре. — Мы как раз только-только кончили. И вы ничему не помешали. Это Мария.

— Привет, Мария, — произнес я для начала.

Она издала пьяный смешок. Сид что-то сказал ей на креольском наречье, и она снова рассмеялась. Поднявшись с постели, она исполнила, оставаясь в чем мать родила, грациозный реверанс и пробормотала: «Бон суар, месье», после чего, полностью отключившись, аккуратно повалилась на пол лицом вниз.

— Прелестна, не правда ли? — с гордостью произнес Сид. — Наполовину индианка, наполовину испанка, наполовину француженка. Хотите рому?

Я сделал глоток прямо из бутылки, которую он мне предложил.

— Что-то слишком уж много в ней половинок, — заметил я.

— Мария ни в чем не мелочится, что бы она ни делала.

— Я это вижу.

— Я познакомился с нею в свой предыдущий визит сюда. Я очень тщательно соблюдаю правильность хода времени, чтобы у меня была возможность понемножку обладать ею каждую ночь, пока я здесь, стараясь не отнимать такой же возможности у всех остальных моих воплощений. Я хочу сказать, что я не в состоянии точно предугадать, сколько еще раз побываю на этом проклятом маршруте, но не могу же я лишать себя небольших удовольствий всякий раз, когда приходится отправляться вверх по линии.

— Может быть, не стоило бы говорить о таких вещах при…

— Она ни слова не понимает по-английски. Совершенно безопасно.

Мария пошевелилась и громко застонала. Сид забрал у меня бутылку и слегка полил ее содержим голые груди Марии. Она снова захихикала и начала сонно потирать свои груди, как будто

это была волшебная мазь, способствующая росту их размеров. По-моему, она и так совершенно не нуждалась ни в какой такой мази.

— Весьма пылкая особа, — не преминул отметить Сид.

— Не сомневаюсь в этом.

Он что-то сказал ей, после чего она поднялась на ноги и, шатаясь из стороны в сторону, пошла ко мне. Груди ее при этом раскачивались, как колокола. Вся она источала аромат рома и похоти. Она неуверенно протянула ко мне свои руки, пытаясь заключить меня в объятия, но потеряла равновесие и снова повалилась на дощатый пол и, лежа, все еще продолжала смеяться.

— Хотите ее попробовать? — спросил Сид. — Пусть она протрезвеет немного, а тогда ведите ее к себе в номер и забавляйтесь с нею.

Я пролепетал что-то о тех интересных заболеваниях, переносчиком которых она может оказаться. Временами меня прямо-таки одолевает брезгливость, причем в самые забавные мгновенья.

Буонокоре, глядя на меня, презрительно сплюнул.

— Вам же сделаны уколы. О чем вам еще беспокоиться?

— Нам сделали прививки против тифа, дифтерита, желтой лихорадки, вот и все, — сказал я. — А сифилис?

— Она незаразная. Поверьте мне. И к тому же, раз вы так нервничаете, то можете подвергнуть себя термообработке в первые же секунды, как окажетесь внизу по линии. — Он пожал плечами. — Если что-нибудь, подобное этому, так сильно вас пугает, то, может быть, вам лучше не становиться курьером?

— Я не…

— Вы ведь убедились в том, что я обладал ею и хотел бы обладать и дальше, разве не так? Джад, неужели вы принимаете меня за круглого идиота?

Разве я лег бы с нею в постель, будь у нее сифилис? А затем предложил ее вам?

— Ну…

— Есть только одно, о чем вам на самом деле надо побеспокоиться, предупредил он. — При вас есть ваши таблетки?

— Таблетки?

— Ваши таблетки, глупец! Ваши ежемесячные противозачаточные таблетки!

— О! Да. Разумеется, есть.

— Жизненно необходимо иметь их при себе

всякий раз, когда отправляешься вверх по линии. Вам ведь не хочется наплодить здесь и там предков других людей. Патруль времени буквально выскоблит вас из пространственно-временного континуума за подобные штуки. Отвертеться от наказания за небольшое братание с людьми, живущими по линии наверху, можно, но, Боже упаси, наградить кого-либо из них детьми! Усекли?

— Еще бы!

— Помните, если даже я и не прочь подурачиться немного, то это вовсе не означает, что я пойду на риск подвергнуть прошлое изменениям в крупных масштабах. Таким, как загаживание генетического фонда человечества. Вот и вы поступайте точно таким же образом. Не забудьте принять таблетки. А теперь забирайте с собой Марию и проваливайте.

Я взял Марию и отвалил.

У меня в номере она быстренько протрезвела. Она не в состоянии была вымолвить ни единого слова на каком-либо понятном мне языке. Да и сам я не мог вымолвить ни единого понятного для нее слова. Тем не менее все у нас получилось самым наилучшим образом.

Пусть она и была старше меня на двести пять-

десят лет, ничто в ее поведении в постели не портило впечатления. Есть вещи, которые совсем не меняются со временем.

17

После того, как меня аттестовали в качестве курьера времени, и как раз перед тем, как я отбыл на маршрут «Византия», Сэм устроил для меня прощальную вечеринку. Приглашены были, наверное, все, кого я знал в Новом Орлеане, и гости битком наполнили две комнаты Сэма. Были там и девчонки из Дворца Грез, и один безработный поэт, читавший на улицах стихи, которые никто не печатал, — звали его Сигемицу и говорил он только пятистопным ямбом, — и пять или шесть наших коллег из Службы Времени, и торговец пузырьков с наркотическими средствами, и необузданная в своем поведении девчонка с зелеными волосами, которая работала мануальным терапевтом в геноателье и многие другие. Сэм пригласил даже Флору Чамберс, но она за день до этого убыла на маршрут «Разграбление Рима».

Каждому, кто только переступал порог квартиры Сэма, тотчас же вручался пузырек — баллончик с наркотическим газом, всасывавшимся непосредственно любыми клетками тела. Поэтому все завертелось очень быстро. Уже через

несколько мгновений после того, как из мундштука пузырька газ с громким шипением коснулся кожи моей руки, я почувствовал, что сознание мое воспарило, как воздушный шар, стало разбухать все больше и больше, до тех пор, пока не стали тесными для него рамки моего собственного тела, оно прорвалось наружу. С громким хлопком! Все остальные испытывали точно такие же ощущения. Освободившись от цепей собственной плоти, мы стали кружить вблизи потолка дымкой, свободной от материи плазмы, наслаждаясь быстрой сменой самых неожиданных ощущений. Я чувствовал, как мои бесплотные щупальца обвиваются вокруг парящих рядом тел Бетси и Элен, и мы наслаждались безмятежным тройственным единением психоделического свойства. Тем временем из бесчисленных микроскопических пор в раскраске стен полилась мягкая музыка, и воздействие, оказываемое ею, еще больше усиливалось настроенным в резонанс с нею потолочным экраном. Трудно было придумать более приятную обстановку.

Тем временем поэт декламировал нежным голосом:

Мы все скорбим о том, что вы должны
Так скоро нас безжалостно покинуть.

Как пред разверстой бездной мы стоим,
Сердца от боли и печали стынут.
Но мир для вас откроется иной.
Предстанет перед вами вся планета.
И все-таки, быть может, вы порой
Припомните в дороге встречу эту.

Он продолжал в таком же духе по меньшей мере минут пять. К концу его стихи все больше и больше наполнялись неприкрытой эротикой. Очень жаль, что мне удалось запомнить так мало.

А мы воспаряли все выше и выше. Сэм на правах хозяина неотступно следил за тем, чтобы дух этого парения ни у кого не убыстрялся ни на секунду. Его огромное черное тело лоснилось от крема. Одна молодая пара из Службы Времени притащила сюда гроб; он был изумительно работы, весь обтянут шелком, со всеми санитарно-гигиеническими причиндалами. Они забрались внутрь его и позволили нам наблюдать с помощью специальной видеоаппаратуры за тем, что они там проделывали. Чуть позже, все мы попробовали это, по двое и по трое, и почти каждая пара или троица вызывала бурные взрывы дружного хохота. Моим партнером был продавец пузырьков, и в самый разгар веселья

мы полностью пооткрывали их все.

Для нас плясали девчонки из Дворца Грез, и три курьера времени — двое мужчин и одна хрупкая с виду женщина в горностаевой набедренной повязке дали целое представление биологической акробатики, просто прелестное.

Делать соответствующие телодвижения они научились на Крите, где наблюдали за выступлениями танцоров эпохи правления царя Миноса, а затем просто приспособили эти движения к более современным вкусам, присовокупив к ним в строго определенные моменты сексуальные мотивы. Во время этого представления Сэм раздал всем нам датчики-перераспределители испытываемых нами ощущений. Мы немедленно повтыкали их кто куда, и нами тотчас же овладело состояние волшебной синестезии. Для меня, например, на этот раз, осязание трансформировалось в обоняние. Лаская холодные ягодицы Бетси, я ощущал благоухание майской сирени; я сдавил пальцами кубик льда, и мои ноздри наполнились запахом моря во время прилива; я провел пальцами по шероховатой ткани обоев, и легкие мои наполнились кружащим голову запахом костра в сосновом лесу. Затем мы снова произвели перераспределение ощущений, и для

меня звук превратился в тактильные ощущения; музыка, ревевшая из громкоговорителей, имела консистенцию мороженого; Элен страстно вздыхала мне в самое ухо, а я ощущал шероховатость замшелого валуна; Сигемицу снова начал декламировать свои бессодержательные вирши, однако рваный ритм его голоса доходил до меня ледяным дыханием арктических пустынь. Мы проделали точно такие же трюки с цветовыми и вкусовыми ощущениями и еще со скоростью восприятия хода времени. Из всех видов чувственных наслаждений, изобретенных за последнее столетие, такая путаница ощущений была моим самым любимым развлечением.

Позже Эмили, девчонка, работавшая в геноателье, всецело завладела моим вниманием. Она была такой худой, будто целую вечность голодала, с неприятными для глаза острыми скулами, спутанными зелеными волосами и самыми красивыми из всех, когда-либо виденных мною, всего тебя пронизывающими зелеными глазами. Забывшись в процессе парения, она казалась спокойной и сохраняющей самообладание — что, как я вскоре выяснил, было чистейшей иллюзией.

— Прислушивайся внимательно ко всему, что она станет говорить, посоветовал мне Сэм. — Под

воздействием наркотических запахов она становится ясновидящей. Я совсем не шучу — это очень серьезно.

Она плюхнулась прямо ко мне в объятия. Я нерешительно поддерживал ее какое-то время, пока ее губы искали мои. Она их даже слегка прикусила. Мы, лаская друг друга, повалились на ковер, который издал еле слышное бренчание, когда наша возня стала набирать должный уровень активности. На Эмили была накидка из тонких, густо перевитых между собою, медных полос, которые соединялись у ее горла. Я терпеливо искал под ними ее груди, она же изрекала отрешенным, пророческим тоном:

— Вскоре ты отправишься в длительное путешествие.

— Да.

— Ты уйдешь вверх по линии.

— И это верно.

— В Византию.

— Да, в Византию.

— Эта страна не для старцев, — вскричал чей-то голос из дальнего конца комнаты. — Юные обнимающиеся пары, птицы на деревьях…

— Византию, — прошептала совершенно выбившаяся из сил танцовщица, валясь распро-

стертая у моих ног.

— Там дивный блеск сверкающих камней, — вскричал Сигемицу. — Алхимикам внимают ювелиры…

— Пьяная солдатня императора дрыхнет без задних ног, — изрек я.

Эмили, вся дрожа, прикусила мне ухо и прошептала:

— Там, в Византии, ты найдешь предмет своих самых сокровенных вожделений.

— Сэм говорил мне то же самое.

— И там же ты его потеряешь. И будешь страдать из-за этого, раскаиваться в этом, сожалеть об этом, и станешь ты совсем другим по сравнению с тем, каким был раньше.

— Вот это уже кое-что серьезное, — произнес я.

— Остерегайся любви в Византии! — пронзительно вскричала ясновидица.

— Остерегайся! Остерегайся! -…зубов, кусающих, опаснейших когтей! — пропел Сигемицу.

Я пообещал Эмили, что буду крайне осторожен.

Но свет ясновидения внезапно пропал в ее глазах. Она села, ничего не понимая, моргнула несколько раз, как-то нерешительно улыбнулась и произнесла:

— Кто вы? — при этом она при этом крепко обхватила мою левую руку.

— Почетный гость этого дома. Джад Эллиот.

— Я с вами не знакома. А чем вы занимаетесь?

— Я курьер времени. Будущий. Завтра начинается первый в моей жизни самостоятельный маршрут.

— Вот теперь, кажется, я вас припоминаю. Меня зовут Эмили.

— Да, я это знаю. Вы работаете в генетическом ателье?

— Кто-то здесь уже обо мне разболтался!

— Не очень. Что вы там делаете?

— Я расщепительница, — поведала она. — Я отделяю один от другого гены. Видите ли, если кто-нибудь является носителем гена рыжих волос и желает передать его своим детям, но ген этот связан, ну скажем, с геном гемофилии, то я расщепляю эти гены и удаляю вредный.

— Мне это кажется очень трудной работой, — отважился заметить я.

— Нет, если, конечно, представляешь себе, что ты делаешь. Я прошла шестимесячный курс обучения.

— Понятно.

— Это очень интересная работа. Она способна

очень многое поведать о естестве человека, помочь разобраться в том, какими родители хотят видеть своих детей. Видите ли, далеко не все согласны с тем, чтобы производилось, так сказать, редактирование, улучшение генов. И у нас бывают такие поражающие воображение заказы!

— Как я полагаю, все зависит от того, что считать улучшением, сказал я.

— Ну, видите ли, есть же определенные стандарты внешности. Мы считаем, что лучше иметь густые, блестящие волосы, чем вовсе не иметь их.

Мужчине лучше быть двухметрового роста, чем коротышкой ростом в один метр.

Лучше иметь ровные зубы, чем кривые. Но вот что бы вы сказали, если бы к вам пришла женщина и заявила, что она желает, чтобы у ее сына не опускалась мошонка, и кое-что не болталось между ногами?

— Но почему кому-то вздумалось обзавестись именно таким ребенком?

— Ей претит мысль о том, что сын ее станет волочиться за девчонками, — сказала Эмили.

— И вы выполнили ее заказ?

— Заказ этот по шкале генетических отклонений был на целых два порядка ниже установ-

ленной нормы. Все такие заказы мы вынуждены отсылать в Совет по рассмотрению генетических проблем.

— И они взялись за его выполнение? — спросил я.

— Нет. Они не дают санкций на осуществление мутаций, препятствующих продолжению рода.

— И значит, этой бедняжке пришлось довольствоваться нормальным мальчонкой с кое-чем между ногами?

Эмили улыбнулась.

— Она может еще обратиться к подпольным расщепителям, если ей так уж хочется. Они согласны сделать все, что угодно с кем угодно. Неужели вы ничего о них не слышали?

— Нет, пожалуй.

— Они делают разные мутации для заказчиков, обожающих во всем авангард. Детей с жабрами и чешуей, с двадцатью пальцами на руках, с кожей, полосатой, как шкура зебры. Подпольщики вообще согласны вырезать какой угодно ген — за соответствующую плату. Но они очень дорого берут.

Зато прокладывают дорогу в будущее человеческого рода.

— В самом деле?

— На очереди косметические мутации, — провозгласила Эмили. — Только поймите меня правильно — наше ателье к этому не имеет никакого отношения.

Но наше поколение является последним в своем единообразие из всех, что еще будет иметь род человеческий. Необычайное разнообразие генотипа и фенотипа — вот что нас ждет впереди! Глаза ее загорелись безумным блеском, и я понял, что медленно действующий наркотический газ только в последние несколько минут вскипел в ее венах. Плотно прижавшись ко мне, она зашептала: — А как вы лично относитесь к подобной идее? Давайте заделаем ребенка прямо сейчас, а я переделаю его генную структуру в свободное от работы в ателье время! Нужно шагать в ногу со временем!

— Мне очень жаль, — произнес я, — но я совсем недавно принял свои ежемесячные таблетки.

— Давайте все равно попробуем, — сказала она, и ее рука нетерпеливо полезла мне под брюки.

18

Я прибыл в Стамбул дождливым летним днем и тотчас же переправился в подземке через Босфор на азиатскую сторону, где размещалась местная штаб-квартира Службы Времени. Город мало изменился со времени моего последнего посещения год назад. В этом не было ничего удивительного.

Стамбул фактически почти не изменился со времен Кемаля Ататюрка, а это было сто пятьдесят лет тому назад. Те же серые здания, та же архаичная суматоха на безымянных улицах, та же грязь и хрустящая на зубах пыль. И те же минареты, вознесшиеся высоко в небо над общим упадком и разрушением.

Я восхищаюсь архитектурой мечетей. Она показывает, что хоть в чем-нибудь, а были все-таки сильны турки. Но для меня лично Стамбул скорее черная пародия на город, которая была создана над смертельно раненым телом столь любимого мною Константинополя. Оставшиеся крохотные фрагменты византийского города влекут меня куда сильнее, чем мечеть султана Ахмеда, Сулеймания и мечеть Баязеда вместе взятые.

От одной только мысли, что скоро я увижу Константинополь живым городом, без всех этих турецких наслоений, я едва не наложил в штаны.

Служба Времени размещалась в огромном приземистом здании конца двадцатого столетия, вдали от Босфора, практически напротив турецкой крепости Румели Хизари, откуда султан Мехмед Второй Завоеватель буквально удушил Константинополь в 1453 году. Меня уже дожидались, но даже несмотря на это, мне еще пришлось минут пятнадцать потолкаться в приемной в окружении разгневанных туристов, жаловавшихся на какую-то напряженку с графиком их отправки вверх по линии. Один красномордый мужчина не переставал орать: «Где здесь входной терминал компьютера? Я хочу, чтобы все это было введено в память компьютера!» А уставшая ангелоподобная секретарша не переставала напоминать ему тоскливым голосом, что все, о чем бы он ни говорил, и без того записывается на пленку, вплоть до самого ничтожного его блеяния. Два самодовольных хлыща в форме патруля времени хладнокровно пересекли приемную, в которой уже начиналась настоящая свалка, у них были угрюмые лица, все внимание их, казалось,

было приковано только к выполнению своих служебных обязанностей. Я почти слышал, как они мысленно восклицают: «Вот! Вот!» К ним наперерез бросилась какая-то очень худая женщина с изможденным, принявшим форму клина, лицом, размахивая бумагами перед их сильно выступающими раздвоенными подбородками, и что было мочи завопила: "Я еще семь месяцев тому над подтвердила эти заявки!

Сразу же после Рождества! А теперь мне заявляют..." Патрули времени продолжали с той же важностью шагать дальше. Затем в приемную вкатился торговый робот и начал продавать лотерейные билеты. Позади него шествовал диковатого вида небритый турок в мятом черном пиджаке и продавал лежавшие на грязном подносе медовые пряники.

Я восхищался масштабами сутолоки. Они верно отражали саму атмосферу этого города.

Но несмотря на это, я не ощутил себя особенно обделенным, когда в конце концов ко мне пришло спасение в лице некоего мужчины явно левантийского происхождения, который вполне мог бы оказаться двоюродным братом горячо мною любимого пресловутого инструктора Наджиба Дайани. Он представился мне, как Спирос

Протопопулос и поспешно провел меня через узенькую дверь, которую поначалу я не заметил.

— Вам следовало бы войти через служебный вход, — сказал он. — Я прошу прощения за эту задержку. Мы не сразу поняли, что вы уже здесь.

Ему было около тридцати лет, он весь был такой пухленький, такой гладенький, в обязательных темных солнцезащитных очках и с полным ртом крупных белоснежных зубов. В кабине лифта, который нес нас на самый верх, где размещалась комната отдыха для курьеров, он спросил у меня:

— Вы никогда раньше не работали курьером самостоятельно, это верно?

— Да, ответил я. — Никогда. Это мой первый маршрут.

— Вы обязательно полюбите свою работу! В особенности этот византийский маршрут. Византия, это… это… — ну как мне выразить это словами? — Он восторженно прижал друг к другу свои коротенькие, толстенькие ладони. — Вы обязательно проникнитесь этим тоже, хотя, наверное, лишь частично. Только греки, как я, например, способны полностью оценить достоинства той эпохи. Византия! О, Византия!

— Я тоже грек, — произнес я.

Он остановил лифт и поднял очки.

— Разве вы не Джадсон Дэниэль Эллиот Третий?

— Он самый.

— И к тому же еще и грек?

— Девичья фамилия моей матушки была Пассилидис. Она родилась в Афинах. Дедушка со стороны матери был мэром Спарты. По материнской линии он происходит из знаменитого рода Маркезинисов.

— Значит вы мой брат! — вскричал Спирос Протопопулос.

Оказалось, что шесть из девяти остальных курьеров времени, прикрепленных к византийскому маршруту, были греками еще двое — немцами:

Гершель и Меламед, а девятый был приятного вида испанец по фамилии Капистрано, который позже, будучи в стельку пьяным, признался мне, что его прабабка была турчанкой. Не исключено, что он это придумал специально для того, чтобы я стал презирать его, — у него отчетливо проступали черты характера, свойственного мазохистам.

Пятеро из девяти моих коллег в настоящее время вверху по линии, а четверо — еще в Стамбуле нынешнего времени из-за путаницы в расписа-

нии отбытия отдельных групп, что и вызвало такой переполох в вестибюле.

Протопопулос представил меня: Меламед, Капистрано, Паппас, познакомьтесь с Джадом Эллиотом. Меламед был светловолосым, большую часть его лица покрывала песочного цвета борода. У Паппаса были впалые щеки, печальные глаза и свисающие книзу усы. Им обоим было лет по сорок. Капистрано выглядел чуть помоложе.

Светящееся табло отображало, где в настоящее время находятся остальные члены бригады, обслуживающие маршрут «Византия»: Гершель, Колеттис, Пластирас, Метаксас и Гомперс.

— Гомперс? — удивленно повторил я. Мне ответил Протопопулос:

— Его бабка была чистейшей гречанкой.

Эта пятерка рассеялась на временном отрезке, перекрывавшем целое тысячелетие: согласно табло Колеттис был в 1651, а Метаксас — в 606 годах до нынешнего времени, что соответствовало 408 и 1453 годам после Рождества Христова. Остальные работали с экскурсантами между этими двумя датами.

Пока я глазел на табло, Колеттис переместился верх по линии более, чем на столетие.

— Они убыли, чтобы посмотреть на мятежи, —

кротко заметил Меламед, а Капистрано, тяжело вздохнув, кивком подтвердил правильность его догадки.

Паппас сварил для меня крепкий кофе. Капистрано откупорил бутылку турецкого бренди, которое, как я тут же обнаружил, проглотить было не так уж легко. Он ободряюще подтолкнул меня под ребра:

— Пейте, это лучшее пойло из всех, что удастся вам испробовать на протяжении последних пятнадцати столетий!

Я вспомнил совет Сэма, заключавшийся в том, что мне не помешает, если я научусь пить спиртные напитки, и через силу протолкнул пойло внутрь желудка, страстно при этом мечтая о травке, о наркопузырьке, о табачном дыме — то есть, о чем-нибудь более пристойном.

Пока я в расслаблении отдыхал со своими товарищами по новой работе, в комнату вошел один из патрулей времени. Он не воспользовался сканирующим устройством, чтобы получить разрешение войти, не удосужился даже постучаться — просто ввалился.

— Неужели нельзя быть повежливее? — пробурчал Паппас.

— Разлагаетесь? — иронично произнес патруль.

Он с размаху плюхнулся в гамак и расстегнул гимнастерку. Это был нордической внешности верзила с волосатой грудью, которая, вследствие этого, казалась покрытой золотой кольчугой до самых ключиц. — Новичок? — спросил он, рывком повернув голову в мою сторону.

— Джад Эллиот, — сказал я. — Курьер.

— Дэйв Ван-Дам, — представился он в ответ. — Патруль. — Моя рука скрылась в его огромной лапище. — Смотрите, не попадайтесь мне на любовных штучках вверху по линии. Лично меня это не трогает, но в интересах дела я человек строгих правил. За что всех нас и ненавидят — мы люди неподкупные.

Попробуйте сунуться ко мне — сами убедитесь.

— Это комната для отдыха курьеров, — попробовал было возмутиться такой бесцеремонностью Капистрано.

— Вам нет нужды напоминать мне об этом, — сказал Ван-Дам. — Хотите верьте, хотите — нет, но читать я умею.

— Значит, вы теперь — еще один курьер, так что ли?

— Вы, наверное, не станете возражать, если я позволю себе немного расслабиться среди своих оппонентов? — Патруль ухмыльнулся, почесал

грудь и приложил к губам горлышко бутылки с бренди. Довольно много отпив, он громко рыгнул. — Господи, что за гнусный сегодня денек! Знаете ли вы, где мне довелось побывать сегодня?

Внешне, казалось, всем это было совершенно безразлично. Но он все равно продолжал:

— Весь день я провел в тысяча, будь он проклят, девятьсот шестьдесят втором году! Обследуя каждый этаж этого стамбульского, черти бы его побрали, отеля «Хилтон» в поисках двух подозреваемых времяпреступников, занимающихся нелегальным провозом произведений искусства. Мы прослышали о том, что они проносят с собою золотые монеты и римскую стеклянную посуду из 1400 года перед нынешним и перепродают их американским туристам, останавливающимся в «Хилтоне». Вырученные за это деньги вкладывают в покупку биржевых акций и доход с них припрятывают в одном из швейцарских банков, откуда и изымают значительно округлившиеся за много лет суммы сами понимаете, за счет процентов — в наши дни. Господи! Ведь, ну сами же понимаете, так можно сделать МИЛЛИАРДЫ! Акции покупаются в годы бурного подъема и изымаются из обращения на целое столетие, в

результате чего можно завладеть всем миром. Так вот, может быть так оно и есть на самом деле, но перерыв весь этот чертов «Хилтон», мы ничего не обнаружили, кроме законного для тогдашнего времени свободного предпринимательства! Вот! — Он еще раз приложился к горлышку. — Пусть произведут повторную проверку там, наверху по линии. И сами ищут этих своих чертовых времяпреступников!

— Это комната отдыха курьеров, — еще раз напомнил ему Капистрано.

Патруль снова не обратил ни малейшего внимания на его слова. Когда он в конце концов ушел минут через пять, я спросил:

— Они, что, все такие?

— Этот — как раз один из тех, у кого наиболее изысканные манеры, пояснил мне Капистрано. — Большинство остальных — это настоящие грубияны!

19

Меня уложили в постель, включили гипнокурс греческого языка периода Византийской империи, и, когда я проснулся, я был в состоянии не только заказать себе еду в таверне, купить тунику или соблазнить девственницу, прибегнув к византийскому жаргону, но знал и несколько таких фраз, от которых могли покраснеть святые, изображенные на настенных фресках Айя-Софии. Мне были неведомы такие выражения, когда я был студентом в Гарварде, Йеле или Принстоне. Хорошее дело — этот гипносон.

И все же я еще не был готов к тому, чтобы выступать в роли курьера самостоятельно. Протопопулос, который в этом месяце был старшим на маршруте, устроил меня в одну группу с Капистрано для первой моей вылазки в Византию. Если все пройдет гладко, то через несколько недель я уже буду предоставлен самому себе.

Маршрут «Византия» — один из самых популярных, которые предлагает Служба Времени, — на самом деле является вполне заурядным мероприятием.

Каждый маршрут включает в себя возможность увидеть коронацию императора, гонку колесниц на ипподроме, освящение храма Айя-София, разграбление города во время Четвертого Крестового похода и покорение его турками.

Такой маршрут продолжается вверху по линии в течение семи дней.

Четырнадцатидневный маршрут включает в себя все вышеупомянутые события плюс прибытие участников Первого Крестового похода в Константинополь, мятежи 532 года, бракосочетание императора и парочку менее важных событий.

Курьеру дано право самому решать что показывать сопровождаемым им туристам: коронацию или свадьбу императора и какие именно гонки колесниц такая свобода выбора позволяет избежать пагубного влияния парадокса кумуляции при той кутерьме, которая возникала бы в момент посещения одного и того же события большим числом туристов. При этом без внимания не оставалась ни одна из эпох истории Византии, от императора Юстиниана до завоевания ее турками, хотя нас и предостерегали от посещения тех лет, когда случались разрушительные землетрясения, и совершенно запретили, под страхом

искоренения патрулем времени, показываться с Византии, когда там в 745-747 годах свирепствовала бубонная чума.

В свою последнюю ночь в нынешнем времени я был настолько возбужден, что никак не мог заснуть, взвинченный опасениями не напутать что-либо при выполнении первого своего задания вверху по линии в качестве курьера; а я очень боялся совершить какую-нибудь непоправимую ошибку. Меня просто выводила из себя мысль о том, что придется меня спасать патрулю времени.

Какое это будет для меня унижение!

Но еще больше меня тревожил Константинополь. Насколько он будет соответствовать моим восторженным представлениям или очарование его полностью исчезнет для меня? Всю свою жизнь я лелеял образ этого блистательного города далекого прошлого; теперь же, когда я уже был на самом пороге перед входом в него, я трепетал от страха.

Я поднялся с постели и, спотыкаясь, стал бродить по комнатушке, которую мне отвели, испытывая нерешительность и сковывавшую всего меня напряженность. У меня не было никаких наркотиков, мне даже курить не разрешалось

— еще не хватало, чтобы курьер занес подобное в прошлое, ведь разве не очевидным анахронизмом будет, если кто-то закурит травку прямо на улице в десятом веке?

Капистрано отдал мне бренди, что еще оставался у него на дне бутылки, но это было небольшим утешением. Он, естественно, услышал, как я натыкаюсь на мебель, и зашел ко мне выяснить, в чем дело.

— Не находите себе места? — спросил он.

— Точно.

— Я тоже всегда волнуюсь перед прыжком. От этого никак не избавиться.

Он уговорил меня выйти вместе с ним прогуляться, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Мы пересекли Босфор и долго бродили на европейской стороне вслепую по тихим улицам нового города. Но усталость никак не приходила к нам. Казалось, мы были единственными, кто не спал в этом городе. Мы прошли по извилистому лабиринту рынка, вышли на одну из тех улиц, что вели к Айя-Софии, и долго стояли перед фасадом этого величественного старинного сооружения. Его контуры запечатлелись в моей памяти — инородные для него минареты, более поздние подпорки — я пытался заставить себя поверить,

что утром увижу его в первозданном виде, безмятежно владычествующим над городом, более уже не принуждаемом делиться огромной площадью перед собою с чуждой для него красотой Голубой мечети, построенной напротив. Мы прошли от самого Дворца Долмабахче на берегу пролива до старого «Хилтона», дальше мимо Таксима, пока не вышли к Галатскому мосту. А после мы еще бродили среди руин ипподрома, обошли Топками и вышли в том месте, где еще оставались фрагменты старинной стены, защищавшей город со стороны моря. Заря застала нас перед крепостью Идкюль, в тени полуразрушенного византийского вала. Мы уже едва держались на ногах. К нам подошел мальчишка-турок лет пятнадцати и вежливо спросил, сначала по-французски, затем по-английски, не намерены ли мы что-нибудь купить — старинные монеты, его сестру, гашиш, израильскую валюту, золотые украшения, его младшего братишку, ковер. Мы поблагодарили его и сказали, что мы не по этому делу. Он однако позвал свою сестру, которой, наверное, было не больше четырнадцати лет, но выглядела она на четыре-пять лет старше.

— Девственница, — сказал он. — Неужели она вам не нравится? Такая отличная фигура. Кто же

вы? Американцы, англичане, немцы? Вы только взгляните! Повинуясь его строгой команде, девушка расстегнула блузку и выставила для обозрения очень красивую плотную грудь. Во впадине на цепочке болталась бронзовая византийская монетка, «фоллис», что ли. Я пригнулся, чтобы рассмотреть получше. Мальчишка, дыша мне в лицо чесноком, вдруг сообразил, что не грудь, а именно эту монетку я изучаю, и плавно перевел разговор на совсем другую тему. — Вам нравятся старинные монеты, да? Мы их нашли очень много в горшке под стеной. Подождите меня здесь, сейчас я вам покажу.

Он убежал. Сестра его угрюмо застегнула кофту. Мы с Капистрано устало побрели прочь. Девчонка последовала за нами, настойчиво предлагая остаться, но к тому времени, когда мы отошли метров на двадцать, она потеряла к нам всякий интерес. Через час, воспользовавшись подземкой, мы снова очутились в здании, в котором размещалась Служба Времени.

После завтрака мы занялись своим одеянием: длинными шелковыми туниками, римскими сандалиями, легкими плащами. Капистрано торжественно вручил мне мой таймер. Теперь я уже хорошо натренировался в пользовании им. Я

просунул его себе под пояс и ощутил, как вызывающий головокружение поток энергии начал уже меня захлестывать, как пришло сознание, что теперь я волен переправить себя в какую только мне заблагорассудится эпоху, что я уже никому не подотчетен до тех пор, пока строго блюду не только в своих действиях, но и в мыслях, священную неприкосновенность нынешнего времени.

Капистрано подмигнул мне.

— Вверх по линии, — сказал он.

— Вверх по линии, — повторил я.

Мы направились навстречу своим восьмерым туристам.

20

Место старта при прохождение маршрута «Византия» почти всегда одно и то же: площадь перед Айя-Софией. Чувствуя себя несколько глуповато в своих одеяниях, мы приехали сюда автобусом, прибывшим за нами примерно в десять утра. Более традиционные туристы, находящиеся здесь только для того, чтобы поглазеть на современный Стамбул, сновали, сбившись в небольшие стада, между этим величественным храмом и расположенной поблизости мечетью султана Ахмеда. Капистрано и я удостоверились в том, что таймеры у всех на надлежащих местах и что правила, которых следует придерживаться при совершении путешествий во времени, должным образом вдолблены в черепа наших восьми туристов.

Нашу группу составляла пара очень приятных молодых людей из Лондона, пара незамужних учительниц из Германии и двух пожилых семейных пар из Америки. Все прошли гипнокурс обучения византийскому варианту греческого языка и в течение следующих шестидесяти дней будут владеть им в таком же совершенстве, как

и своим родным языком, однако Капистрано и мне пришлось еще раз напомнить американцам и одной из немок, чтобы они говорили только на нем.

После чего все совершили прыжок.

Я испытал на какое-то мгновение ощущение потери пространства и времени, которое всегда сопровождает перемещение вверх по линии. Затем я взял себя в руки и обнаружил, что я покинул Стамбул и прибыл в Константинополь.

Константинополь меня не разочаровал.

Исчезла грязь. Исчезли минареты. Исчезли мечети. Исчезли турки.

Небо было голубым, воздух чистым и приятным. Мы стояли посреди огромной площади Августеума, спиной к Айя-Софии. Справа от меня, где должно было располагаться серое невзрачное здание какой-то конторы, раскинулись обширные поля. Впереди, там, где должна была находиться синяя фантазия мечети султана Ахмеда, я увидел беспорядочное скопление невысоких дворцов из мрамора. Чуть поодаль громоздилась одна из трибун ипподрома. По просторной площади медленно прохаживались фигуры в ярких одеяниях, будто только что сошедшие с византийских мозаик.

Я быстро повернулся, чтобы впервые увидеть Айя-Софию без сопровождающих ее минаретов.

Никакой Айя-Софии у меня за спиной не оказалось!

На этом, столь знакомом месте, я увидел только обугленные развалины незнакомой мне прямоугольной базилики. Каменные стены ее продолжали стоять, но могли в любую минуту обрушиться; крыши не было. В тени фасада дремали три стражника. Я совсем растерялся.

Из состояния полной прострации меня вывел монотонный голос Капистрано.

— Мы совершили перемещение вверх по линии на шестнадцать столетий. На дворе 408 год; вскоре мы увидим процессию, направляющуюся к месту крещения сына императора Аркадия, который через какое-то время станет править, приняв имя Феодосия Второго. Позади нас, на том месте, где расположен знаменитый храм Айя-София, виднеются развалины базилики, возведенной во время правления императора Констанция, сына Константина Великого и открытой для богослужений 15 декабря 360 года. Это здание было сожжено 20 июня 404 года, во время одного из восстаний, и, как вы в том можете сами убедиться, реконструкция его еще не началась. Церковь эта

будет восстановлена через примерно тридцать лет вниз по линии при императоре Феодосии Втором и вы еще ее увидите на нашей следующей остановке. Давайте пройдем вот сюда.

Я последовал за ним, находясь как бы во сне, чувствуя себя таким же простым туристом, как наши восемь подопечных. Всю работу взял на себя Капистрано. Он, хотя и поверхностно, но достаточно исчерпывающе просветил нас в отношении мраморных домов, находившихся прямо перед нами, которые заложили начало Большого Дворца. То, что я теперь видел собственными глазами, не очень-то согласовывалось с планами фундаментов, которые я запомнил, обучаясь в Гарварде, но, разумеется, тот Константинополь, который я там изучал, был более поздним, более великим городом, он был городом, принадлежавшим эпохе, наступившей после правления императора Юстиниана, а сейчас я стоял в городе, который еще только зарождался.

Мы направились в сторону, противоположную проливу, из района дворцов — в жилой район, где дома богачей с фасадами без окон и обширными задними дворами как попало располагались между лачугами бедняков с крышами из камыша. А затем мы вышли на Месу — главную улицу, на

которой происходили все торжественные церемонии и вдоль которой располагались сводчатые галереи лавок, а сегодня, в честь крещения наследника, стены домов были убраны шелковыми портьерами с золотыми вышивками.

Здесь собрались все жители Византии и в предвкушении грандиозного шествия заполнили пространство вдоль стен так, что яблоку некуда было упасть. Во всю торговали едой многочисленные харчевни; в воздухе стоял смачный запах жареной говядины и тушеной баранины; всюду, куда только не проникал наш взгляд, стояли прилавки, заполненные сырами, орехами, незнакомыми для нас фруктами. Одна из девчонок-немок заявила, что она проголодалась. Капистрано в ответ рассмеялся и купил для нас целый вертел с бараньей тушей, расплатившись за него блестящими медными монетами, за которые нумизматы отдали бы целое состояние. Какой-то одноглазый мужчина продал нам вина из огромной холодной амфоры, позволив нам пить прямо из черпака. Как только и для других торговцев поблизости стало очевидным, что мы являемся для них весьма щедрыми потенциальными покупателями, они толпою окружили нас, предлагая сувениры, сладости, весьма старые

на вид яйца, сваренные вкрутую, жаровни с солеными орешками, подносы с разнообразными органами животных, включая глазные яблоки и те, что болтаются между задних ног. Вот это и было настоящей жизнью, подлинной седой древностью; богатейший ассортимент самых невероятных на первый взгляд товаров и густой запах пота и чеснока, исходивший от толпы торговцев, говорил нам лучше всяких слов о том, какой далекий путь мы проделали из своего 2059 года.

— Вы чужеземцы? — спросит бородач, продававший небольшие глиняные лампады. — Откуда? С Кипра? Из Египта?

— Из Испании, — ответил Капистрано.

Торговец лампадами с ужасом посмотрел на нас, как будто мы утверждали, что прибыли с Марса.

— Испании? — недоверчиво повторил он. — Испании? Разве это не замечательно — совершить такое дальнее путешествие, чтобы посмотреть на наш город… — Он придирчиво стал рассматривать всю нашу группу, произвел в уме быструю инвентаризацию увиденного и, остановив свой взор на Клотильде — грудастой блондинке из Германии, у которой формы тела были куда пыш-

нее, чем у ее напарницы-учительницы, спросил, обращаясь ко мне:

— Ваша рабыня — саксонка? — Он нюхом чуял товар под свободным одеянием Клотильды. — О, какая прелестница! У вас губа не дура!

Клотильда от удивления широко разинула рот и с трудом отцепила его пальцы от своего бедра. Капистрано, сохраняя полнейшее хладнокровие, схватил бородача и с такой силой швырнул его об стену лавки, что добрая дюжина его глиняных лампад попадала на мостовую и разбилась вдребезги.

Торговец недоуменно заморгал глазами, но Капистрано что-то холодно процедил сквозь зубы и смерил бородача свирепым взглядом.

— А я — то подумал, что она рабыня! — пробормотал тот учтивые извинения и затесался в толпе.

Клотильда вся дрожала — то ли от нанесенного ей грубого оскорбления, то ли от охватившего ее возбуждения — разобраться было трудно. Ее напарница, Лиза, казалось, немало ей завидовала. Пока что ее обнаженной плоти не коснулся ни один византийский уличный торговец!

Капистрано сплюнул.

— Неприятности могут свалиться, как снег на

голову. Нам надо быть всегда начеку; вполне безобидный щипок может быстро обернуться непредвиденными осложнениями и полной катастрофой.

Уличные торговцы оставили нас в покое. Мы нашли себе место в первых рядах запрудившей улицу толпы. Мне показалось, что множество лиц в толпе были не очень-то византийскими, захотелось узнать, были ли это путешественники во времени. Наступит время, подумалось мне, когда мы, придя снизу по линии, настолько заполоним прошлое, что там просто-таки нечем будет дышать. Мы наполним все наши «вчера» своими собственными особами и вытесним оттуда собственных предков.

— Идут! Идут! — разом закричали тысячи голосов.

Раздались звуки труб различной тональности. Вдалеке показалась процессия, возглавляемая аристократами, чисто выбритыми и коротко подстриженными на римский манер, поскольку это был еще в такой же мере римский город, как и греческий. На них были дорогие шелка, привозимые караванами из далекого Китая, о чем шепотом сообщил нам Капистрано византийцам пока еще не удалось выкрасть секрет

изготовления шелка. Яркое полуденное солнце, падая почти под прямым углом на великолепные одеяния, придавало настолько прекрасный вид, что даже Капистрано, который не раз уже видел процессию прежде, был явно тронут красотой этого зрелища.

Медленно, но неуклонно приближались самые высокие сановники империи.

— У них вид, как у хлопьев снега, — прошептал мужчина позади меня. — Как у пляшущих в воздухе хлопьев снега!

Прохождение знати заняло добрый час. Солнце стало клониться к закату.

За священнослужителями и членами императорской семьи проследовали отборные войска императора, держа в руках зажженные свечи, которые мерцали крохотными звездочками. Затем снова появились священники, неся хоругви и иконы; за ними — один из членов императорской семьи, неся на руках младенца, который станет могущественным императором Феодосием Вторым; и, наконец, за ним — правящий император Аркадий собственной персоной, весь в пурпурном императорском облачении. Сам император Византии! Я повторял тысячи раз про себя эти слова. Я, Джадсон Дэниэль Эллиот Третий стою с

непокрытой головой под византийским небом, здесь, в 408 году после Рождества Христова, в то время, как мимо меня в развевающихся на ветру одеждах проходит сам император Византии! Несмотря даже на то, что монархом сейчас был ничтожество Аркадий, не сделавший ничего особо примечательного в промежутке между правлениями двух Феодосиев, меня охватил трепет. Голова у меня пошла кругом. Мостовая словно вздыбилась под ногами.

— Вам дурно? — с тревогой в голосе шепотом спросил у меня Капистрано.

Я набрал в легкие побольше воздуха и взмолился, чтобы вселенная и дальше вокруг меня оставалась устойчивой. Я был просто ошеломлен, и кем — Аркадием! Что же со мною станется, когда я увижу Юстиниана, Константина, Алексея?

Так знайте, ничего особенного так и не случилось. Со временем я привык даже к великим императорам. Я навидался столько всякого вверху по линии, что, хотя и произвели они на меня неизгладимое впечатление, священного трепета перед их особами я уже не испытывал. Самым ярким воспоминанием об Юстиниане у меня было то, что он непрерывно чихал, но стоит мне только подумать об Аркадие, как я слышу звуки

труб и вижу хоровод звезд на небе.

21

Ночь мы провели на постоялом дворе, расположенном на высоком берегу залива Золотой Рог; по другую сторону водной глади, там, где в далеком будущем вырастут здания гостиницы «Хилтон» и крупнейших банковских контор, была одна непроглядная тьма. Постоялый двор оказался весьма крепким деревянным строением с обеденным залом на первом этаже и просторными неоштукатуренными комнатами, характерными скорее для общежития, на втором.

Почему-то я ожидал, что спать мне предложат прямо на полу, выстеленному соломой, но нет, там все-таки оказалась кое-какая мебель, отдаленно напоминавшая кровати с набитыми тряпьем матрасами. Туалет находился снаружи, позади здания. Ванных комнат, разумеется, не было. Если мы так уж сильно жаждали чистоты, то можно было воспользоваться общественными банями. Нас всех десятерых поместили в одно и то же помещение, но, к счастью, никто не стал против этого возражать. Клотильда, раздевшись, подходила к каждому из нас возмущенно пока-

зывая багровый след, оставленный уличным торговцем на ее мягком белом бедре; ее подруга с угловатой фигурой, Лиза, снова надулась, так как ей нечего было показывать.

В эту ночь мы почти не спали. Во-первых, было очень шумно, ибо празднование крещения императорского отпрыска длилось везде в городе почти до самой зари. Ну, а во вторых, как можно было спокойно уснуть, сознавая, что сразу же за порогом двери в нашу комнату находится мир самого начала пятого столетия?!

За одни сутки до этого и шестнадцать столетий внизу по линии Капистрано мужественно разделил со мною все мучения, связанные с моей бессонницей. Теперь он еще раз пошел на точно такую же жертву. Я поднялся и стоял возле узкой щели в стене, служившей окном, глядя на зажженные по всему городу костры, а когда он это заметил, то стал со мною рядом и произнес:

— Я все прекрасно понимаю. Очень трудно уснуть в первую ночь.

— Да.

— Давайте я раздобуду для вас женщину?

— Нет.

— Тогда давайте прогуляемся.

— И оставим их одних? — спросил я, глядя на

наших восьмерых туристов.

— Мы не станем уходить далеко отсюда на тот случай, если возникнут какие-либо неприятности. Просто выйдем на воздух.

Воздух оказался влажным и душным. Из района таверн до нас доносились обрывки непристойных песен. Мы пошли туда — таверны все еще были открыты и переполнены подвыпившей солдатней. Смуглые проститутки выставляли напоказ свой товар. У одной девочки, вряд ли старше лет шестнадцати, на цепочке между грудями болталась монетка. Капистрано обратил мое внимание на это и рассмеялся.

— Может быть, это та же самая монетка? — спросил он.

— Только вот груди другие — пожав плечами, ответил я, вспомнив о той, еще не родившейся девчонке, пустившей себя на продажу вчера ночью в Стамбуле.

Капистрано приволок два плетеных бутыли тягучего греческого вина, и мы вернулись на постоялый двор, сели себе тихонько в самом низу лестницы и так, в темноте, стали его распивать.

Говорил большей частью Капистрано. Как и у многих курьеров времени жизнь у него была очень сложной, содержащей много крутых по-

воротов, проходила она в каком-то запутанном, рваном ритме. Между глотками вина он капля за каплей выложил мне всю свою биографию. Предки — испанские аристократы (о своей турецкой прабабке он рассказал лишь месяцем позже, когда был пьян гораздо сильнее). Ранняя женитьба на девственнице из занимающей высокое положение в обществе семьи. Образование — в лучших университетах Европы. Затем — непонятное падение под уклон, потеря честолюбия, потеря состояния, потеря жены.

— Жизнь моя, — сказал Капистрано, — распалась на две части, когда мне исполнилось двадцать семь лет отроду. Мне требовалось полное восстановление личности. Как вы сами имеете возможность в том убедиться, полным успехом эта попытка не увенчалась.

Он поведал мне о целой серии временных браков, о преступных опытах с наркотическими галлюциногенами, по сравнению с которыми и травка, и пузырьки выглядят невинными забавами. Затем он завербовался в курьеры времени — это было единственной альтернативой самоубийству.

— Я подключился к одному из терминалов компьютера и включил датчик случайных чисел,

загадав, что, если выпадет число четное, — то я становлюсь курьером, а если нечетное — выпиваю яд. На дисплее выскочило четное число. И вот я здесь.

Он осушил до дна свой бутыль.

Для меня этой ночью он казался удивительной смесью трагически обреченного романтика и преувеличивающего собственную порочность шарлатана. Разумеется, я и сам был изрядно подвыпивши, и к тому же еще очень молод. Я признался ему, насколько сильно я восхищен его поисками самого себя, а в душе страстно желал и сам научиться казаться столь притягательно потерянным, столь интересным неудачником.

— Пойдемте, — сказал он мне, когда все вино было выпито, — и избавимся от трупов.

Мы вышвырнули бутыли из-под вина в воды Золотого Рога. Восточная часть неба уже начала окрашиваться в розовые тона. Когда мы медленно возвращались на постоялый двор, Капистрано сказал:

— Вы знаете, в последнее время у меня появилось одно маленькое хобби — выяснять, кем были мои предки. Вот — взгляните-ка на эти имена. — Он вытащил небольшую толстую записную книжку. — В каждой эпохе, которую я посещал, —

сказал он, — я отыскивал своих прародителей и заносил сюда их имена. Я уже знаю несколько сотен их, дойдя в составлении собственной родословной до четырнадцатого столетия. Вы вообще-то представляете себе, какое огромное число предков имеется у каждого из нас? Даже в четвертом поколении их насчитывается уже более тридцати!

— Весьма увлекательное хобби, — заметил я.

У Капистрано заблестели глаза.

— Более, чем хобби! Куда более, чем просто хобби! Вопрос жизни и смерти! Послушайте, друг мой, если когда-нибудь я слишком устану от будничности собственного существования, мне только и останется, что отыскать кого-нибудь из этих людей, всего только одного-единственного человека, и уничтожить его. Лишить его жизни, может быть, когда он еще совсем ребенок. А затем вернуться в нынешнее время. И в это мгновенье, моментально, без какой-либо боли, прекратится и моя собственная, столь надоевшая мне жизнь, будто ее никогда и не было вовсе!

— Но ведь патруль времени…

— Здесь он абсолютно беспомощен, — сказал Капистрано. — Что в состоянии предпринять патруль? Если мое преступление раскрывается,

меня хватают и устраняют из хода истории за совершенное мною времяпреступление, верно? Если мое преступление остается нераскрытым — а почему, собственно, его должны раскрыть? — тогда я сам себя уничтожаю. В любом случае я исчезаю. Ну разве это не самый интригующий способ совершения самоубийства?

— Уничтожая одного из своих собственных предков, — попробовал было возразить я, — вы, возможно, изменяете нынешнее время в очень сильной мере. Вы ведь при этом уничтожаете также и своих собственных братьев и сестер, своих дедов и прадедов и всех их братьев и сестер, а вместе с ними — и все их потомство вплоть до нынешнего времени, всех этих людей, удалив из прошлого всего лишь одну какую-то из подпорок, на которых держится все ваше родословное древо!

Он торжественно кивнул.

— Я прекрасно осознаю все это. Потому-то я и составляю с такой исчерпывающей полнотой собственную родословную, чтобы определить, каким образом можно с наибольшей эффективностью обеспечить только свое собственное уничтожение. Я не Самсон; у меня нет ни малейшего желания быть погребенным под развалинами

мною же обрушенного здания. Я отыщу такое лицо, которое в стратегическом отношении окажется наиболее подходящим для уничтожения — кого-нибудь такого, кто по счастливой случайности и сам окажется неисправимым грешником — и я устраню это лицо, а с ним — и самого себя, не вызвав, может быть, таких уж особенно ужасных изменений нынешнего времени. Мне совсем не хочется убивать кого-нибудь невинного. А вот если изменения нынешнего времени окажутся слишком велики, то патруль непременно это обнаружит и исправит положение, оставив, тем не менее, для меня такую возможность умереть, какой я больше всего и добивался.

Мне очень захотелось понять, действительно ли он безумен или просто пьян. Наверное, и то, и другое, решил я.

И еще мне очень хотелось сказать, что если ему действительно так страстно хочется разделаться с собственным существованием, то не стоит ли избавить массу людей от совершенно необязательных для них хлопот просто сиганув головой вниз в Босфор?

И еще я похолодел от ужаса при мысли о том, что вся Служба Времени вполне может быть инфильтрована великим множеством вот таких же

Капистрано и что вся затеянная ею суета имеет целью только лишь гибельное саморазрушение прошлого и настоящего.

Когда мы поднялись наверх, серый утренний свет представил нашим взорам восьмерых спавших, прижавшихся друг к другу. Наш женатый престарелый люд спал вполне благообразно; два симпатичных мальчика из Лондона, казалось, хорошо пропотели и теперь были сильно взъерошены после какой-то крупной сексуальной возни; Клотильда улыбалась во сне, рука ее покоилась между бледными бедрами Лизы, рука Лизы уютно прикрывала упругую правую грудь Клотильды. Я тихонько прилег в свою одинокую постель и тотчас же уснул. Однако Капистрано вскоре разбудил меня, после чего мы вместе стали будить всех остальных. Я себя чувствовал так, будто постарел на десять тысяч лет.

Мы позавтракали холодной бараниной и пошли прогуляться по городу.

Большинство интересных сооружений еще не было возведено либо находилось на самых ранних стадиях строительства — поэтому долго в городе мы не задержались и к полудню вышли на Августеум, чтобы шунтироваться.

— Нашей следующей остановкой, — объявил

Капистрано, — будет 532 год после Рождества Христова, где мы увидим город во время правления императора Юстиниана и станем свидетелями мятежей, которые его уничтожат, тем самым, может быть, сделав возможным возведение более прекрасного и более грандиозного города, который и заслужит вечную славу.

Мы зашли в тень, обогнув развалины первоначальной Айя-Софии, чтобы внезапное исчезновение десяти людей не вызвало паники у случайных прохожих. Я произвел соответствующую регулировку всех таймеров. Капистрано достал свисток и подал сигнал. Мы все тотчас шунтировались.

22

Вниз по линии, в 2058 год мы вернулись двумя неделями позже. Я совершенно ошалел от нашего путешествия, голова моя кружилась от увиденного, душа была переполнена Византией.

Я стал свидетелем кульминационных моментов тысячелетнего величия.

Город моих мечтаний стал для меня живым и близким. Мясом и вином Византии пропиталось все мое тело.

С профессиональной точки зрения курьера вылазка эта оказалась очень удачной, то есть за время ее проведения ничего особенного не произошло.

Наши туристы не навлекли на себя никаких неприятностей и, насколько нам было известно, не способствовали возникновению каких-либо временных парадоксов. Единственной шероховатостью было то, что как-то ночью Капистрано, в стельку пьяный, стал домогаться Клотильды; галантности особой он при этом не проявлял и, получив с ее стороны отпор, попытку просто соблазнить довел до намерения неприкрытого

изнасилования, однако мне удалось разъединить их до того, как ее ногти впились ему в глаза.

Утром он никак не мог поверить в то, что произошло.

— С этой блондинкой-лесбиянкой? — спросил он у меня. — Неужели я пал так низко? Вам, наверное, это приснилось!

И тогда он стал настаивать на том, чтобы мы отправились на восемь часов вверх по линии, чтобы он мог самолично удостовериться в том, что произошло. Перед моим мысленным взором предстал протрезвевший Капистрано, дающий крепкий нагоняй своему вдрызг пьяному более раннему воплощению, и это очень меня напугало. Мне пришлось отговорить его от этого самым грубым и прямым образом, напомнив ему Устав патруля времени, в соответствии с которым запрещалось кому бы то ни было вступать в разговор с самим собою в другом воплощении, и пригрозив донести на него, если он попытается это сделать. Капистрано выглядел уязвленным, но от намерения своего отказался, а когда мы вернулись вниз по линии и он составил свой собственный доклад в ответ на запрос в отношении моего поведения в качестве курьера, то в нем он отзывался обо мне самым лестным образом. Про-

топопулос рассказал мне об этом впоследствии.

— Во время вашей следующей вылазки, — сказал Протопопулос, — вы будете помощником Метаксаса при проведении однонедельного маршрута.

— Когда я отбываю?

— Через две недели, — сказал он. — Только после вашего двухнедельного отпуска, не забывайте об этом. А самостоятельно начнете работать после возвращения вместе с Метаксасом. Где вы собираетесь провести свой отпуск?

— Отправлюсь, пожалуй, на Крит или в Микены, — сказал я, — и попробую там немного попляжиться.

Руководство Службы Времени настаивает на том, чтобы у курьеров между вылазками в прошлое был обязательный двухнедельный отпуск. Служба Времени заботится о своих курьерах и не слишком загружает их. Во время отпуска курьеры вольны делать все, что им заблагорассудится. Они могут проводить весь свой отпуск, отдыхая в нынешнем времени, как решил распорядиться им я, или сами могут записаться в какую-либо группу, отправляющуюся вверх по линии, в качестве обычных туристов, или, наконец, могут просто шунтироваться самостоятельно в лю-

бую эпоху, которая может представлять для них интерес. За пользование таймерами во время отпуска плата с курьеров не взимается. Служба Времени старается поощрять стремление своих сотрудников чувствовать себя, как дома, в любых прошлых эпохах, а разве разрешение бесплатных шунтирований не является наилучшим способом повышения квалификации своих служащих?

Вид у Протопопулоса был несколько разочарованный, когда я сказал, что проведу отпуск, загорая на островах.

— Вы на самом деле не хотите попрыгать немного? — удивленно спросил он.

Честно говоря, меня пока еще пугала мысль о самостоятельных прыжках через время на данной стадии своей карьеры в качестве курьера. Но я боялся признаться Протопопулосу в этом. В следующем месяце он взвалит на меня ответственность за благополучие целой группы туристов. Может быть, сам этот разговор был частью проверки моей квалификации. Похоже было на то, что начальство хочет убедиться, достаточно ли у меня уже смелости, чтобы совершать прыжки на собственный страх и риск.

Протопопулос прямо-таки пожирал меня глазами, дожидаясь ответа.

— По зрелому размышлению, — произнес я, — я решил, что не стоит упускать шанс немножко попрыгать и самому. Почему бы, в таком случае, мне не взглянуть на Стамбул — столицу Османской империи?

— В составе туристской группы?

— Зачем? В одиночку, — сказал я.

23

Вот так-то я и решился смело броситься в незнакомое наперекор парадоксу разрыва последовательности времени.

Однако сначала мне пришлось отправиться в гардеробную. Мне нужны были одеяния, подходящие для посещения Стамбула в различные эпохи, начиная с шестнадцатого столетия и кончая девятнадцатым. Вместо того, чтобы снабдить меня широким выбором одежд, которые бы соответствовали меняющейся от эпохи к эпохе моде, мне всучили универсальное для любого времени мусульманское облачение: простую белую свободную одежду, неопределенного вида сандалии, длинноволосый парик и плохо ухоженную густую бороду молодого мужчины. Зато меня щедро снабдили карманными деньгами в широком ассортименте — понемногу всего, что только могло ходить в обращении в средневековой Турции, включая несколько византов времен греческого господства, разнообразнейшие монеты, чеканка которых производилась султанами, и немалое количество венецианских золотых монет. Все

это было помещено в специальный пояс для наличности, который я одел на себя чуть повыше таймера. Монеты разных эпох были отделены одни от других и распределены слева направо по нарастающему счету столетий, чтобы исключить неприятности, которые могли у меня возникнуть, если бы мне случилось платить динаром восемнадцатого века на базарной площади шестнадцатого столетия.

Монеты также предоставлялись бесплатно — Служба Времени сама производила непрерывную перекачку имеющей хождение валюты между временем нынешним и временами тогдашними с целью обеспечения ею своего же собственного персонала. Курьер, желавший провести свой отпуск в прошлом, мог подать заявку на получение любой, в разумных пределах, суммы для покрытия собственных расходов. Для Службы Времени они были не более, чем игральными фишками, бесконечно обмениваемыми одни на другие. Мне нравится такая система.

Прежде, чем отбыть, я еще прошел гипнокурс турецкого и арабского языков. Отдел спецзаявок быстренько сфабриковал для меня фальшивое прикрытие, которое не вызвало бы подозрений ни в одну из эпох, которые я намеревался по-

сетить: если меня спросят, я буду отвечать, что я португалец, похищенный в Западном Средиземноморье алжирскими пиратами в возрасте десяти лет, а затем воспитанный в мусульманской вере в Алжире.

Этим можно было объяснить погрешности моего произношения и смутные представления в отношении происхождения. Если бы даже произошло самое невероятное, и на беду мне попался бы настоящий португалец, я мог просто сослаться на то, что я практически ничего не помню о своей жизни в Лиссабоне и позабыл имена своих родителей. Если я не буду открывать рта, буду молиться в сторону Мекки пять раз в день и постараюсь не соваться куда не следует, я вряд ли могу влипнуть во что-нибудь серьезное. (Разумеется, если бы случилась настоящая беда со мной, всегда оставалась возможность спастись при помощи собственного таймера, но в Службе Времени такое поведение расценивается как трусливое и крайне нежелательное, так как внезапное исчезновение на глазах людей прошлого могло вызвать у них мысли о волшебстве и способствовать развитию суеверий).

На приготовления у меня ушло полтора дня. Только после этого мне сказали, что я могу со-

вершить прыжок. Я отрегулировал свой таймер на 500 год до нынешнего времени, выбрав эпоху наугад, и шунтировался.

В Стамбул прошлого я прибыл 14 августа 1559 года в полдесятого вечера. Тогда там правил великий султан Сулейман Первый, но правление его уже близилось к концу. Турецкие войска угрожали спокойствию Европы, Стамбул ломился от награбленных сокровищ. Душа моя не лежала к этому городу, так как была очарована великолепием Константинополя времен Юстиниана и Алексея. Но такое мое отношение скорее всего объяснялось чисто личными мотивами и предопределялось моим происхождением, характером обмена веществ моего организма и историческими пристрастиями. Если же отбросить субъективные ощущения, приходилось признать, что Стамбул Сулеймана был на самом деле городом из городов.

Я провел полдня, бродя по его улицам. Добрый час я любовался строительством прелестной мечети, надеясь, что это и есть Сулеймания, однако позже, в этот же день, я нашел настоящую Сулеймманию, новенькую с иголочки и сверкающую всем многоцветьем красок под лучами яркого полуденного солнца. Я совершил специальное

паломничество, тайком сверившись с картой, которую контрабандой проволок с собою вверх по линии, к мечети султана Мехмеда-Завоевателя, разрушенной впоследствии землетрясением 1766 года. Оказалось, что игра стоила свеч, и я совсем не зря отмахал лишние несколько километров. К середине дня, после того, как я посмотрел на превращенную в мечеть Айя-Софию и унылые развалины Большого Дворца византийских императоров, находившиеся по другую сторону площади перед бывшим православным храмом (мечеть султана Ахмеда будет возведена на этом месте через пятьдесят лет вниз по линии), я вышел к крытому рынку, рассчитывая приобрести несколько мелких безделушек в качестве сувениров, и, когда я прошел внутрь не более, чем на десять шагов, мне на глаза попался возлюбленный мой гуру, чернокожий Сэм!

Представьте себе только — насколько ничтожна вероятность такой встречи! Имея в своем распоряжении тысячи лет, где можно странствовать, сколько только твоя душа пожелает, двое отправляются провести свободное время в один и тот же день одного и того же года в одном и том же городе, да еще и встречаются под одной и той же крышей!

Он был в традиционном облачении мавра, как будто только что сбежал с представления «Отелло». Я никак не мог ошибиться, приняв за него кого-нибудь другого. Он был на голову выше всех окружающих, и его черная, как смоль, кожа резко контрастировала с белыми одеждами. Я поспешил к нему.

— Сэм! — закричал я. — Сэм, негодник ты старый, какая удача повстречаться с тобою ЗДЕСЬ!

Он резко повернулся ко мне, удивленно нахмурился, вид у него был явно ошарашенный.

— Я с вами не знаком, — холодно произнес он.

— Пусть тебя не вводит в заблуждение моя борода. Это я, Сэм. Джад Эллиот.

Он сверкнул очами. Хрипло зарычал. Вокруг начала собираться толпа. Я уж засомневался, не ошибся ли я. Может быть, это вовсе не Сэм, а его пращур, благодаря генетической случайности выглядевший точь-в-точь, как он. Нет, сказал я самому себе, это настоящий, доподлинный Сэмбо.

Но тогда для чего это он вытаскивает кривую турецкую саблю?

Мы до этого говорили по-турецки. Я переключился на английский и сказал:

— Послушай, Сэм, я не понимаю, что с тобой происходит, но мне хочется провести с тобой вре-

мя, пока ты в этой роли. Давай встретимся через полчаса напротив Айя-Софии, и тогда сможем…

— Неверный пес! — надрывался он. — Нищее отродье! Свиноложец вонючий!

Прочь от меня! Прочь, ворюга!

Он угрожающе взмахнул ятаганом в мою сторону и продолжал неистовствовать по-турецки и вдруг, очень тихим голосом прошептал:

— Не знаю, кто вы такой, черт бы вас побрал, приятель, но если вы не смотаетесь отсюда тотчас же, мне придется разрубить вас пополам. — Совратитель малолетних! Мерзкий пьяница! Пожиратель верблюжьего дерьма!

И все это не было игрой с его стороны. Он действительно не узнал меня, и он на самом деле не хотел иметь со мною ничего общего. В самых расстроенных чувствах я бросился прочь от него подальше, поспешно затерявшись в одном из второстепенных рыночных переходов, вышел на открытое место и, не мешкая, шунтировался на десять лет вниз по линии.

Несколько человек стали свидетелями моего внезапного исчезновения, но меня это мало волновало — для турка 1559 года мир был полон всяких там ифритов и джинов, так что меня просто примут за одного из подобных исчадий.

В 1569 году я оставался не более пяти минут. Неожиданная для меня реакция Сэма на мое приветствие настолько лишила меня спокойствия, что я уже не мог просто так отдыхать, наслаждаясь видами города. Я должен был получить объяснение. Поэтому я поспешил снова вверх по линии в 2059 год, материализовавшись в квартале возле крытого рынка и едва не был раздавлен в лепешку промчавшимся мимо такси. Несколько турков заулыбались, показывая на меня пальцами. Наивные обезьяны не привыкли воспринимать путешественников во времени как нечто само собой разумеющееся.

Я быстро направился к ближайшей кабине дальней связи, и набрал телефонный номер Сэма.

— Его сейчас нет дома, — пробубнил автоответчик, подключенный к всеобщей информационной сети. — Проследить, где он находится в данный момент?

— Да, пожалуйста, — машинально ответил я.

Мгновеньем позже я ударил себя по лбу за проявленную мною глупость.

Разумеется, его нет дома, ну и идиот же я! Ведь он вверху по линии в 1559 году!

Но всеобщая информационная сеть уже начала

его поиски. Вместо того, чтобы поступить, как того требует элементарный здравый смысл, и дать отбой, я продолжал стоять, как баран, в кабине, ожидая неизбежного ответа, что информационная сеть в данный момент не может его нигде отыскать.

Прошло три минуты. Затем механический голос произнес:

— Мы отыскали вашего абонента в Найроби, через несколько секунд он будет на линии. Пожалуйста, поставьте нас в известность, если желаете с ним переговорить.

— Валяйте, — произнес я, и на видеоэкране появилось изображение черного лица Сэма.

— Ты попал в беду, мальчонок? — спросил он.

— Что это ты делаешь в Найроби? — вскричал я.

— Небольшой отдых в кругу своих сородичей.

— Послушай, — сказал я. — У меня сейчас отпуск между двумя экскурсиями, которые я сопровождаю в качестве курьера, и я, чтобы убить время, отправился в Стамбул 1559 года и встретился там с тобою.

— Ну и что?

— Как же это ты можешь оказаться там, если сейчас находишься в Найроби?

— Точно так же, как могут быть двадцать два экземпляра твоего инструктора-араба, глазеющего на то, как римляне приколачивают гвоздями Иисуса к кресту, — ответил Сэм. — Черт бы тебя побрал, дружище, когда ты научишься мыслить в четырех измерениях?

— Значит, это совсем другой ты, там, вверху по линии в 1559 году?

— Дай-то Бог, негодник ты этакий. Он там, а я здесь! — Сэм рассмеялся. — Такие мелочи совершенно не должны тебя расстраивать, парень.

Не забывай, что ты теперь курьер!

— Погоди. Произошло вот что. Иду я по крытому рынку, и вдруг прямо передо мною возникаешь ты в характерном одеянии оперного мавра. Ну, я издаю радостный крик и бегу прямо к тебе, чтобы поздороваться. А ты делаешь вид, будто вовсе меня не знаешь! Начинаешь размахивать ятаганом, сыплешь на мою голову самые гнусные проклятья, а потом шепотом велишь мне по-английски рвать оттуда когти, да притом побыстрее, не то…

— Послушай, приятель, неужели ты не знаешь, что инструкциями категорически запрещено разговаривать с другими путешественниками во времени, когда находишься вверху по линии? Если только ты сам не из того же нынешнего

времени, что и твой собеседник, тебе предписывается не обращать на него ни малейшего внимания, даже если ты и узнал его, несмотря на его маскировку. Братание запрещено из-за того…

— Все это так, разумеется, но ведь это был ТЫ, Сэм.

Не думаю, что ты стал бы блюсти инструкцию в отношении МЕНЯ. Но ты просто не узнал меня, Сэм!

— Это очевидно. Но почему это так тебя расстроило?

— У меня сложилось такое впечатление, будто ты страдаешь потерей памяти. Это испугало меня.

— Но ведь я мог просто быть не знакомым с тобой — вот и все!

— О чем это ты толкуешь?

Сэма начало трясти от смеха.

— Парадокс разрыва времени! И не говори мне, что тебя никогда не просвещали на сей счет!

— Что-то там такое говорили, но я не очень-то обращал внимание на эту казуистику, Сэм.

— А зря. Теперь никогда не забывай об этом. Ты хотя бы знаешь, какой год был на дворе, когда я предпринял вылазку в Стамбул?

— Нет.

— Это был 2055 год. А познакомился я с тобою только через четыре года — этой весной, не так ли? Так что Сэм, с которым ты встретился в 1559 году, даже в глаза не видывал тебя прежде. Разрыв во времени, понимаешь?

Ты там оказался из нынешнего времени с 2059 годом в качестве точки отсчета, а я из 55-го в качестве точки отсчета, и поэтому ты для меня был незнакомцем, а я для тебя — нет. Это одна из причин, по которым курьерам не полагается разговаривать с друзьями, если они случайно встречаются с ними, находясь вверху по линии.

Теперь я начал понемногу соображать, что к чему.

— Я начинаю понимать, — сказал я.

— Для меня, — сказал Сэм, — ты был каким-то тупоголовым свежеиспеченным салажонком, пытающимся нарваться на неприятности, или, возможно и такое, стукачом из патруля времени. Я тебя не знал и не хотел вступать с тобой ни в какие отношения. Теперь я припоминаю: что-то вроде этого случилось со мною тогда. Кто-то снизу по линии потревожил меня, когда я находился на рынке. Теперь мне даже смешно, что потом это у меня никак не ассоциировалось с тобой!

— У меня тогда была фальшивая борода, когда

я был вверху по линии. — Наверное, так оно и было. Ну а теперь для тебя все это прояснилось, скажи честно? — Парадокс разрыва непрерывности времени, Сэм? Конечно. — Больше ты не забудешь держаться подальше от старых друзей, когда находишься вверху по линии? — Разумеется, Сэм. Боже, как ты меня тогда напугал своим ятаганом!

— Будет тебе уроком. Держись подальше от парадоксов, — сказал Сэм и на прощанье послал мне воздушный поцелуй.

Испытывая огромное облегчение, я вышел из кабины и вернулся вверх по линии в 1550 год полюбоваться строительством мечети Сулеймана Великолепного.

24

Фемистоклис Метаксас был старшим курьером на моем втором маршруте в Византию. С самого первого момента, когда я с ним повстречался, я тут же почувствовал, что человек этот сыграет главную роль в моей жизни. И не ошибся.

По-моему, ему было около пятидесяти лет. Он был совсем невысокого роста, метра полтора от силы. Треугольной формы череп, плоский сверху и заостренный к подбородку, густые курчавые волосы уже начали седеть; глаза, маленькие, блестящие, очень темные, сверху обрамлялись мохнатыми бровями, нос — крупный, слегка заостренный. Губы он всегда поджимал, из-за чего создавалось впечатление, будто у него вообще их не было. Ни один лишний грамм жира не отягощал его тело с необычайно сильными мускулами. Голос у него был низким, неотразимо привлекательным.

В нем действительно сверкала искра Божья. А может, это следовало бы назвать скорее разнузданностью?

Наверное, он обладал и тем, и другим. Для него

вся вселенная вращалась вокруг Фемистоклиса Метаксаса; в ней возникали новые солнца только для того, чтобы в их лучах мог купаться Фемистоклис Метаксас; эффект Бенчли был изобретен с одной-единственной целью: дать возможность Фемистоклису Метаксасу шагать по годам и эпохам. Если же и ему когда-нибудь случится умереть, то тогда одновременно обрушится и космос.

Он стал одним из первых курьеров, которых начала нанимать Служба Времени, было это более пятнадцати лет тому назад. Обладай Метаксас хотя бы малейшей долей честолюбия, он бы сейчас наверняка уже возглавлял всю службу курьеров, окруженный сонмищем экстравагантных секретарш, и ему совсем не надо было бы подкармливать блох, которых он ловил при посещении древней Византии. Случилось же так, что он все это время оставался одним из активнейших курьеров, однако сопровождал только маршрут «Византия».

Практически он давно уже считал себя византийским гражданином и даже проводил в Византии свои отпуска, отдыхая на вилле, которую приобрел в окрестностях Константинополя где-то в самом начале двенадцатого столетия.

В качестве побочного промысла он не брезговал самой разнообразной незаконной деятельностью как крупного, так и мелкого пошиба. Вся она, безусловно, пошла бы прахом, прекрати он свою службу в качестве курьера, и именно поэтому он не собирался уходить в отставку. Он наводил ужас на патруль времени, и сотрудники его предоставляли ему возможность заниматься чем только ему. Разумеется, у Метаксаса было достаточно здравого смысла и благоразумия не заходить в своих играх с прошлым настолько далеко, чтобы это могло привести к каким-либо серьезным изменениям в нынешнем времени, но, за исключением небольших ограничений его грабительское поведение вверху по линии казалось сплошным беспределом.

Когда я впервые повстречался с ним, он сказал мне:

— Разве можно похвалиться тем, что не зря прожил на этом свете, если не знаешь своих собственных предков?

25

На этот раз собралась большая группа: двенадцать туристов, Метаксас и я. Руководство всегда добавляло на его маршруты несколько человек сверх нормы, поскольку он был в самом деле очень одаренным курьером, а маршрут пользовался необычайной популярностью. Я тащился за ним следом в качестве помощника, как губка впитывая его богатейший опыт, чтобы воспользоваться им во время своего первого самостоятельного маршрута, который был уже не за горами.

Наша дюжина экскурсантов состояла из трех молоденьких, хорошеньких девушек из Принстона, совершавших путешествие в Византию на подаренные их родителями средства; двух обычных для подобных вылазок самостоятельных супружеских пар среднего возраста, одна из которых была из Индианополиса, а другая — из Милана; двух моложавых художников-оформителей, мужчины и его сексуального партнера из Бейрута; недавно разведенного и поэтому жадного до женщин дежурного узла связи из

Нью-Йорка, лет примерно сорока пяти; пухлолицего невысокого преподавателя старших классов из Милуоки, пытающегося расширить свой кругозор, и его жены — короче, стандартный набор участников.

К концу первого вводного занятия все три девчушки из Принстона, оба художника-оформителя и жена из Индианополиса уже совершенно явно выражали страстное желание завалиться в постель с Метаксасом. На меня никто не обращал ни малейшего внимания.

— После того, как маршрут начнется, все станет совершенно иначе, попытался утешить меня Метаксас. — Эти девушки станут доступными и для вас. Вы ведь хотите девушек, разве не так?

Он оказался прав. В нашу первую же, проведенную вверху по линии, ночь, он забрал себе одну из девушек, а две оставшиеся поспешили безропотно отдаться его помощнику, поскольку лучшего выбора у них просто-напросто не было. По каким-то непонятным для меня причинам Метаксас предпочел рыжую, курносую, с лицом, будто забрызганным веснушками, и толстыми ногами. Мне он оставил высокую, с виду надменную, стройную брюнетку, внешне столь безупречную, что становилось ясно: она явно была делом рук

биоинженеров высшей квалификации; и миловидную смешливую блондиночку с озорными глазами, бархатистой кожей и грудью двенадцатилетней девочки. Я выбрал брюнетку и ошибся — в постели она была ничуть не лучше пластмассовой куклы. Под утро я заменил ее блондинкой и на этот раз мне повезло куда больше.

Метаксас оказался потрясающим курьером. Он знал все и вся и умел расположить нас так, что мы могли наслаждаться зрелищем великих событий с самых удобных точек обзора.

— Сейчас мы — в январе 532 года, — объяснял он. Правит император Юстиниан. Его целью является завоевание всего обитаемого мира и управление им из Константинополя, но большая часть его великих свершений пока еще впереди. Город, как вы смогли в том убедиться, все еще немногим отличается от того, каким он был в предыдущем столетии. Прямо перед вами Большой Дворец, слева все еще продолжается перестройка Айя-Софии Феодосия Второго на фундаментах старой базилики, но купола еще не возведены. В городе повсюду царит напряженность; в самом скором времени начнутся беспорядки среди гражданского населения. Пройдемте вот сюда.

Дрожа от холода, мы покорно плелись вслед за Метаксасом по городу, по тем его переулкам и проспектам, по которым мне не довелось пройти, когда я был здесь двумя неделями ранее, сопровождая Капистрано. Ни разу за всю эту экскурсию мне даже краем глаза не удалось увидеть ни себя, ни Капистрано или кого-нибудь еще из той нашей группы. Одним из самых легендарных качеств Метаксаса была его удивительная способность отыскивать каждый раз новый подступ к обозрению самых стандартных сцен.

Разумеется, без этого ему было просто никак нельзя. На данный момент здесь находилось до сотни Метаксасов, проводивших экскурсии по городу Юстиниана. И для него было вопросом профессиональной чести не допустить пересечения путей своих же маршрутов.

— Сейчас весь Константинополь разделился на две партии — «синих» и «зеленых», как они себя называют, — рассказывал он. — Обе партии имеют примерно по тысяче сторонников — отъявленных смутьянов, и влияние каждой из этих партий на население куда значительнее, чем это можно объяснить количеством решительных приверженцев. Фракции пока еще не являются политическими партиями, но это уже

нечто гораздо большее, чем просто болельщики той или иной спортивной команды. Правильнее будет сказать, что для них характерно и то, и другое. «Синие» в большей степени связаны с высшими аристократическими кругами; «зеленые» опираются на поддержку менее знатных слоев населения и торгово-ремесленные круги. Каждая из этих партий поддерживает определенную команду в соревнованиях на ипподроме, и каждая борется за определенный курс политики правительства. Юстиниан вот уже в течение продолжительного времени симпатизирует «синим», и «зеленые» ему не доверяют. Но как император, он пытается сохранить внешний нейтралитет. В глубине души он желает подавить обе эти партии, являющиеся угрозой его единовластию. Каждую ночь сторонники обеих партий устраивают буйные шествия по улицам города. Глядите — вот «синие».

Метаксас кивком головы показал на скопление откровенно дерзких головорезов на другой стороне улицы — восемь или девять бездельничающих мужчин с длинными волосами, ниспадающими на плечи, и пышными бородами и усами. Они выстригали волосы только в передней части головы, над самым лбом. Рукава

туник, туго перевязанные у запястий, отличались чрезвычайной широтой на всей остальной части. Туалет дополняли яркие накидки и короткие штаны, а сбоку висели обоюдоострые мечи. Вид у них в самом деле был зверски опасный.

— Подождите здесь, — велел нам Метаксас и подошел к ним.

«Синие» приветствовали его как старого своего приятеля. Они хлопали его по спине, смеялись, издавали веселые восклицания. О чем они говорили, мне слышно не было, но я видел, как Метаксас хватал их за руки, говорил что-то очень быстро, подкрепляя слова красноречивыми жестами, а временами даже весьма доверительно. Один из «синих» протянул ему бутыль с вином, и он изрядно отхлебнул прямо из горлышка. Затем, крепко обняв мужчину, будто он совсем уже тепленький, Метаксас ловко выхватил меч «синего» из ножен и сделал вид, будто проткнул его насквозь. Хулиганы запрыгали от восторга и стали аплодировать Метаксасу. Тогда он показал в нашу сторону, вызвав дружные кивки в знак одобрения, влюбленные взгляды на девушек, подмигивания, оживленную жестикуляцию. В конце концов нас позвали присоединиться к их группе.

— Наши друзья приглашают нас на ипподром

в качестве своих гостей, сказал нам Метаксас. — Гонки колесниц начнутся на следующей неделе.

Сегодня вечером нам разрешено присоединиться к их пирушке.

Я едва верил происходящему. Когда я был здесь с Капистрано, мы тайком, будто мыши, крались по улицам, стараясь поменьше попадаться кому-либо на глаза, потому что именно по ночам наблюдался особый разгул насилия и убийств, и с наступлением темноты сразу же прекращалось действие абсолютно всех законов. Как же это Метаксас осмеливается оставлять нас в таком близком соседстве с преступными элементами?

Однако он осмелился это сделать. И всю ночь мы бродили по улицам Константинополя, став свидетелями того, как «синие» грабят, насильничают и убивают. Простого обывателя смерть ожидала за каждым углом, мы же были неприкосновенными, даже привилегированными наблюдателями террора и насилия. Метаксас, казалось, упивался своей главенствующей ролью в этом кошмарном разборе, будто оживший сатана с деревянной византийской иконы.

Он, как безумный, скакал среди своих друзей из партии «синих» и даже несколько раз подсказывал им, кто должен стать очередной их жертвой.

Утром все это показалось сном. Разгул насилия, как фантом, исчез вместе с ночной тьмой; хмурым зимним утром мы снова обозревали городские достопримечательности и слушали пояснения Метаксаса.

— Юстиниан, — рассказывал он, — был великим завоевателем, великим законодателем, великим дипломатом и великим строителем. Таков вердикт истории. Однако мы располагаем еще и «Тайной историей» Прокопия, в которой утверждается, что он был одновременно и мошенником, и болваном, а его жена Феодора — так та была просто демонической, до крайности распутной злодейкой. Я знаком с этим Прокопием: порядочнейший человек, прекрасный писатель, разве что несколько пуританского нрава и слишком уж доверчивый ко всяким сплетням. Юстиниан был великим человеком, когда творил великие дела и наводящим ужас чудовищем в повседневной жизни.

А Феодора, — тут он сплюнул, — блудница из блудниц, трудно даже себе представить более развратную женщину. Она танцует голая на официальных государственных обедах, выставляет напоказ свое обнаженное тело в общественных местах, спит со своими же слугами. Я прослышал

о том, что она отдается даже псам и ослам. Ее распущенность полностью соответствует тому, что об этом пишет Прокопий.

На мгновенье в глазах Метаксаса вспыхнули озорные огоньки. Я без слов понял, что он наверняка разделял ложе с Феодорой.

Позже в этот же день он шепнул мне на ухо:

— Я могу устроить это и для вас. Риска почти никакого. Разве кому-нибудь может даже присниться, что ему удастся переспать с императрицей Византии?

— Риск…

— Какой там риск? У вас при себе ваш таймер! Всегда можно улизнуть в последний момент. Послушай меня, мой мальчик, ты даже себе не представляешь, какие акробатические трюки она в состоянии выделывать. Она может обнять своими пятками твои уши. Она просто пожирает тебя без остатка! Я могу это для тебя устроить. Саму императрицу Византии! Жену Юстиниана!

— Не в этот раз, — выпалил я. — В какой-нибудь другой. Я еще совсем новичок в подобных делах.

— Ты ее боишься.

— Я еще не готов к обладанию императрицей, — застенчиво признался я.

— Все остальные не отказывали себе в подоб-

ном удовольствии.

— Курьеры?

— Да, подавляющее большинство.

— Во время следующей вылазки, — пообещал я. Сама мысль об этом страшила меня. Ее нужно было каким угодно способом выбросить из головы.

Метаксас неправильно меня понял; я был парнем не робкого десятка и не боялся, что меня застукает Юстиниан или чего-нибудь другого в таком же духе, но я просто не мог еще осмелиться вот таким именно образом пересекаться с ходом истории. Для меня фантастикой была пока сама возможность путешествовать вверх по линии. Обладать же таким прославленным в веках чудовищем, каким была Феодора, для меня означало низвести очарование фантастичности происходящего до уровня обыденности. Метаксас откровенно смеялся надо мною, и какое-то время мне даже казалось, что он презирает меня. Но чуть позже он сказал:

— Все верно. Не позволяй мне торопить тебя в подобных вещах. Однако, когда станешь готов к обладанию ею, не упусти своего шанса. Я лично очень ее рекомендую.

26

Мы остались там еще на пару дней, чтобы увидеть самое начало восстания. Вот-вот должны были начаться новогодние состязания, и с каждым днем все более усиливалось противоборство «синих» и «зеленых». Стычки между ними перерастали в полнейшую анархию, никто не мог себя чувствовать в безопасности с наступлением темноты. Обеспокоенный таким положением дел, Юстиниан отдал распоряжение обеим партиям прекратить хищные грабежи и насилия, и арестовать ряд зачинщиков. Семерых из них приговорили к смертной казни: четверых — к обезглавливанию за то, что при них было найдено оружие, троих — к повешению за участие в тайных заговорах.

Метаксас повел нас к месту казни. Одному из «синих» удалось на некоторое время отсрочить исполнение приговора, так как веревка не выдержала тяжести его тела. Стражники императора снова его вздернули, но и на этот раз он не расстался с жизнью на виселице, хотя на его горле и остались ярко багровые следы от веревки. По-

этому на какое-то время его отвели в сторону и начали вешать «зеленого», однако и здесь дважды «напортачили». Они уже вознамерились в третий раз попытаться казнить каждую из своих жертв, когда на них набросилось целое полчище разъяренных монахов. Воспользовавшись суматохой монахи схватили приговоренных и, посадив их в гребную лодку, переправили на другую сторону залива Золотой Рог, чтобы спрятать там в одной из церквей. Метаксас, который уже видел все это прежде, дико хохотал, смакуя всю прелесть происходившего. Мне показалось, что его ухмылявшееся лицо смотрело на меня из тысячи различных мест в толпе, которая собралась, чтобы поглазеть на казнь.

А затем открылся сезон соревнований на ипподроме, и нас туда пропустили как гостей дружественно настроенной по отношению к Метаксасу одной из банд «синих». Компания нам подобралась более чем многочисленная трибуны вмещали около ста тысяч византийцев. Все ряды мраморных сидений были переполнены до отказа, однако для нас место все же нашлось.

Я пробежал взглядом по соседним трибунам, поскольку знал, что был уже здесь вместе с Капистрано во время предыдущей экскурсии

в Византию. Но давка была такая, что мне не удалось себя разглядеть среди зрителей. А вот Метаксасы то и дело попадались мне на глаза.

Блондинка из Принстона разинула от удивления рот, когда мы наконец заняли отведенные нам места.

— Смотрите все туда! — воскликнула она. — Ведь это все из Стамбула!

Внизу, в центральной части арены, стоял целый ряд знакомых нам монументов, обозначая границу между наружной и внутренней дорожками скакового круга. Там была и колонна со змеями, привезенная сюда из Дельф императором Константином, и огромный обелиск Тутмоса Третьего, выкраденный из Египта первым из Феодосиев. Блондинка запомнила их в Стамбуле внизу по линии, где они все еще продолжали стоять, хотя сам ипподром давно уже исчез.

— А где же третий обелиск? — спросила она.

— А третий, — спокойно объяснил ей Метаксас, — еще не возведен. Лучше об этом помалкивать.

Был третий день состязаний — день, ставший роковым. Мрачное настроение охватило арену, на которой возводили на трон императоров и свергали их с трона. Вчера и позавчера, я это слы-

шал собственными ушами, раздавались злобные, непристойные выкрики, стоило только Юстиниану появиться в своей императорской ложе. Толпа вопила о том, чтобы он освободил заключенных в темницы вожаков партий, но он не обратил внимания на эти крики и дал знак продолжать состязания. Сегодня, 13 января, весь Константинополь превратился в огнедышащее жерло вулкана. Времятуристы обожают катастрофы, эта была одной из самых грандиозных. Я знал это. Я уже был ее очевидцем.

Внизу судьи и священники завершали предварительный ритуал. Мимо трибун прошла торжественная процессия императорской стражи с развевающимися знаменами. Те из вожаков «синих» и «зеленых», которые не были арестованы, обменялись формальными холодными приветствиями. Но вот толпа вся пришла в движение — это в императорскую ложу прошел сам Юстиниан, мужчина среднего роста, несколько полноватый, с круглым, багровым лицом. За ним проследовала в ложу императрица Феодора, укутанная в тесно прилегающие к телу, насквозь просвечивающиеся шелка, через которые были видны напомаженные соски грудей. Они светились через ткань, как сигнальные огни.

Едва Юстиниан ступил на ступеньки, ведущие в его ложу, как толпа тотчас же взорвалась криками:

— Освободите их! Отпустите их на свободу!

Он спокойно и торжественно приподнял складки своего пурпурного облачения и благословил собравшихся, трижды изобразив крестное знамение, один раз в сторону центральной трибуны, во второй раз — в сторону трибун, расположенных справа от императорской ложи, в третий раз — слева. Рев толпы нарастал. Он швырнул вниз белый платок — пусть начинаются состязания! Феодора потянулась, зевнула и высоко подтянула полы своего одеяния, любуясь изгибом собственных бедер. Ворота конюшен широко распахнулись. Оттуда выехали первые четыре колесницы.

Это были квадриги — упряжки из четырех лошадей. Собравшиеся на ипподроме начисто позабыли о политике, как только колесницы, колесо в колесо, вступили в единоборство. Метаксас удовлетворенно заметил при этом:

— Феодора побывала в постели с каждым из возниц. Хотелось бы мне узнать, кто из них является ее любимцем.

На лице у императрицы явственно проступала

глубочайшая скука. Когда я впервые, в предыдущую вылазку, очутился здесь, то был немало удивлен, увидев ее в императорской ложе. Я считал, что императриц не пускали на ипподром. И это на самом деле было так, но не для такой женщины, как Феодора, устанавливались какие-либо правила.

Колесницы быстро прошли прямой участок, проехав мимо монументов, обогнули арену и повернули назад. Каждая гонка состояла из семи кругов по арене; на специальной подставке было выставлено семь страусиных яиц, и после прохождения каждого круга с нее снималось по одному из них.

Мы поглядели на две гонки. Затем Метаксас произнес:

— Давайте шунтируемся на один час вперед и станем свидетелями кульминации сегодняшнего дня состязаний.

Только Метаксас мог позволить себе такое грубейшее нарушение всех норм поведения вверху по линии: каждый из нас произвел настройку своего персонального таймера, и мы шунтировались, все вместе и одновременно, вызывающе пренебрегши правилами совершения временных прыжков в общественных местах. Когда мы снова

появились на ипподроме, вот-вот должен был начаться шестой заезд.

— Вот теперь-то и начнутся беспорядки, — с довольным видом объявил нам Метаксас.

Заезд прошел весьма гладко. Однако, когда победитель вышел вперед, чтобы получить причитавшийся ему венок, из группы «синих» раздался дружный рев:

— Да здравствуют «зеленые» и «синие»!

Мгновеньем позже, с трибуны «зеленых», раздался столь же дружный ответ:

— Да здравствуют «синие» и «зеленые»!

— Партии объединяются против Юстиниана, — тихо произнес Метаксас тоном бывалого школьного наставника. Хаос, наступивший на трибунах ипподрома, казалось, совершенно не задевал его.

— Да здравствуют «зеленые» и «синие»!

— Да здравствуют «синие» и «зеленые»!

— Да здравствуют «зеленые» и «синие»!

— Победа!

— Победа!

— Победа!

Только это одно слово, «победа», во всю мощь изрыгали тысячи глоток.

— Ника! Ника! Победа!

Феодора рассмеялась. Юстиниан, нахмурившись, посовещался с командирами своей императорской гвардии. «Зеленые» и «синие» стали торжественным маршем покидать ипподром, за ними по пятам следовала радостно возбужденная, кричащая толпа, готовая крушить все, что окажется на ее пути. Мы отпрянули подальше назад, стараясь сохранять благоразумное расстояние от взбесившейся толпы. В поле моего зрения попало еще множество в равной степени осторожных небольших групп зрителей, и я понял, что среди них не было ни одного византийца.

На улицах города вспыхнули факелы. Яркое пламя поднялось над императорской тюрьмой. Заключенные были выпущены на свободу, заживо горели тюремные смотрители. Личная гвардия Юстиниана, опасаясь вмешиваться, сумрачно взирала на происходящее. Мятежники начали нагромождать вязки хвороста, доски, ветки деревьев прямо напротив ворот Большого Дворца, расположенного на другой стороне площади, к которой примыкал ипподром.

Вскоре огнем был охвачен весь дворец. Горела и Айя-София Феодосия; бородатые священники, размахивая драгоценными иконами, появились на объятой пламенем крыше, а затем один за

другим стали исчезать в огненном аду, бушевавшем ниже. Загорелось и здание сената. Было какое-то мрачное величие в этой оргии всеобщего разрушения. Как только ревущие бунтовщики приближались к нам, мы тотчас же прибегали к услугам своих таймеров и шунтировались вниз по линии, тщательно настраивая их так, чтобы с каждым прыжком удаляться не больше, чем на десять-пятнадцать минут, чтобы не очутиться в самом эпицентре только что возникшего пожара.

— Ника! Ника!

Небо над Константинополем заволокло черным чадящим дымом, все до самого горизонта было объято пламенем. Вытянутое лицо Метаксаса стало грязным от копоти и сажи, глаза возбужденно блестели. Он, казалось, был на грани и мог в любую минуту отколоться от нас и присоединиться к разрушителям.

— Сами пожарные грабят горящие дома, — обратил наше внимание Метаксас. — И смотрите — «синие» поджигают дома «зеленых», а «зеленые» поджигают дома, принадлежащие «синим»!

А тем временем уже начался массовый уход из города: тысячи напуганных горожан устремились к причалам и умоляли лодочников

переправить их на азиатскую сторону. Целые и невредимые, мы смело передвигались внутри этого светопреставления. Мы стали очевидцами того, как рухнули стены прежней Айя-Софии, как пламя поглотило Большой Дворец, наблюдали, как вели себя грабители и поджигатели, видели, как насильники забегали в охваченные пламенем переулки, чтобы заполнить пролетарским семенем чрево какой-нибудь зазевавшейся, дико визжащей, облаченной в шелка аристократки.

Метаксас искусно разворачивал перед нами цельную картину бунта; точность выполнения его графика обеспечивалась многими десятками прошлых посещений. Он знал уже совершенно точно, когда нужно очутиться на месте того или иного достаточно примечательного события.

— Теперь мы шунтируемся вперед на шесть часов и сорок минут, говорил он.

— Теперь прыжок на три часа и восемь минут.

— Теперь прыжок на полтора часа.

— Теперь вперед на два дня.

Мы видели все, что только стоило увидеть. Город еще полыхал пожарами, когда Юстиниан приказал епископам и священникам принести реликвии кусочек креста, на котором был распят Христос, посох Моисея, рог овна Авраама, кости

великомучеников. Перепуганные до смерти священнослужители прошли смелой процессией по улицам превратившегося в одно огромное пожарище города, умоляя, чтобы случилось чудо, но в ответ получали только каскады осколков кирпичей и камней. Один из военачальников вывел сорок стражников на защиту священнослужителей.

— Это знаменитый Велизарий, — сказал нам Метаксас.

Император издавал одно воззвание за другим. В них говорилось о смещении ненавистных чиновников, однако это не останавливало разгул безобразий: грабились храмы, была предана огню императорская библиотека, уничтожены бани Зевксиппа. 18 января Юстиниан осмелел настолько, что собственной персоной появился на ипподроме, призывая к миру. «Зеленые» затюкали его, и ему пришлось спасаться бегством, когда в него полетел град камней. Мы стали очевидцами того, как мятежники на площади Константина провозгласили императором одного из родственников Юстиниана, некоего Гипатия, полнейшее ничтожество; мы видели войска Велизария, промаршировавшие по пепелищу, в которое превратилась столица империи,

на защиту Юстиниана; мы были свидетелями той бойни, которую эти войска учинили над мятежниками.

Мы повидали все. Я теперь понял, почему Метаксас больше всех других домогался и дальше оставаться курьером. Капистрано не жалел своих сил и умения, чтобы показать своим людям наиболее возбуждающие зрелища, но он очень много времени растрачивал зря на ранних стадиях того или иного события. Метаксас же, совершая прыжки с изумительной точностью через дни и часы, разворачивал перед нами катастрофу во всей ее полноте и цельности, пока не привел, наконец, группу к тому утру, когда был восстановлен порядок и потрясенный Юстиниан проезжал верхом среди обуглившихся руин Константинополя. В свете кроваво-багровой зари мы видели, как тучи пепла все еще пляшут высоко в воздухе. Юстиниан внимательно изучал почерневший остов Айя-Софии, а мы изучали Юстиниана.

— Сейчас в его уме, — сказал Метаксас, — зарождается замысел возведения нового собора. Он сделает его грандиознейшим храмом со времен храма Соломона в Иерусалиме. Идемте — мы достаточно насмотрелись разрушений, теперь давайте посмотрим на рождение подлинной

красоты. Вниз по линии, все вниз! На пять лет десять месяцев вниз по линии — и нашему взору предстанет Айя-София!

27

— В свой следующий отпуск, — предложил мне Метаксас, — погости на моей вилле. Я живу там в 1105 году. Это хорошая эпоха в истории Византии.

Правит император Алексей Комнин и правит мудро. У меня для тебя припасена одна крепкая деваха и сколько угодно вина. Придешь?

Я был без ума от этого остролицего коротышки. Наш маршрут подходил к концу, впереди оставалось только покорение Константинополя турками, и тут он открыл передо мною, притом самым потрясающим образом, разницу между вдохновенным курьером и просто очень компетентным.

Только вся жизнь, посвященная одной этой задаче, может привести к таким результатам и обеспечить экскурсантам такого высокого качества демонстрацию событий и нравов прошлых эпох.

Метаксас не просто подводил нас к событиям первостепенной исторической важности. Он показывал нам такое количество событий мень-

шего масштаба, подбрасывая нас на час туда, на два часа сюда, и создавая у нас на глазах столь великолепную мозаику истории Византии, что она затмевала своим блеском знаменитые мозаики Айя-Софии. Там, где другие курьеры делали, ну скажем, от силы дюжину остановок, Метаксас организовывал не менее пятидесяти.

А особенно обожал он всяких придурковатых императоров. Мы слушали речь Михаила Второго Заики и видели фиглярство Михаила Третьего Пьяницы, посетили даже сцену крещения пятого из Константинов, которому выпало несчастье обгадиться в купели, и поэтому всю жизнь его называли Константином Пачкуном.

Метаксас был как дома в Византии в любом году ее тысячелетней истории. Он перемещался из одной эпохи в другую с завидным хладнокровием, непринужденно, уверенно.

Вилла, которую он содержал, была знаком его уверенности в себе, его наглой смелости. Еще никогда никакой другой курьер не отваживался на то, чтобы создать для себя другую индивидуальность вверху по линии, проводя все свое свободное время в качестве жителя прошлого. Метаксас управлялся со своей виллой, основываясь на нынешнем времени; когда ему приходилось

покидать ее на две недели для совершения очередной экскурсии, он тщательно следил за тем, чтобы вернуться точно через две недели. Он никогда не допускал перекрытия временных интервалов своего нахождения в прошлом, никогда не позволял себе отправляться в то время, где он уже бывал; виллой этой положено было пользоваться только одному Метаксасу, и был этим Метаксасом только Метаксас нынешнего времени.

Он приобрел эту виллу десять лет тому назад, в двойное для него нынешнее время: 2049 год внизу по линии, 1095 год Византии. И с той поры он с величайшей точностью поддерживал свой временной отсчет; сейчас в обоих этих местах он стал на десять лет старше. Я пообещал навестить его в 1095 году. Это будет для меня великая честь, сказал я.

Он ухмыльнулся и произнес:

— Я познакомлю тебя также, когда ты там объявишься, со своей «прапра» много раз прабабкой. Она потрясающе в постели. Помнишь, что я тебе говорил насчет того, чтобы переспать с кем-нибудь из своих собственных предков?

Так вот, нет ничего более прекрасного!

О! Я был ошеломлен его признанием.

— И она знает, кем вы являетесь?

— Не пори вздор, — возмутился Метаксас. — Неужели я мог бы себе позволить нарушить первейшее правило Службы Времени? Неужели я стал бы даже намекать кому-нибудь вверху по линии, что я родом из далекого будущего? Я? Даже Фемистоклис Метаксас соблюдает это первейшее правило!

Подобно угрюмому Капистрано, Метаксас, не жалея сил, разыскивал собственных предков. Правда побуждения, которыми он руководствовался при этом, были совсем иного свойства. Капистрано замышлял особо утонченный способ самоубийства, а вот Метаксас был одержим трансгемпоральным кровосмешением.

— Но ведь это очень рискованно, — заметил я.

— Просто принимай своевременно свои таблетки, и ты в полнейшей безопасности, да и она тоже.

— Я имею в виду патруль времени…

— Предусмотри все настолько тщательно, чтобы он не мог этого обнаружить, — сказал Метаксас. — Так что это не так уж рискованно.

— Но ведь случись, что она от вас забеременеет, тогда вы можете стать одним из своих собственных прародителей.

— Небольшая предосторожность, вот и все, — сказал Метаксас.

— Но ведь…

— Не может быть такого, чтобы кто-нибудь от меня забеременел по случайности, мальчик. Разумеется, — добавил он, — когда-нибудь, возможно, мне и захочется отколоть с нею такое умышленно.

Я почувствовал, как ветры времени готовы были разразиться ураганом.

— Да ведь то, что вы говорите, является полнейшей анархией! негодующе воскликнул я.

— Скорее нигилизмом, если выражаться более точно. Послушай, Джад, взгляни-ка на эту книжку. Здесь перечислены все мои прародительницы, их тут сотни, начиная с девятнадцатого столетия и вплоть до десятого. Ни у кого еще во всем в мире нет такой родословной, за исключением каких-нибудь бывших мерзких королей и королев. Но даже они вряд ли могут похвастать такой полнотой.

— А Капистрано? — спросил я.

— Он добрался в прошлом только до четырнадцатого столетия! И к тому же он ненормальный. Тебе известно, для чего ему понадобилось составление генеалогического древа?

— Да.

— Он очень больной человек, разве не так?

— Верно, — ответил я. — Только вот скажите мне, почему это вам так не терпится переспать со всеми своими прародительницами?

— Тебе в самом деле хочется это знать?

— В самом деле.

— Отец мой был неприветливым, вызывающим только ненависть, человеком, — признался Метаксас. — Он избивал своих детей каждое утро перед завтраком — так, чтобы поупражняться. Его отец был таким же нелюдимым и злобным. Он заставлял своих детей жить в самых скотских условиях. В моем роду длинный перечень авторитарно-диктаторского склада ума мужчин-тиранов. Я презираю их всех до единого. Это такая вот у меня форма бунта против отцовского имиджа. Я следую все дальше и дальше в прошлое, соблазняя жен, сестер и дочерей этих мужчин, которых я так ненавижу. Этим я уязвляю их самодовольную чопорность.

— В таком случае, если уж быть действительно последовательным, то начинать следовало бы с собственной матери?

— Я питаю отвращение к своим родителям, — сказал Метаксас.

— Понятно.

— А вот мои прабабки — это да! И все дальше, дальше и дальше! — Глаза его блестели. Для него это была божественная миссия. — Я уже перепахал двадцать-тридцать поколений, и намерен так поступить еще не менее, как с тридцатью! — Метаксас разразился столь характерным для него пронзительным, сатанинским смехом. — Кроме того, — сказал он, — я получаю от этого самое большее в своей жизни удовольствие. Другие обольщают женщин по случаю, когда такая возможность представится. Метаксас совращает систематически!

Это придает смысл и стройность всей моей жизни. Тебя это, кажется, немало заинтересовало?

— Ну…

— Это самое сильное наслаждение из всех, что можно испытать.

Взору моему представилась целая вереница обнаженных женщин, лежащих одна рядом с другой, простирающаяся куда-то в бесконечность. У каждой из них вытянутое лицо и острые скулы Фемистоклиса Метаксаса. А сам Метаксас терпеливо продвигается вверх по линии от одной из этих женщин к другой, на несколько минут задерживаясь возле каждой, чтобы удовлетво-

рить странную свою прихоть, сначала с одной, затем с соседней, затем со следующей за нею и так далее. И в своем не знающем усталости рвении, он настолько далеко продвигается вверх по линии, что раздвигающие перед ним ноги женщин становятся все более и более волосатыми, все меньше и меньше становятся их подбородки — это уже женские особи питекантропа, человека прямоходящего, а прямоходящий Метаксас все дальше уходит к самому началу времен. Браво, Метаксас, браво!

— А почему тебе когда-нибудь не попробовать тоже? — спросил у меня Метаксас.

— Ну…

— Говорят, что ты родом из греков.

— Да, со стороны матери.

— Тогда вероятные твои прародители могут жить прямо здесь, в Константинополе. Ни один уважающий себя грек в эту эпоху даже и не думал жить в самой Греции. Сейчас в этом городе обязательно должна быть одна из обаятельных твоих прародительниц!

— Ну…

— Отыщи ее! — вскричал Метаксас. — Возьми ее! Какое наслаждение!

Какое исступленное наслаждение! Отринь про-

странство и время! Ткни своим пальцем прямо в глаз самому Господу Богу!

— Я не очень-то уверен, что мне так уж этого хочется, — произнес я.

Но здесь я ошибся.

28

Как я уже сказал, Метаксас перевернул всю мою жизнь, круто изменил судьбу. Далеко не все перемены, которые произошли после этого в моей жизни, оказались для меня благом. Но главное, что он сделал — это он вселил в меня уверенность. Он передал мне как частицу присущей ему искры Божьей, так и частицу характерной для него разнузданной наглости. Я научился у Метаксаса высокомерию.

До сих пор я был весьма скромным и не выпячивающим свое "я" молодым человеком, во всяком случае в своих отношениях с людьми старше меня по возрасту. А в том, что касалось моей работы в Службе Времени, я был и вовсе еще не оперившимся и не очень-то энергичным в различных начинаниях.

Частенько мне приходилось серьезно задумываться над тем, что все-таки нужно делать в том или ином конкретном случае; я, несомненно, выглядел в глазах других еще более наивным, чем на самом деле. И все потому, что был я очень молод и мне многому еще предстояло научиться

и многое узнать, не только о себе, что естественно для всякого, но также и о тонкостях работы в Службе Времени. Пока что большей частью мне встречались люди старше меня, более ловкие, хитрые и куда более испорченные, чем я, и я относился к ним со всем почтением, на какое только был способен: Сэм, Дайани, Джеф Монро, Сид Буонокоре, Капистрано. Но теперь со мною был Метаксас, который был старше, изворотливее, хитрее и циничнее, чем все они вместе взятые. Он придал моей жизни такой импульс, что после встречи с ним я перестал метаться на орбитах вокруг других людей и вышел на свою собственную траекторию.

Впоследствии я узнал, что это еще одна из функций Метаксаса в Службе Времени. Он берет юнца-молокососа, новоиспеченного курьера, и наполняет его душу той мерой самодовольства и развязности, которые необходимы, чтобы стать преуспевающим курьером, действующим совершенно самостоятельно.

Когда я вернулся с маршрута, где стажировался у Метаксаса, я уже совершенно не опасался первой своей вылазки в прошлое в качестве единственного курьера, сопровождающего группу. Я был готов справиться с этой новой для себя,

ролью. Метаксас послужил для меня наглядным примером того, какой артистичностью должен обладать курьер, чтобы воссоздать цельную картину прошлого для своих клиентов, и это было как раз тем качеством, о котором я мечтал. Меня больше совсем не волновали ни риск, ни ответственность, которые были с этим неразрывно связаны.

— Когда вы вернетесь из отпуска, — предупредил меня Протопопулос, вы возьмете с собою шестерых в однонедельный маршрут.

— К черту отпуск! Я готов отбыть прямо сейчас!

— Вы готовы, а вот ваши туристы еще нет. И нравится ли вам это или нет, но по закону вам положен отдых между вылазками. Вот и отдыхайте.

Встретимся с вами, Джад, здесь ровно через две недели.

Вот так получился у меня отпуск против собственной воли. Велико было искушение принять приглашение Метаксаса и навестить его виллу в 1105 году, но тут мне пришло в голову, что, возможно, Метаксас по горло пресыщен моей компанией. Какое-то время я обдумывал, не податься ли с какой-либо из экскурсионных групп

к битве при Гастингсе или Ватерлоо, или даже еще дальше — к Распятию — и сосчитать, сколько Дайани там уже находится. Но и эту мысль я выбросил из головы. Теперь, когда я уже был в преддверии самостоятельного маршрута в прошлое, мне совсем не хотелось, чтобы меня вел кто-либо другой. Мне нужно было во что бы то ни стало сохранить в себе ту недавно обретенную уверенность в себе, которой мне раньше так недоставало.

Прослонялся я в Стамбуле нынешнего времени несколько дней, ничего не предпринимая. Большей частью я ошивался в различных помещениях Службы Времени, играл в стохастические шахматы с Колеттисом и Меламедом, которые тоже оказались свободными от работы. На четвертый день я улетел в Афины.

Зачем я туда подался, сам я сообразил только тогда, когда уже был на месте.

29

Я поднялся на акрополь и вот здесь-то понял, в чем заключался смысл моей поездки сюда. Я бродил среди древних развалин, отмахиваясь от назойливых продавцов голографических слайдов и добровольных экскурсоводов, когда прямо передо мною в воздухе возник рекламный шар. Он завис в полутора метрах от меня на уровне глаз, излучая зеленое мерцание, чтобы привлечь мое внимание к бегущим строкам, которые гласили: "Добрый день. Мы надеемся, что вы получаете удовольствие от посещения Афин двадцать первого столетия. Теперь, когда вы наконец увидели эти живописные руины, вы, наверное, не прочь поглядеть на то, каким был Парфенон на самом деле.

Чтобы увидеть Грецию Сократа и Аристофана, обращайтесь в местное отделение Службы Времени на Золотой улице, напротив центрального почтамта".

Через полчаса я уже зарегистрировался в штаб-квартире на Золотой улице, представившись курьером времени в отпуске, и подал заявку на

соответствующее снаряжение для шунтирования вверх по линии.

Хотя и не в Грецию Сократа и Аристофана.

Я направлялся в прозаическую Грецию 1997 года, когда мэром Спарты был избран Константин Пассилидисе.

Константин Пассилидис был отцом моей матери. Вот с него-то я и начал составление своей родословной, поиски, так сказать, собственных корней.

Одетый в официальный, вызывающий раздражение, костюм конца двадцатого века и имея при себе хрустящие, красочные, теперь уже давно вышедшие из употребления бумажные банкноты, я шунтировался на шестьдесят лет назад и первым же скоростным монорельсовым поездом отправился из Афин в Спарту.

Монорельс был еще в новинку в Греции 1997 года, и я очень опасался за безопасность своей драгоценной жизни, ибо на дороге часто, как я когда-то читал, случались аварии. Однако через несколько минут я благополучно добрался до Спарты.

Спарта оказалась потрясающе мерзким городишком.

Современная Спарта, разумеется, совсем не

является прямым продолжением столицы того древнего, насквозь военизированного государства, которое причиняло столько неприятностей Афинам. Та Спарта со временем все больше и больше увядала и в конце концов совершенно исчезла где-то в средневековье. Новая Спарта была основана в начале девятнадцатого столетия на месте прежней, древней. В лучшую пору жизни дедушки Пассилидиса это был город с населением где-то около восьмидесяти тысяч человек, который быстро разрастался после возведения в его окрестностях первой в Греции ядерной электростанции в середине восьмидесятых годов.

Он состоял из нескольких сотен совершенно одинаковых многоквартирных домов из серого кирпича, выстроившихся абсолютно ровными рядами. Каждый из этих домов имел десять этажей, обрамленных лимонного цвета балконами, и вид у них был ничуть не лучше, чем у самой заурядной тюрьмы. На одном краю этого, заполненного жилыми бараками, города располагались сверкающие купола ядерных реакторов; на другом конце были расположены рестораны, банки и муниципальные учреждения. Вид у них всех был просто очаровательный, если можно разглядеть очарование в этом до ужаса унылом месте.

Я сошел с монорельса и прошел в деловую часть города. На улицах нигде даже духу не было каких-либо информационных терминалов — по-моему, здесь еще не была введена в эксплуатацию информационная сеть, — однако мэра Пассилидиса я разыскал без всякого труда. Я остановился в одном из уличных кафе, чтобы слегка перекусить, и спросил, где можно найти мэра Пассилидиса, после чего добрый десяток дружелюбно настроенных спартанцев провели меня к зданию мэрии.

Секретаршей мэра была темноволосая девушка лет примерно двадцати, большегрудая, с темным пушком над верхней губой.

Покачивая своими массивными полусферами прямо перед моим носом, она спросила решительным тоном:

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Мне хотелось бы увидеться с мэром Пассилидисом. Я из одной американской газеты. Мы работаем над статьей о десяти наиболее динамичных общественных деятелях Греции, и нам кажется, что мистер Пассилидис…

Слова эти казались не очень-то убедительными даже мне самому. Вот я и стоял, изучая бусинки пота на белых округлостях верхней части ее гру-

ди, и ждал, когда она прогонит меня подальше отсюда. Но она, ничуть не сомневаясь, поверила моей выдумке и практически тотчас же провела меня в кабинет шефа.

— Я очень рад встретить вас здесь, — на чистейшем английском языке произнес мой дедушка. — Не угодно ли присесть? Виски, мартини, коньяк? Или вы, может быть, предпочитаете…

Я весь замер. Паника охватила меня. Я даже позабыл взять его руку, когда он протянул ее мне для рукопожатия.

Вид Константина Пассилидиса привел меня в состояние полнейшего ужаса.

Я никогда не видел своего родного дедушку. Его застрелил головорез-аболиционист в 2010 году, задолго до того, как я родился, — он был одной из многочисленных жертв того страшного года убийств.

Никогда еще путешествие во времени не казалось мне настолько жутко реальным, как сейчас. Юстиниан в своей императорской ложе был ничто по сравнению с Константином Пассилидисом, принимавшим меня в своем служебном кабинете в Спарте.

Ему было чуть больше тридцати лет, он был вундеркиндом своего времени. У него были тем-

ные курчавые волосы, только-только начавшие седеть у висков, слегка подстриженные усики, кольцо в левом ухе. Что меня особенно привело в волнение, так это наше внешнее сходство. Он вполне мог бы сойти за моего старшего брата.

После первого момента, который, как мне показалось, длился бесконечно долго, я наконец вышел из состояния оцепенения. Несколько смущенный, он еще раз вежливо предложил мне выпить что-нибудь прохладительное, но я отказался, после чего мне каким-то образом удалось преодолеть нерешительность и начать свое интервью.

Мы говорили о его политической карьере и о тех замечательных вещах, которые он запланировал сделать для Спарты и для Греции. Однако как только я начал переводить разговор на личную тему, на взаимоотношения в его семье, он посмотрел на часы и произнес:

— Самая пора перекусить. Не возражаете, если будете моим гостем?

Оказалось, что подошло время средиземноморской сиесты, когда контора закрывается и все расходятся на три часа по домам. Мы прокатились в его маленьком электромобильчике, за штурвалом управления сидел он сам. Жил он

в одном из серых многоквартирных домов, как самый обычный житель Спарты. В его квартире на пятом этаже было четыре скромных комнаты.

— Мне хочется познакомить вас с моею женой, — сказал мэр Пассилидис.

— Катина, это журналист из Америки, Джад Эллиот. Он хочет написать статью о моей карьере.

Я взглянул на свою бабушку.

Моя бабушка глядела на меня.

Мы оба едва не открыли рот от удивления. Мы оба были поражены.

Она была необычайно красива, красива той особой женской красотой, которой славились девушки, изображенные на фресках минойской эпохи истории древнего Крита. У нее была очень смуглая, с оливковым оттенком, кожа, черные волосы, темные глаза. Все ее тело источало крестьянскую силу. Она не выставляла напоказ свою грудь так, как это делала усатая секретарша-модница, но ее невозможно было спрятать под тонкой материей кофты. Грудь у нее была высокая и округлая. Это была пышная женщина в самом соку, в ней всего было в изобилии, все в ней было как будто предназначено для того, чтобы служить высокому призванию продолжения человеческого рода. Как мне показалось, ей было

года двадцать три, от силы двадцать четыре.

Страсть охватила меня с первого же взгляда. Меня сразу же пленили ее красота, ее простота, ее теплота. Стыдно даже признаться в том, что я тогда чувствовал, как страстно мне хотелось сорвать с нее одежды и погрузиться в горячую черноту ее пышных волос.

Это не было свойственным Метаксасу вожделением с целью кровосмешения.

Это было невинным и чисто физиологическим желанием.

Захлестнутый волной радостного томления, я не думал о ней, как о своей собственной бабушке. Я любовался молодой и фантастически желанной женщиной. И только несколькими мгновениями позже до меня дошло на эмоциональном уровне, кем она была для меня, и весь мой пыл сразу же пропал.

Она была бабусей Пассилидис. А бабушку Пассилидис я прекрасно помнил.

Я частенько навещал ее в пансионе для престарелых в окрестностях Лампы. Она скончалась, когда мне было четырнадцать лет, в 2049 году, и, хотя ей тогда было всего лишь за семьдесят, мне она всегда казалась ужасно старой и немощной, высохшей, дряхлой, беспомощной старушкой.

Одевалась она во все черное. Только ее глаза — Боже ты мой! — ее темные, теплые, всегда такие сверкающие глаза еще оставались единственным свидетельством того, что когда-то и она могла быть здоровым и наполненным жизненной энергией человеческим существом.

У бабушки Пассилидис каких только не было болезней — прежде всего по женской части, затем почечные колики и все остальное. Ей было сделано больше десятка пересадок самых различных органов, но ничего не помогало. Я часто слышал в детстве о том, что это несчастная старая женщина!

И вот теперь передо мною та самая бедная, старая женщина, каким-то чудесным образом освобожденная от тягостного бремени прожитых лет. И здесь же я, мысленно уже погруженный в самые заветные места тела. О, какая низкая непочтительность со стороны человека, которому дано путешествовать во времени, какие грязные у него мысли!

Реакция молодой миссис Пассилидис на меня была в равной степени бурной, хотя и начисто лишенной какого-либо вожделения с ее стороны. Для нее секс начинался и кончался в постели с мужем-мэром. Она глядела на меня, и не жела-

ние, а сильное удивление выражал ее взгляд. В конце концов она не выдержала.

— Константин, да ведь он выглядит точь-в-точь как ты! — В самом деле? — удивился мэр Пассилидис. Раньше он как-то не обратил на это внимания.

Его жена затолкала нас обоих в гостиную, где стояло большое зеркало, при этом она все время возбужденно хихикала. Она навалилась на меня всей массой своей огромной и теплой груди, так что я даже начал потеть.

— Смотрите! — вскричала она. — Видите? Вы прямо как родные братья!

— Поразительно, — произнес мэр Пассилидис.

— Невероятное совпадение, — сказал я. — Однако у вас волосы более густые, я чуть повыше, но все же…

— Да! Да! — Мэр захлопал в ладони. — Может быть, мы — родственники?

— Абсолютно исключено, — с напускной важностью произнес я. — Моя семья в Бостоне, из очень старого рода Новой Англии. Но это в самом деле поразительно. Вы уверены в том, что никто из наших предков не мог оказаться на борту «Мэйфлауэра», мистер Пассилидис?

— Разве что грек-повар.

— Сомневаюсь в этом.

— Я тоже. Я чистокровный грек с обеих сторон в течение многих поколений, — поведал он.

— Мне было бы очень интересно побеседовать с вами о вашей родне, если вы не возражаете, — как бы невзначай бросил я. — Например, мне бы хотелось узнать…

В это время из спальни к нам вышла заспанная, совершенно голенькая девчушка лет пяти, самым бесстыдным образом расположилась передо мной и спросила у меня, кто я такой. Какая прелесть, подумал я. Сколько чистоты в таких маленьких голеньких девчушках, пока тело их еще не зрелое…

— Это моя дочь Диана, — с гордостью произнес Пассилидис.

В мозгу моем громом прогремел глас свыше: «И ЗАМКНИ ВЗОР СВОЙ ПЕРЕД НАГОТОЙ СВОЕЙ МАТЕРИ».

Я отвел глаза, задрожал и свое смущение попытался скрыть приступом кашля. Однако перед моим мысленным взором продолжали оставаться невинные прелести детского тельца Дианы. Как будто почувствовав, что я узрел нечто неподобающее в наготе девчушки, Катина Пассилидис поспешно натянула на нее штанишки.

Меня продолжало трясти. Пассилидис, все еще не понимая, что это на меня нашло, откупорил бутылку столового красного вина. Мы сидели на балконе, прямо под лучами яркого полуденного солнца. Какие-то школьники внизу махали руками и выкрикивали приветствия в адрес мэра. Сюда же, на балкон, вышла маленькая Диана, рассчитывая на то, что с нею поиграют, и я взъерошил ее пушистые волосики, прижался носом к кончику ее носа, и как-то странно, очень странно почувствовал себя при этом.

Бабушка моя подала нам весьма плотный ленч, состоявший из вареной говядины под острым соусом. Под такую закуску мы как-то незаметно расправились почти с двумя бутылками вина. Я постарался побыстрее выкачать из мэра все, что касалось политики, и переметнулся к вопросам о его происхождении.

— Ваши родственники всегда жили в Спарте? — спросил я.

— О нет, — ответил он. — Семья моего дедушки переехала сюда около ста лет тому назад с Кипра. Это что касается родни со стороны отца. По материнской же линии я потомственный афинянин.

— Из рода Маркезинисов? — спросил я.

Он как-то подозрительно посмотрел на меня.

— Вот именно! Только вот как это…

— На это я натолкнулся в процессе подготовки статьи о вашей карьере, — поспешил я его успокоить.

Пассилидис больше не возвращался к этому вопросу. Теперь, когда он рассказывал о родне, он становился все более и более многословным — может быть, тому способствовало выпитое вино — и соблаговолил просветить меня насчет подробностей своей родословной.

— Предки моего отца жили на Кипре не меньше тысячи лет, — сообщил он.

— Пассилидисы уже жили там, когда пришли крестоносцы. С другой стороны, предки моей матери переехали в Афины только в девятнадцатом столетии, после нападения турков. До этого они жили в Шкодере.

— Шкодере?

— В Албании. Они поселились там в тринадцатом веке, после того, как крестоносцы взяли штурмом Константинополь. Там они и оставались, пережив господство и сербов, и турков, и восстание Скандербега, всегда помня о своем греческом происхождении, несмотря на все беды, которые на них валились.

У меня заколoло в ушах.

— Вы упомянули Константинополь? Вы в состоянии проследить свою родословную еще дальше?

Пассилидис улыбнулся.

— Вы знакомы с историей Византии?

— Немного, — ответил я.

— Вам, по всей вероятности, известно, что в 1204 году крестоносцы захватили Константинополь и правили там, основав так называемое Латинское Королевство. Византийская аристократия бежала оттуда, на месте империи образовалось несколько, не связанных между собой, территориально независимых греческих государств — одно в Малой Азии. Мои предки предпочли последовать за Михаилом Ангелом Комнином в Албанию, чтобы не подчиниться господству крестоносцев.

— Понятно. — Я теперь снова весь трепетал. — И какая у них была тогда фамилия? Они и в те времена уже были Маркезинисами?

— О нет! Маркезинис — это позднегреческая фамилия. В Византии мы относились к роду Дукасов.

— К роду Дукасов? — У меня едва не отвалилась нижняя челюсть от удивления. Его заявление было равносильно утверждению кого-нибудь из немцев, что в его венах течет кровь Гогенцоллер-

нов. — Дукасов! В самом деле?

Я уже видел великолепные дворцы, принадлежавшие представителям рода Дукасов. Я видел, как преисполненные гордостью Дукасы в золотых облачениях торжественной процессией шагали по улицам Константинополя, празднуя восшествие на престол императора — своего двоюродного брата Константина.

Если Пассилидис был Дукасом, то Дукасом был и я!

— Разумеется, — сказал он, — семья была очень большая, я не сомневаюсь в том, что мы относились к одной из младших ее ветвей. И все же это нечто такое, чем можно гордиться, — принадлежность к такому славному роду.

— Я с вами совершенно согласен. А вы не могли бы назвать имена каких-либо ваших византийских родственников?

Слова мои, наверное, прозвучали так, будто я уже окончательно решил попытаться разыскать их, когда в следующий раз побываю в Византии. Я действительно принял такое решение, но Пассилидис даже помышлять об этом не мог.

Он нахмурился и произнес:

— Вам это нужно для статьи, которую вы пишете?

— Нет, я это спрашиваю из чистого любопытства.

— Я вижу, вы знаете историю Византии куда лучше, чем «немного», как вы сами признались. — Его насторожило, что американскому варвару захотелось узнать имена представителей знатного византийского рода.

— Я вообще люблю историю, — попытался выпутаться я из положения. — В школе у меня всегда были хорошие оценки по этому предмету. — Как это ни печально, но я не в состоянии назвать вам ни одного имени. Они просто не дошли до нас из глубины веков. Но, возможно, когда-нибудь, когда я заброшу политику, я попробую покопаться в старинных летописях…

Моя бабушка подлила еще вина, и я не удержался, чтобы украдкой не бросить еще один быстрый виноватый взгляд на ее полные, раскачивающиеся из стороны в сторону, груди. Моя мать взобралась ко мне на колени и стала издавать негромкие, воркующие звуки. Мой дедушка покачал головой и произнес:

— Просто поразительно — как сильно вы на меня похожи!

Вы не станете возражать, если я вас сфотографирую на память?

Я задумался — нет ли здесь какого-либо нарушения правил, к чему мог бы придраться впоследствии патруль времени. И решил, что это действительно против установленных правил. Но, с другой стороны, я ничего не мог придумать весомого, чтобы отказать хозяину в такой пустяковой просьбе.

Пока я мучительно над этим думал, моя бабушка принесла фотокамеру.

Пассилидис и я стали рядом, и она сделала один снимок для него, а затем еще один — для меня. После этого она извлекла из камеры готовые фотоснимки, и мы стали внимательно их изучать.

— Как братья, — не переставала повторять она, — ну точно, как родные братья!

Я уничтожил свой фотоснимок, едва только покинул квартиру мэра. Но, как мне кажется, где-то среди бумаг моей матери все еще валяется старая, выцветшая одномерная фотография, на которой ее отец, совсем еще молодой мужчина, стоит рядом с другим, более молодым, мужчиной, который, как две капли воды, похож на него и который, как она полагала, был каким-то забытым ее дядей. Скорее всего, эта фотография все еще существует. Но я бы умер от страха, если бы пришлось на нее взглянуть.

30

Дедушка Пассилидис избавил меня от изрядной доли хлопот: от поисков предков на протяжении восьми столетий.

Я совершил прыжок вниз по линии в нынешнее время, произвел некоторые изыскания в афинской штаб-квартире Службы Времени и вскоре был экипирован как византийский аристократ конца двенадцатого столетия — роскошная шелковая туника, черный плащ и белая шляпа без полей. Затем я отправился на север, в Албанию, сойдя с монорельса на станции Гирокастро, расположенной в городке, который в древности был известен как Аргирокастро в провинции Эпир.

В Аргирокастро я шунтировался вверх по линии в 1205 год. Крестьяне Аргирокастро пришли в ужас при одном виде моего, едва ли не императорского, облачения. Я сказал им, что разыскиваю двор Михаила Ангела Комнина, и они показали мне дорогу к нему и еще дали мне осла, чтобы легче было туда добраться. Я разыскал Михаила и остальных византийских изгнанников во время состязаний колесниц, которые были ими

устроены на импровизированном ипподроме у подножия гряды неправильной формы холмов, и незаметно затесался в толпу зрителей.

— Я разыскиваю Дукаса, — сказал я безвредному на вид старику, который подносил зрителям вино.

— Дукаса? А какого из них?

— Разве их здесь много? При мне послание из Константинополя для Дукаса, только вот меня не предупредили, что есть еще Дукасы.

Старик рассмеялся.

— Вот сейчас перед собою я вижу Никифора Дукаса, Иоанна Дукаса, Льва Дукаса, Георгия Дукаса, Никифора Дукаса младшего, Михаила Дукаса, Симеона Дукаса и Димитрия Дукаса. В данный момент я что-то не могу отыскать Евтихия Дукаса, Леонтия Дукаса, Симеона Дукаса высокого, Константина Дукаса и — дайте-ка вспомню — Андроника Дукаса. Кого из этого рода вы изволите разыскивать?

Я поблагодарил его и отправился вниз по линии.

В Аргирокастро шестнадцатого века я стал расспрашивать о семье Маркезинисов. Мое византийское облачение послужило поводом для довольно подозрительных взглядов в мою сторо-

ну, но византийские золотые, что были при мне, позволили получить всю необходимую информацию. Один визант — и мне показали место, где расположено имение Маркезинисов. Еще два византа и меня познакомили со старшим надсмотрщиком виноградника Маркезинисов.

Пять византов — это уж слишком! — И я отщипываю ягоды от гроздей винограда в гостиной Григория Маркезиниса, главы клана.

Это был представительный мужчина средних лет с окладистой седой бородой и жгучими глазами, суровый, но гостеприимный. Пока мы с ним разговаривали, к нам то и дело тихонько подходили его дочери, подливали вина в чаши, приносили еще виноград, холодную баранину, подносы с рисом.

Их было трое, им было, по всей вероятности, тринадцать, пятнадцать и семнадцать лет. Я старался по возможности не поглядывать в их сторону, зная ревнивый нрав предводителей горцев.

Все они были красавицами: оливковая кожа, темные глаза, высокая грудь, полные губы. Они вполне могли бы сойти за сестер моей лучезарной бабушки Катины Пассилидис. Я уверен, точно так же выглядела в девичестве и моя мать Диана.

Очень уж могучими были фамильные гены.

Одна из этих девушек была моею «прапра» много раз прабабушкой. А Григорий Маркезинис был еще на одно «пра» больше моим многократно «пра» дедушкой.

Я представился, как состоятельный молодой киприот византийского происхождения, который путешествует по миру в поисках удовольствий и приключений. Григорий, чей язык был слегка загрязнен албанскими словами, очевидно, раньше никогда не встречался с киприотами, поскольку воспринимал мое произношение как подлинно греческое.

— И где же вам довелось побывать? — поинтересовался он.

— О, — ответил я, — в Сирии и Египте, Ливии и Риме, Париже и Лиссабоне. И еще я присутствовал на коронации Генриха Восьмого в Лондоне, после чего посетил Прагу и Вену. А теперь возвращаюсь снова на Восток, в подвластные туркам места, и решительно настроен, несмотря на весь сопряженный с этим риск, навестить могилы своих предков в Константинополе.

Он поднял бровь при упоминании о предках. Быстро отрезав большой ломоть баранины своим кинжалом, он спросил у меня:

— Ваша семья занимала высокое положение в былые дни?

— Я родом из Дукасов.

— Дукасов?

— Дукасов, — мягко повторил я.

— Я сам тоже из рода Дукасов.

— Неужели?

— Вне всякого сомнения!

— Дукасы в Эпире? Как такое могло приключиться? — вскричал я.

— Мы прибыли сюда вместе с Комнинами, после того, как латинские свиньи овладели Константинополем.

— Ого!

— Вне всякого сомнения!

Он потребовал еще вина, самого лучшего в доме. Когда появились его дочери, он вскочил, пританцовывая, и начал кричать:

— Родственник! Родственник! Незнакомец оказался родственником!

Поприветствуйте его надлежащим образом!

Я оказался в тесном окружении дочерей Маркезиниса, они едва не задавили меня своими упругими девичьими грудями и плотными благоухающими телами. Я же целомудренно обнял их, как и подобало давно позабытому дальнему

родственнику.

Над кружками тягучего, очень старого вина мы стали обсуждать свою родословную. Я сделал первый шаг, выхватив наугад одного из Дукасов, — Федора, — и сообщил, что он спасся бегством на Кипр после разгрома Константинополя в 1204 году и стал основателем нашей ветви. Маркезинис никоим образом не мог опровергнуть данное утверждение и поэтому принял его на веру. Я развернул перед ним длинный перечень представителей нашей ветви рода Дукасов, заполнивших родословную между мною и этим легендарным Федором, прибегая к широко распространенным византийским именам. Когда я закончил свой рассказ, то сразу же спросил:

— А вы, Григорий?

Пользуясь своим ножом для того, чтобы нацарапать на поверхности стола причудливые изгибы генеалогического ствола в наиболее трудных местах, Маркезинис проследил свое происхождение вплоть до Николая Маркезиниса, жившего в конце четырнадцатого столетия и женившегося на старшей дочери Мануила Дукаса из Аргирокастро, добавив, что у этого Дукаса были только дочери и поэтому данная ветвь Дукасов на нем и оборвалась. От Мануила Маркезинис стал нето-

ропливо прослеживать род Дукасов до самого изгнания их из Византии в результате Четвертого Крестового Похода. Того Дукаса, от которого он вел свое происхождение и который бежал в Албанию, звали как он сказал, Симеоном.

При упоминании этого имени все мои гены прямо-таки взбунтовались в отчаяньи.

— Симеоном? — переспросил я. — Вы имеете в виду Симеона Дукаса высокого или того, другого?

— Разве их было два? Откуда вам это известно?

С раскрасневшимися щеками я пустился в импровизацию.

— Я должен вам признаться, я ревниво изучаю родословную всего нашего рода Дукасов. В эти места за Комнинами последовали два Симеона Дукаса, Симеон высокий и еще один, скорее всего, ростом пониже.

— Мне лично об этом ничего неизвестно, — сказал Маркезинис. — Мне еще в детстве поведали, что предка моего звали Симеоном, а отцом его был Никифор, чей дворец стоял невдалеке от церкви Святой Феодосии на берегу залива Золотой Рог. Венецианцы сожгли дворец Никифора, когда овладели городом в 1204 году. А отцом Никифора… — тут он задумался, тряхнул нере-

шительно головой и произнес печально. — Я не помню имени отца Никифора. Да, я позабыл имя отца Никифора. Звали его Львом? Михаилом?

Василием? Забыл. Слишком сильно, по-видимому, ударило мне в голову вино.

— Ну, это не имеет такого уж большого значения, — поспешил успокоить его я. С родословной, прослеженной до самого Константинополя, я уже не предвидел особых трудностей на своем пути.

— Роман? Иоанн? Исаак? Так и крутится у меня в голове, но и без него в моей голове так много имен… так много имен…

Все еще бормоча себе под нос различные имена, он прямо за столом и уснул.

Одна из его темноглазых дочерей провела меня в отведенную для меня спальню. Теперь можно было шунтироваться, ведь я разузнал все, ради чего сюда прибыл. Но мне показалось верхом непочтительности исчезнуть, словно воришка, и поэтому я предпочел провести эту ночь под крышей своего многократно «прапра» дедушки. Я разделся, задул свечу и лег на кровать.

Я еще не успел заснуть, как под одеялом у меня оказалось теплое податливое девичье тело.

Ее груди полностью помещались в моих ладонях, а от ее тела исходило сладкое благоуханье. Я

не мог разглядеть ее, но посчитал, что это, должно быть, одна из трех дочерей Маркезиниса, которая пришла ко мне, чтобы показать, насколько гостеприимна ее семья.

Ладонь моя скользнула ниже вдоль ее гладкого округлого живота и когда я достиг места, где соединялись ее бедра, она раскрылась для меня, и я обнаружил, что она готова принять мою любовь.

Однако я был весьма разочарован при мысли о том, что дочери Маркезиниса столь свободно отдаются первому встречному незнакомцу — даже если этот благородный незнакомец утверждает, что он приходится им дальним родственником. Ведь как-никак, но это же мои предки! Неужели мое происхождение было подпорчено именем какого-то случайного странника?

Эта мысль логически привела к более тревожным раздумьям, суть которых заключалась в том, что если эта девушка в самом деле моя много раз прабабка, то чем это я занимаюсь с нею в постели? К черту мысли о том, что она спит с незнакомцами, — лучше бы подумать о том, следует ли ей спать с одним из своих потомков? Когда подстрекаемый Метаксасом, я пустился на поиски своих предков, у меня даже и мысли не было о том, чтобы согрешить с кем-либо из своих

прародителей — и тем не менее, именно этим я и собирался заняться.

Острое чувство вины охватило меня, и я настолько разнервничался, что это мгновенно привело к мужскому бессилию.

Однако девушка, делившая со мною постель, оказалась весьма искушенной в сфере любовных ласк и, применив старый, но безотказно действующий византийский фокус, быстро восстановила мои утраченные способности.

Единственное, чем мне оставалось успокаивать свою совесть, это тем, что девушка была моей много раз «пра» теткой, а не столько же раз прабабкой, и что в этом случае совершенный мною грех кровосмешения куда менее тяжел. А если уж говорить о кровном родстве между мною и этой теткой из шестнадцатого столетия, то с течением времени оно должно было полностью раствориться в его потоке.

После таких мыслей совесть моя совсем успокоилась, и мы вместе с девушкой одновременно пришли к завершению того, ради чего она и забралась ко мне под одеяло. Затем она поднялась и вышла из комнаты, и когда проходила мимо окна, серебристые лучи луны осветили ее белое тело, длинные светлые волосы, и тут только до

меня дошло то, что мне следовало знать заранее: что девушки из рода Маркезинисов не приходят, как эскимосские девки, спать к гостям, но что кто-то позаботился прислать мне девчонку-рабыню для моего услаждения. Совесть моя совсем успокоилась, ибо я не допустил греха даже самого ничтожного кровосмешения, и я тут же заснул крепким-крепким сном.

Утром после завтрака, состоявшего из холодной баранины с рисом, Григорий Маркезинис спросил у меня:

— До меня дошел слух о том, что испанцы открыли целый новый мир по ту сторону океана. Как вы думаете, это правда?

А год был тогда 1556 после Рождества Христова.

— Правда в этом нет ни малейших сомнений, — ответил ему я. — Я видел доказательства этому в Испании, при дворе короля Карла. Это мир, изобилующий золотом, нефритами, пряностями и краснокожими людьми…

— Краснокожими людьми? О нет, кузен Дукас, нет, нет, уж этому я никак не поверю! — Маркезинис аж расхохотался в восторге и позвал своих дочерей.

— В этом новом свете испанцев у людей крас-

ный цвет кожи! Так утверждает наш кузен Дукас!

— Ну, на самом-то деле, цвета меди, — промямлил я, но Маркезинис вряд ли это услышал.

— Краснокожие! Краснокожие! И без голов, но с глазами и ртом на груди! И с одной-единственной ногой, которую поднимают у себя над головой в полдень, чтобы прикрыться от солнца! Ха-ха! О, какой замечательный этот новый свет! Кузен, ну и потешили вы старика!

Я сказал ему, что рад был доставить ему такое удовольствие, поблагодарил его за оказанное мне щедрое гостеприимство, целомудренно обнял каждую из его дочерей и уже приготовился было уходить. И вот тут-то мне неожиданно пришло в голову, что если родовым именем моих предков было Маркезинис с четырнадцатого столетия, аж до двенадцатого, то ни одна из этих девушек никак не может быть моей прародительницей. И поэтому были совершенно бессмысленными мои поросячьи угрызения совести, разве только они позволили мне определить, до каких пределов может дойти собственная моя распущенность.

— А сыновья у вас есть? — спросил я у своего хозяина.

— О да, — ответил он, — целых шестеро!

— Пусть разрастается и процветает род ваш! — сказал я и покинул дом Маркезиниса.

Проехав на спине осла с добрый десяток километров по сельской местности, я привязал его к оливковому дереву и шунтировался вниз по линии.

31

В конце своего отпуска я доложил о своей готовности и впервые отправился в прошлое в качестве курьера времени самостоятельно.

По однонедельному маршруту я повел шестерых туристов. Они не знали, что это первая моя самостоятельная экскурсия. Протопопулос не считал нужным сообщать им об этом, и я с ним согласился. Но сам вовсе не ощущал, что мне впервые поручена группа. Я был переполнен метаксаскими самонадеянностью и развязностью. Искры Божьи так и вылетали из меня. Я ничего уже не боялся, кроме самого страха.

На предварительной встрече я рассказал своим шестерым подопечным о тех правилах, которые обязаны соблюдать путешественники во времени, прибегнув к самым решительным, не признающим каких-либо пререканий, выражениям. Я припугнул их, рассказав о смертельной опасности, исходящей от патруля времени в случае изменения прошлого — то ли нечаянного, то ли умышленного. Я объяснил, как им следует себя вести, чтобы держаться подальше от греха. Затем

я вручил им таймеры и сам проверил правильность первой их самостоятельной настройки.

— А теперь мы отправляемся, — объявил я, — вверх по линии!

С искрой Божией! С самонадеянной развязностью, граничащей с разнузданностью! Джад Эллиот, курьер времени, первое соло! Вверх по линии!

— Мы прибыли, — начал я, — в год 1659 перед нынешним, более известный как 400 год после Рождества Христова. Я выбрал его в качестве типичного для ранневизантийской эпохи. Правит сейчас император Аркадий. Вы помните Стамбул нынешнего времени, помните, что стоит там и собор святой Софии, и мечеть султана Ахмеда. Так вот, султан Ахмед и его мечеть, естественно, отстоят от нас на добрую дюжину веков в будущем, а церковь позади нас и есть первоначальная Айя-София, построенная сорок лет тому назад, когда город был еще очень молод. Четырьмя годами позже она сгорит во время восстания, вызванного изгнанием епископа Иоанна Златоуста императором Аркадием после того, как тот подверг критике жену Аркадия Евдокию. Давайте зайдем внутрь церкви. Вы убедитесь, что стены ее из камня, но крыша деревянная…

В моей группе были: строительный подрядчик из Огайо, его жена, их робкая дочь и ее муж плюс совсем высохший сицилиец со своей колченогой временной супругой — типовой набор процветающих обывателей. Они ни черта не смыслили в архитектуре, но я дал им возможность вволю полюбоваться церковью, после чего строем провел их по улицам Константинополя времен императора Аркадия, дабы они пропитались атмосферой, в которой будут развиваться дальнейшие события. После двухчасовой прогулки мы шунтировались вниз по линии поглядеть на крещение младенца Феодосия в 408 году, что для меня уже стало вполне привычной церемонией.

Краешком глаза я приметил самого себя на другой стороне улицы, стоящего рядом с Капистрано, но воздержался от того, чтобы помахать ему рукой. Другое мое воплощение, казалось, меня и вовсе не заметило. Мне очень захотелось узнать, не нынешний ли я стою там с Капистрано. Меня прямо-таки угнетала путаница, связанная с парадоксом кумуляции. Наконец я выбросил эти мысли из головы.

— Перед вами развалины старой Айя-Софии, — сказал я. — Она будет отстроена под покровительством этого младенца, будущего Феодосия

Второго и открыта для богослужений 10 октября 445 года…

Мы шунтировались вниз по линии в 445 год и посмотрели на церемонию освящения.

Имеются две школы подхода к тому, как правильнее проводить экскурсии во времени. Метод Капистрано заключается в том, чтобы привести туристов на четыре-пять наиболее интересных мест за неделю, предоставив им возможность как можно больше времени провести в тавернах, на постоялых дворах, ничем не примечательных переулках и рынках, перемещаясь при этом настолько неторопливо, чтобы туристы могли глубоко проникнуться специфическим духом каждой эпохи. Метод же Метаксаса предполагает складывание тщательно продуманной мозаики важнейших событий в те же самые переломные моменты истории, но дополненных тремя-четырьмя десятками событий меньшего масштаба, для чего требуется частое шунтирование.

Я испытал оба эти метода на себе во время своей стажировки, и мне больше по душе был метод Метаксаса. Человеку, серьезно изучающему Византию, нужна глубина, а не широта охвата событий, но публика, с которой приходится иметь дело нам, курьерам времени, вовсе не

стремится к серьезному изучению. Лучше развернуть перед нею пышное зрелище Византии и без передышки гонять ее из одной эпохи в другую, показывая мятежи и коронации, состязания колесниц, возведение и низвержение монументов и императоров.

Вот так я и вел своих подопечных из одного времени в другое, подражая своему идолу Метаксасу. Я дал им возможность целый день провести в ранней Византии, как это сделал бы и Капистрано, но разделил это пребывание на шесть эпизодов. Свой первый рабочий день я завершил в 537 году, в городе, который возвел Юстиниан на пепелище уничтоженного во время мятежей «синих» и «зеленых».

— Мы прибыли в 27 декабря, — сказал я. — Сегодня Юстиниан торжественно откроет новый собор святой Софии. Вы сами видите, насколько крупнее стал собор по сравнению со стоявшей на его месте первоначальной церковью. Поистине грандиозное здание, одно из чудес света. Юстиниан потратил на него средства, эквивалентные многим сотням миллионов долларов.

— И именно этот собор сохранился до сих пор в Стамбуле? — спросил с сомнением в голосе зять строительного подрядчика.

— В основном, да. За исключением того, что здесь вы не увидите никаких минаретов — их прилепили к собору мусульмане, разумеется, после того, как превратили его в мечеть, — и готических контрфорсов, которые пока еще просто не построены. Да и огромный купол здесь не тот, который вам так знаком. Этот несколько более плоский и широкий, чем тот, что перекрывает собор теперь. Оказалось, что архитектор не учел силы подземных толчков, которые здесь время от времени случаются, и половина купола обрушилась в 558 году после того, как своды его были ослаблены землетрясениями. Это вы увидите завтра. Смотрите, сюда приближается Юстиниан.

Чуть раньше в этот же день я показал им доведенного до отчаянья Юстиниана 532 года, пытающегося подавить восстание Ника. Тот император, который появился теперь, на колеснице, запряженной четверкой огромных размеров вороных, выглядел куда старше, чем должен был бы постареть за эти пять лет. У него было значительно расплывшееся и побагровевшее лицо, однако теперь он был неизмеримо более уверенным в себе, представлял из себя колоритную фигуру истинного самодержца. Да и не мог он быть другим после того, как отразил чудовищный вызов

своей власти — восстание 532 года, и возвел за эти годы город, прекраснее которого трудно себе представить.

По обе стороны от приближавшейся колесницы выстроились сенаторы и знать. Мы постарались отодвинуться подальше, затесавшись среди простонародья. Облаченные в драгоценные одеянья, императора перед входом в собор дожидались многочисленные священники, дьяконы, протодьяконы, монахи и монахини. К небесам возносились древние священные песнопения. В величественных, поражающих своими размерами и отделкой дверях собора, появился сам патриарх Менос. Юстиниан сошел с колесницы на землю; патриарх и император рука об руку вошли в здание. Вслед за ними туда же прошли высокие государственные сановники.

— Согласно летописи десятого столетия, — объяснял я, — императора прямо-таки распирало от охвативших его чувств, когда он вошел в эту новую Айя-Софию. Поспешив к самому центру собора, перекрытому величественным куполом, он, воздев руки к небу, воскликнул: «Слава Богу, который дал мне возможность закончить эту постройку. Я превзошел тебя, о Соломон!» Служба Времени посчитала, что посетителям этой эпохи

интересно собственными ушами услышать знаменитые слова и поэтому несколько лет назад мы поместили микрофоны рядом с алтарем. Я запустил руку под свои одежды. — Я принес с собой радиоприемное устройство, благодаря которому вы сможете услышать те слова, которые произнес Юстиниан, выйдя на середину собора. Слушайте.

Я включил громкоговоритель. В это же самое мгновение большое количество других курьеров, затесавшихся в толпах народа, проделали то же самое. Наступит время, когда нас наберется в этот момент столько, что голос Юстиниана, усиленный тысячами миниатюрных громкоговорителей, величественно прогромыхает по всему городу.

Из громкоговорителя у меня в руке раздались звуки шагов.

— Император идет вдоль прохода, — пояснил я. Шаги внезапно оборвались. И мы услышали слова Юстиниана — самое первое, что он воскликнул, войдя в этот прославленный в веках шедевр архитектуры.

Надсадным от охватившей его ярости голосом, император взревел:

— Поглядите-ка наверх, солениты вы разнесчастные! Ну-ка разыщите мне тотчас же того

скотоложца, который оставил висеть на куполе эти леса! Хочу видеть его отрезанные яичники еще до того, как начнется молебен! — после чего он чихнул изо всей силы, невольно подчеркнув тем самым всю глубину своего императорского гнева.

Я же сказал, обращаясь к своим шестерым туристам, вот что:

— Путешествия во времени заставили нас пересмотреть большинство наших прославленных анекдотов на исторические темы в свете новых свидетельств.

32

В эту ночь, как только туристы мои уснули, я тотчас же улизнул от них, чтобы провести кое-какие поиски чисто личного характера.

Это было тяжелым нарушением правил. Положено было, чтобы курьер все время оставался вместе со своими клиентами — на тот случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Ведь клиенты пока что еще не умеют правильно пользоваться своими таймерами, поэтому только курьер может быстро вызволить их из беды, если таковая случится.

Несмотря на это, я совершил прыжок на шесть веков вниз по линии, пока мои туристы спали, и навестил эпоху, в которой преуспевал мой предок Никифор Дукас. Что потребовало от меня немалой дерзости, если принять во внимание, что это была первая моя вылазка соло. Но фактически я едва ли серьезно рисковал.

Безопаснее всего осуществлять такие побочные вылазки, как это объяснил мне Метаксас, следя за тщательной настройкой своего таймера, выполняя ее так, чтобы время максимального

отсутствия в своей туристской группе не превышало одной минуты. Я отбывал 27 декабря 537 года в 23 часа 45 минут. У меня была возможность отправиться вверх или вниз по линии из этой отправной точки и провести в любой эпохе часы, дни, недели и даже месяцы. Когда же я улажу свои личные дела, все, что мне нужно будет сделать, это произвести такую настройку таймера, чтобы он вернул меня снова в 27 декабря 537 года, в 23 часа 46 минут. С точки зрения моих, сладко похрапывающих туристов, я исчезну всего лишь на шестьдесят секунд.

Разумеется, совсем неуместным будет возвратиться в 23 часа 44 минуты, то есть за минуту до того, как я покину эту эпоху. Тогда в одной и той же комнате нас будет двое, что приведет к возникновению парадокса удвоения, являющегося частным случаем кумулятивного парадокса. Это грозит по меньшей мере выговором, если об этом пронюхает патруль времени. Таким образом, точный расчет времени совершенно необходим в таких случаях.

Другой проблемой является трудность, связанная с точностью попадания в то же самое место в пространстве при совершении шунтирования. Постоялый двор, где остановилась на ночлег моя

группа в 537 году, почти со стопроцентной вероятностью не будет существовать в 1175 году, куда я сейчас намеревался отправиться. Я не мог себе позволить слепо шунтироваться непосредственно из комнаты, чтобы не материализоваться в каком-нибудь совсем для меня неподходящем месте, например, внутри подземной темницы, построенной впоследствии.

Единственный безопасный способ заключался в том, чтобы выйти на улицу и шунтироваться оттуда. В этом случае, однако, отлучка из помещения, где размещаются туристы, может продолжаться более шестидесяти секунд, так как потребуется дополнительное время для того, чтобы спуститься вниз, найти безопасное и тихое место, с которого можно было бы шунтироваться, и так далее. И если как раз в этот момент нагрянет патруль времени, производящий обычную рутинную проверку, и обнаружит вас на улице, то после того, как вам нечего будет ответить на простой вопрос, почему вы не находитесь сейчас со своими клиентами, вас ждут серьезные неприятности.

Тем не менее, я шунтировался вниз по линии, и на этот раз мне все сошло с рук.

Я не бывал в 1175 году прежде. Это был, по всей

вероятности, последний по-настоящему неплохой год в истории Византии.

Мне сразу же показалось, что все в Константинополе свидетельствует нависшей над ним бедой. Даже тучи в небе выглядели крайне зловеще. В самом воздухе города ощущался характерный привкус надвигающихся на него бедствий.

Все это, разумеется, было чисто субъективным вздором. Возможность свободно перемещаться во времени искажает правильность восприятий и определенным образом окрашивает в тот или иной цвет наши представления. Я знал, что ждет этих людей впереди; им же самим будущее было неведомо.

Византия 1175 года была дерзкой и самонадеянной, с оптимизмом смотрела вперед. Все эти дурные предзнаменования были всего лишь плодом моего собственного воображения.

На троне в это время восседал Мануил Первый Комнин, человек в общем-то неплохой, жаль, что его продолжительная блистательная карьера была близка к завершению. Совсем скоро и на его голову падут многочисленные несчастья. Императоры из династии Комниных практически все двенадцатое столетие провели, ожесточенно сражаясь с турками за господство в Малой Азии,

которую те захватили столетием ранее. Я знал, что всего лишь через один год вниз по линии, в 1176 году, случится так, что Мануил потеряет все свои азиатские владения за один-единственный день в результате битвы при Мириоцефалоне. Именно после этого начнется быстрый упадок Византии. Но Мануил ничего об этом еще не знал. Никто здесь не знал об этом. Кроме меня.

Я направился прямо к заливу Золотой Рог. В эту эпоху наиболее важное значение стала приобретать верхняя часть города; центр всех событий переместился из района Айя-Софии, ипподрома и Августеума в квартал Блачерны, в самые северные районы города — туда, где под прямым углом встречались окружавшие его стены. Сюда по какой-то неясной для меня причине император Алексей Первый перенес местоположение своего двора в конце одиннадцатого столетия, покинув многократно и беспорядочно перестроенный старый Большой Дворец. Теперь здесь правил во всем блеске своего великолепия его внук Мануил, и здесь же возвели свои новые дворцы другие крупные феодальные кланы, все они были расположены вдоль побережья Золотого Рога.

Одно из самых прекрасных мраморных зданий принадлежало Никифору Дукасу, моему очень

дальнему, много раз прадеду.

Почти половину утра я провел, бродя в окрестностях дворца, упиваясь его великолепием. К полудню ворота дворца отворились, и я увидел, как Никифор, величавый мужчина с длинной, витиевато заплетенной черной бородой, в изысканном, богато украшенном золотом одеянии, собственной персоной выезжает на колеснице на свою предобеденную прогулку. На груди у него висела цепь с массивным золотым крестом, инкрустированным огромными самоцветами, множество золотых колец блестело на его пальцах. Чтобы поглазеть на то, как покидает свой роскошный дворец благородный Никифор, собралась немалая толпа зевак.

Медленно проезжая по набережной, он грациозными, точно выверенными движениями разбрасывал в толпе монеты. Мне удалось поймать одну потертый, изрядно прохудившийся византа Алексея Первого, потрескавшийся и надпиленный по краям. Курс валюты сильно понизился за время правления династии Комниных. И все же нужно было обладать немалым богатством, чтобы иметь возможность швырять золотые монеты, пусть даже и потерявшие несколько свою первоначальную стоимость, в

толпу никчемных зевак.

Я сохранил этот потертый, засаленный визант. Я считаю его наследством, полученным от своего византийского пращура.

Колесница Никифора исчезла в направлении императорского дворца.

Стоявший рядом со мною грязный старик тяжело вздохнул, перекрестился много раз и пробормотал:

— Да благословит Спаситель благословенного Никифора! Какой это замечательный человек!

Нос у старика был отрезан до самого основания. Не было у него и левой руки. Доброжелательные византийцы этой поздней в истории их империи эпохи, калечили провинившихся за многие даже довольно незначительные преступления. И все же это было большим шагом вперед: кодекс Юстиниана в таких случаях назначал смертную казнь. Лучше потерять глаз, язык или нос, чем жизнь.

— Двадцать лет я провел на службе у Никифора Дукаса! — продолжал старик. — Это были лучшие годы моей жизни.

— Почему же вы оставили службу? — спросил я.

Он поднял обрубок своей руки.

— Меня поймали, когда я крал книги. Я был

писарем, и мне очень хотелось оставить у себя некоторые из книг, которые я переписывал. У Никифора их было так много! Он даже не обратил бы внимания на недостачу пяти или шести книг! Но меня поймали, и я потерял не только руку, но и свою работу десять лет тому назад.

— И свой нос тоже?

— В одну памятную лютую зиму шесть лет тому назад я украл бочонок с рыбой. Вор из меня совсем никудышный — меня всегда подлавливали.

— Как же вам удается прожить?

Он улыбнулся.

— Спасибо общественной благотворительности. И еще прошу подаяние. Не найдется ли у вас лишний серебряник для несчастного старика?

Я проверил монеты, что были при мне. К несчастью, все мое серебро было очень ранним, относилось к пятому-шестому столетиям и давно уже вышло из употребления; попробуй старик расплатиться такой монетой за что-нибудь, его сразу же арестуют по обвинению в ограблении какого-нибудь знатного нумизмата, после чего он, по всей вероятности, потеряет и вторую свою руку. Поэтому я вдавил в его ладонь прекрасный золотой визант начала одиннадцатого века. Он удивленно поднял на меня взор.

— Я ваш, благородный господин! — вскричал он. — Я всецело в вашем распоряжении!

— Тогда пойдем в ближайшую таверну, и там ты ответишь мне на несколько вопросов, — сказал я.

— С радостью! С радостью!

Я купил вина и стал вытягивать из него родословную Дукаса. Для меня было почти невыносимо смотреть на его изуродованное лицо, и пока мы разговаривали, я старался не поднимать глаз выше уровня его плеча; но он, очевидно, привык к этому. Он располагал всеми сведениями, которые были мне необходимы, ибо у Дукасов в круг его обязанностей входило копирование семейных записей.

Никифор, сказал он, которому было сорок пять лет, родился в 1130 году. Женой Никифора была Зоя Катакалон, и у них было семеро детей:

Симеон, Иоанн, Лев, Василий, Елена, Феодосия и Зоя. Никифор был старшим сыном Никетаса Дукаса, родившегося в 1106 году; женой Никетаса была урожденная Ирина Церуларіус, на которой он женился в 1129 году. У Никетаса и Ирины было еще пятеро детей: Михаил, Исаак, Иоанн, Роман и Анна. Отцом Никетаса был Лев Дукас, родившийся в 1070 году. Лев женился на

урожденной Пульхерии Ботаниатис в 1100 году, и среди их детей, кроме Никетаса, были Симеон, Иоанн, Александр…

Перечисление дат и имен продолжалось все дальше и дальше, через многие поколения византийцев, живших в десятом веке, девятом, восьмом.

Имена становились все более незнакомыми, в записях начали появляться пробелы, здесь старик хмурился и просил у меня извинения за столь скудные сведения. Несколько раз я пытался остановить его, но это было совершенно невозможно, пока он наконец не залепетал о некоем Тиберии Дукасе седьмого столетия, чье существование, как сказал старик, вызывает весьма обоснованные сомнения.

— Это, как вы сами понимаете, родословная только Никифора Дукаса, сказал он.

— Императорская же семья представляет совсем иную ветвь, которую я могу для вас проследить через Комнинов к императору Константину Десятому и его предкам, которые…

Эти Дукасы не представляли для меня ни малейшего интереса, хотя в некотором смысле и были дальними моими родственниками. Кроме того, если бы мне так уж захотелось узнать

родословную императорской ветви Дукасов, достаточно было обратиться к Гиббону. Меня же интересовала только моя собственная, чуть-чуть менее благородная ветвь этого рода — побочный отросток императорского ствола. Благодаря этому изуродованному переписчику мне можно было уже не беспокоиться о нескольких поколениях Дукасов, живших в Византии на протяжении трех столетий, вплоть до самого Никифора. И я уже знал оставшуюся часть родословной, от сына Никифора Симеона, бежавшего в Албанию, до дальнего симеонового много раз правнука Мануила Дукаса из Аргирокастро, чья старшая дочь вышла замуж за Николая Маркезиниса, а через род Маркезинисов — до того самого года, когда девушка из рода Маркезинисов вышла замуж за одного из сыновей Пассилидиса и произвела на свет моего достойного всяческого уважения дедушку Константина, чья дочь Диана вышла замуж за Джадсона Эллиота второго и произвела на свет мою собственную бесценную персону.

— За твои труды, — сказал я и отдал грязному переписчику еще один золотой, после чего бегом пустился вон из таверны, пока он все еще продолжал, пораженный моей щедростью, издавать в мой адрес самые нижайшие благодарения.

Теперь Метаксас может гордиться мною и даже чуток позавидовать: ведь за совсем ничтожный промежуток времени мне удалось привести в порядок гораздо более высокое генеалогическое древо, чем его собственное. Его родословная простиралась вверх по линии до десятого столетия, моя (пусть и с некоторыми пробелами) — до седьмого. Разумеется, он располагает подробнейшим перечнем, состоящим из сотен имен его предков, тогда как мне известны в деталях только несколько десятков, но ведь он начинал составление своей родословной на много лет раньше, чем я.

Я произвел тщательную настройку своего таймера и шунтировался назад, в 27 декабря 537 года. На улице было темно и тихо. Я поспешил в постоялый двор. Меньше трех минут прошло со времени моего исчезновения отсюда, хотя внизу по линии я провел восемь часов в 1175 году. Туристы мои крепко спали. Все шло прекрасно.

Я был доволен собою. При свете свечи я набросал детали родословной Дукасов на клочке старого пергамента. Что делать мне теперь с этим своим генеалогическим древом, я не имел ни малейшего представления. Я не разыскивал кого-либо из своих пращуров, чтобы расправиться с ним, подобно Капистрано, и не собирался

соблазнять кого-либо из своих прародительниц, подобно Метаксасу. Мне просто хотелось слегка поторжествовать, установив со всей определенностью тот факт, что моими предками были знаменитые Дукасы.

33

Не думаю, что я мог быть ровнею с Метаксасом в качестве курьера, но я развернул перед своей группой довольно полную картину византийской истории. Я проделал чертовски неплохую работу, особенно, если учесть, что это было моим первым соло.

Мы прошлись по всем первостепенным событиям византийской истории и даже по некоторым не столь существенным. Я показал им крещение Константина Пачкуна, уничтожение икон при Льве Третьем, нашествие болгар в 813 году, деревья из позолоченной бронзы в зале чудес, устроенном Теофилом, оргии Михаила Пьяницы, прибытие участников Первого Крестового Похода в 1096 и 1097 годах; необузданную алчность крестоносцев во время четвертого похода, ставшую для города роковой; изгнание латинян из Константинополя византийцами в 1261 году, коронацию Михаила Восьмого — короче все, что было достойно внимания зевак.

Моим подопечным все это очень понравилось. Как и большинство времятуристов, они любили

мятежи, восстания, всевозможные бунты, осады, массовые побоища, нашествия чужеземцев и пожары.

— Когда же вы покажете нам разгром, учиненный турками? — не переставал досаждать мне подрядчик из Огайо. — Мне так не терпится поглядеть на то, как все это разорили турки!

— Мы уже близки к этому, — успокоил его я.

Сначала я дал им возможность увидеть закат Византии во время правления династии Палеологов.

— Большая часть территории империи ныне безвозвратно потеряна для некогда могущественных владык Константинополя, — сказал я, когда мы опустились вниз по линии до 1275 года. — Соответственно сузились масштабы мышления и строительства византийцев. Вот небольшая церковь святой Марии Монголки, построенная в честь незаконной дочери Михаила Восьмого, которая некоторое время была замужем за монгольским ханом. Ощущаете, в чем заключается ее особая прелесть? В максимальной непритязательности!

Мы отправились еще дальше, в 1330 год, чтобы полюбоваться церковью Спасителя в Хоре. Туристы уже видели ее далеко внизу по линии

под турецким названием Карее Камни. Теперь они получили возможность увидеть, какою она была до того, как стала мечетью, со всеми ее потрясающими мозаиками, еще нетронутыми и совершенно новыми.

— Взгляните-ка сюда, — предложил я. — Вот здесь изображена Мария, которая вышла замуж за монгола. Она осталась на том же месте, что и внизу по линии. А здесь изображен Христос, в детстве творящий чудеса. Эти шедевры не дошли до нашего нынешнего времени, и только здесь вы можете полюбоваться ими.

Старичок-сицилиец сголографировал всю церковь. В ладони у него была миниатюрная камера, что не возбраняется Службой Времени, поскольку вверху по линии вряд ли кто даже заметит ее, не говоря уже о том, чтобы догадаться, для чего она служит. Его колченогая временная спутница жизни, хоть и вперевалку, но старалась не отставать от других и только охала и ахала при виде всего, что привлекало внимание ее временного мужа. Семейка из Огайо продолжала откровенно скучать, но я уже привык к этому, и не обращал на них особого внимания. Те культурные ценности, которые я едва ли не насильно в них «впихивал», им давно уже стояли поперек горла.

— Когда же мы в конце-то концов увидим турок? — спрашивали у меня неугомонные уроженцы Огайо.

В своем движении вниз по линии мы не забыли перескочить через черную смерть в 1347 и 1348 годах.

— Я просто не имею права доставить вас в эти годы, — отразил я протесты со стороны моих подопечных. — Если вам так уж хочется посмотреть на любую из великих эпидемий, то для этого необходимо записаться на специальный так называемый «чумной» маршрут.

На что зять господина из Огайо недовольно пробурчал:

— Нам сделаны все необходимые прививки.

— Зато остаются без всякой медицинской защиты пять миллиардов людей внизу по линии, живущие в нынешнем времени, — объяснил я ему. — Вы можете подхватить здесь какую-нибудь инфекцию и занести ее вместе с собою в нынешнее время, дав тем самым первоначальный импульс для вспышки эпидемии в глобальном масштабе. И тогда нам придется отредактировать всю эту вашу экскурсию в прошлое, чтобы предотвратить такое несчастье. Вам ведь этого совсем не хочется, не так ли?

Семейка из Огайо разочарованно вздыхала.

— Послушайте, я бы доставил вас туда, если бы мог, — убеждал я их. — Но я не имею права этого делать. Таков закон. Категорически запрещено перемещаться в чумные годы кому бы то ни было, не получив особого на то разрешения. Мне лично такого разрешения никто не давал.

Я повел их дальше вниз по линии, в 1385 год и показал, как мало-помалу увядает Константинополь, как тает его население в пределах величественных городских стен, как исчезают целые районы, рушатся церкви.

Как разоряются турками прилегающие к городу местности. Я поднял свою группу на одну из стен города и показал им всадников из войска турецкого султана, которые осмелели настолько, что стали появляться в непосредственной близости от города. Мой приятель из Огайо помахал им кулаком.

— Негодяи! Варвары! — кричал он. — Мерзавцы! Как вас только земля носит!

Наше продвижение вниз по линии продолжалось. В 1398 году я показал своим туристам Анадолу Хизари — крепость, сооруженную султаном Баязедом на азиатском берегу Босфора. Тайком мы передавали друг другу маленький

полевой бинокль. Появились два пожилых византийских священника и заметили наши действия прежде, чем я успел отобрать бинокль у туристов и припрятать у себя. Им захотелось узнать, через что это мы смотрим на противоположную сторону пролива.

— Это улучшает остроту зрения, — сказал я, и мы поспешили убраться восвояси.

Летом 1422 года мы стали свидетелями того, как войска султана Мурада Второго принялись штурмовать стены города. Около двадцати тысяч турок сожгли все окружающие Константинополь деревни, разорили сельскохозяйственные угодья, вырезали жителей. Они повырывали с корнем все кусты винограда и оливковые деревья, а теперь мы уже видели, как они пытаются ворваться в город. Они подтянули к самым стенам тяжелые осадные машины, привели в действие многочисленные тараны и гигантские катапульты тяжелую артиллерию той эпохи. Чтобы доставить своим подопечным максимум удовольствия, я подвел их вплотную к боевым сооружениям защитников города.

Чтобы это было возможным, я прибег к стандартному приему: замаскировал своих туристов под паломников. Паломники могут ходить где

угодно, даже на передовой линии обороны. Я раздал им кресты и иконы, показал, какие набожные позы они должны принимать, и, повелев им нараспев произносить молитвы, смело повел их вперед. Разумеется, было абсолютно безнадежным делом заставить их исполнять подлинные византийские духовные гимны, поэтому я предложил им выговаривать речитативом все, что только взбредет в голову, лишь бы оно звучало торжественно и благочестиво.

Семейка из Огайо исполняла раз за разом «Звездами усыпанное знамя», а старичок сицилиец и его подруга распевали арии из опер Верди и Пуччини.

Защитники Византии то и дело останавливали свои оборонительные работы, чтобы поприветствовать нас взмахами рук. Мы сами в ответ помахивали им руками и осенили их крестным знамением.

— А нас могут здесь убить? — поинтересовался зять.

— Совершенно исключено. Во всяком случае, не навсегда. Если даже кто-то из нас падет жертвой случайной стрелы, то я вызову патруль времени, и всех нас вытащат отсюда за пять минут до этого прискорбного события.

Такой ответ немало ошарашил зятя.

Византийцы сражались, не щадя сил, чтобы отогнать турок. Они поливали их греческим огнем и кипящей смолой, срезали начисто каждую голову, поднявшуюся над краем стены, латали бреши, которые проделывали в стенах осадные машины. Тем не менее, было совершенно ясно, что городу не продержаться до наступления темноты. Уже начало смеркаться.

— Смотрите внимательно, — сказал я.

В нескольких местах в цепях осаждавших вспыхнули яркие языки пламени.

Турки жгли свои собственные осадные машины и волокли некоторые из них назад.

— Почему? — задали мне вопрос. — Ведь достаточно было еще одного часа, чтобы полностью овладеть городом.

— Византийские историки впоследствии напишут, что случилось чудо. В темно-лиловой мантии явилась Дева Мария, вся лучезарная и ослепительная, и двигалась вдоль стен. Турки в ужасе бежали от стен Константинополя.

— Что такое? — возмутился зять. — Не видел я никакого чуда! И никакой Девы Марии!

— Может быть, — в растерянности предложила его жена, — нам стоило бы вернуться на полчаса

назад и посмотреть еще раз?

Я объяснил, что в действительности никакой Девы Марии на зубчатой стене никто не видел. А на самом деле к султану Мураду прибыли гонцы с известием о восстании против него в Малой Азии, и, опасаясь того, что он может быть отрезан или даже осажден в Константинополе, если ему удастся его взять, султан тотчас же прекратил проведение операций по захвату города, чтобы сначала разгромить повстанцев на востоке.

Мои земляки из Огайо были явно разочарованы. Мне показалось, что им в самом деле вдруг захотелось увидеть Деву Марию.

— А ведь мы видели ее на этом маршруте в прошлом году, — пробормотал недовольным тоном зять.

— То было совсем другое дело, — сказала его жена. — То была совершенно реальная Дева Мария, а не чудо.

Я снова произвел регулировку таймеров, и мы шунтировались вниз по линии. 1453 год, 5 апреля, раннее утро. Рассвет мы встречали за крепостными стенами Византии.

— Город теперь полностью окружен со всех сторон, — сказал я. — Султан Мехмед Завоеватель возвел крепость Румели Хизари вдоль всего евро-

пейского берега Босфора. Турки приближаются. Смотрите, слушайте.

Взошло солнце. Мы выглянули из-за стены. Оглушительные крики все нарастали.

— По ту сторону Золотого Рога палатки турков — их там двести тысяч. В Босфор введено четыреста девяносто три турецких корабля. Защитников Византии — восемь тысяч, у них всего пятнадцать кораблей. Из христианской Европы не пришла помощь христианской Византии, за исключением семисот генуэзских солдат под командованием Джованни Джустиниани. — Я чуть ли не по буквам произнес имя последнего защитника Византии, в котором чувствовались звучные отголоски прошлого, вызывающие определенные ассоциации: «Джустиниани — Юстиниан». Однако никто не обратил на это внимания. — Византия брошена на растерзание волкам, — продолжал я. — Слышите рев турков?

Поперек Золотого Рога был натянут знаменитый византийский цепной барьер и закреплен на каждом из его берегов — огромные закругленные бревна, соединенные стальными крючьями, предназначенные для того, чтобы загородить гавань от захватчиков. Этот барьер не смог послужить препятствием для штурма в 1204 году.

Теперь он был намного мощнее.

Мы перепрыгнули в 9 апреля и увидели, как турки все ближе подкрадываются к стенам. Затем мы передвинулись еще чуть дальше вниз по линии, в 12 апреля, и могли наблюдать, как в бой вступило огромное турецкое орудие, поистине царь-пушка. Ее построил для турков перебежчик-христианин из Венгрии по имени Урбан. К городу ее тащили сто пар быков; ее ствол был почти метр в поперечнике и метал гранитные глыбы весом в семьсот килограммов. Мы увидели пламя, изрыгнувшееся из жерла орудия, клуб дыма, а затем из него показался медленно двигавшийся чудовищной, величины каменный шар, который вскоре с потрясшей все вокруг силой ударился о стену, взбив высокий столб пыли. Удар этот эхом отозвался по всему городу. Нам заложило уши.

— Из царь-пушки можно было стрелять всего лишь семь раз в день, сказал я.

— Очень много времени отнимало ее заряжение.

Мы шунтировались еще на неделю вперед. Захватчики со всех сторон облепили гигантскую пушку, подготавливая ее к стрельбе. Затем кто-то поднес горящий факел к запальнику. Ствол пушки не выдержал и, объятый пламенем,

оглушительно взорвался. Огромные осколки его далеко разлетелись во все стороны, выкашивая целые шеренги турков. Повсюду лежали груды мертвых тел. Византийцы встретили эту неудачу осаждавших дружным радостным криком.

— Среди погибших, — заметил я, — есть и Урбан Венгр. Однако вскоре турки соорудят новое орудие.

В этот вечер турки бросились штурмовать стены, и мы, распевая «Америка прекрасная» и арии из «Отелло», наблюдали за тем, как храбрые солдаты Джованни Джустиниани сдерживали их натиск. Над головами у нас свистели стрелы; несколько византийцев вели огонь из грубых, еще очень не точных ружей.

Я с таким блеском подал эти последние сцены осады Константинополя, что сам рыдал от восхищения собственной виртуозностью. Я показал своим подопечным морские сражения, рукопашные схватки на стенах, траурные молебны в Айя-Софии. Я раскрыл перед ними военную хитрость турков, которые перетащили свои корабли по суше из Босфора в Золотой Рог при помощи деревянных настилов, смазанных салом, ибо никаким другим путем они не могли проникнуть в гавань, вход в которую был прегражден знамени-

тыми цепями; не стал скрывать от них тот ужас, который охватил византийцев, когда рассвет 23 апреля открыл их взору семьдесят два турецких корабля, ставших на якоре внутри гавани, а затем еще показал, сколь доблестно сражались с этими кораблями генуэзцы.

Все в том же быстром темпе, не давая своим туристам передышки, я перебрасывал их в следующие дни осады. Мы видели, как редели ряды защитников. На наших глазах росла стойкость защищавшихся и падала решимость нападавших.

Ночью 28 мая мы прошли внутрь Айя-Софии, чтобы посетить последнее христианское богослужение, совершавшееся в этом соборе. Казалось, весь город собрался под его гигантскими сводами: император Константин Одиннадцатый и его двор, нищие и грабители, купцы и сводники, католики из Генуи и Венеции, солдаты и матросы, аристократы и священнослужители, а также немалое количество переодетых посетителей из будущего, которых, по всей вероятности, было даже больше, чем собравшихся здесь византийцев. Мы вслушивались в колокольный перезвон и грустное «С нами Господь» и падали на колени, оплакивая вместе со многими, даже очень многими путешественниками во времени печальную

участь Византии; когда служба закончилась, стали одна за другой гаснуть свечи, и наступивший мрак окутал мозаики и фрески собора.

А затем наступило 29 мая, и нашим взорам представился последний акт этой, ставшей для нас такой близкой, трагедии.

В два часа ночи турки яростно атаковали ворота святого Романа.

Джустиниани был ранен; сражение было поистине ужасным, мне приходилось держать своих людей как можно дальше от него. Ритмично скандируемое «Аллах! Аллах!» нарастало до тех пор, пока не наполнило всю вселенную, после чего возникла паника в рядах защищавшихся, и они бежали с поля боя, а турки ворвались в город.

— Все кончено, — сказал я. — Император Константин погиб в сражении.

Тысячи жителей бегут из города; тысячи пытаются найти убежище за забаррикадированными дверьми Айя-Софии. Вот теперь и смотрите на разграбление города и резню его жителей!

Мы совершали прыжки теперь уже в каком-то поистине диком темпе, исчезали и снова появлялись, стараясь главным образом не попадаться под копыта всадников радостным галопом проносившихся по городским улицам.

По-видимому, мы ошарашили немалое число турков, но во всей этой неистовой кутерьме чудесное исчезновение нескольких паломников вряд ли могло кого-либо особенно взволновать. Кульминацией же всего нашего маршрута было 30 мая, когда мы смотрели на триумфальный въезд султана Мехмеда в Византию в сопровождении всех своих визирей, пашей и янычаров.

— Он останавливается перед самой Айя-Софией, — шептал я. — Набирает горсть почвы, сыплет ее на свой тюрбан. Это его жест покаяния перед Аллахом, пославшим ему столь блистательную победу. Теперь он проходит внутрь собора. Нам опасно следовать за ним туда. Внутри он обнаруживает какого-то турка, который разбивает на куски мозаичный пол, изображения на котором он считает нечестивыми. Султан ударит этого человека и запретит ему наносить какой-либо ущерб собору, после чего пройдет к алтарю и, взобравшись на него, произведет свой традиционный «Салим». Айя-София становится теперь Ай-Суфией, мечетью. Византия перестала существовать.

Конец. Теперь мы возвращаемся вниз по линии.

Вконец ошеломленные тем, что они повидали,

мои шестеро туристов позволили мне отрегулировать их таймеры. Я вывел последнюю трель своим свистком, и мы благополучно вернулись вниз по линии в родной 2059 год.

Впоследствии, уже находясь в конторе Службы Времени, ко мне подошел подрядчик из Огайо. Его большой палец торчал так вульгарно, как это позволяют себе люди маловоспитанные, когда они предлагают чаевые.

— Сынок, — сказал он, — я только одно хочу тебе сказать: ты чертовски хорошо проделал свою работу! Идем со мной и позволь мне приложить вот этот мой большой палец к твоей кредитной карточке и выразить этим скромным подношением свою высокую оценку твоего труда. Идет?

— Прошу прощения, — сказал я, — но нам запрещено брать чаевые.

— Да плюнь ты на этот вздор, сынок. Предположим, ты просто не обратил на это внимания, а я всего-навсего вот этим своим большим пальцем присовокупил немного денег к твоему счету, годится? Ну, скажем, ты даже ничего об этом и не знал.

— Я, разумеется, не в состоянии предотвратить перемещение средств, о которых мне ничего неизвестно, — согласился я.

— Вот и прекрасно. Черт побери, когда эти турки взяли приступом город, какое это все-таки было зрелище! Какое зрелище!

Получив через месяц очередное финансовое извещение, я обнаружил, что мой кредит пополнился после прикосновения его большого пальца на целую тысячу. Я ничего не сообщил своему начальству, полагая, что я честно заработал эти деньги, независимо от того, разрешается это или нет.

34

Я решил, что вполне заработал право провести свой отпуск на вилле Метаксаса в 1105 году. Уже не дармоед, не слюнявый подмастерье, я был теперь полноправным членом славного братства курьеров времени. И одним из лучших знатоков своего дела, так мне, во всяком случае, тогда казалось.

Мне не нужно было опасаться холодного приема в резиденции Метаксаса.

Сверившись с информационным табло, я обнаружил, что Метаксас, как и я сам, только что завершил свой маршрут. Это означало, что теперь он на своей вилле. Я понабрал себе побольше новенькой, с иголочки, византийской одежды, реквизировал кошелек, полный золотых византов, и стал готовиться к прыжку в 1105 год.

И тут я вспомнил о парадоксе разрыва времени.

Я не знал, в какой момент 1105 года мне следовало там появиться.

Кроме того, мне должен быть известен нынешневременной базис Метаксаса вверху по линии. В

нынешнем времени для меня сейчас был ноябрь 2059 года.

Метаксас только что совершил прыжок вверх по линии в 1105 год, дата в котором соответствовала бы для него ноябрю 2059 года. Предположим, что эта дата где-то в пределах июля 1105 года. Если бы, не зная этого, я шунтировался в более раннее время, ну скажем, в март 1105 года, Метаксас, которого я бы там встретил, был бы вообще незнаком со мною. Я бы оказался чем-то вроде непрошенного гостя на чужом пиру. Если бы я шунтировался в, скажем, июнь 1105 года, я еще был бы неискушенным в трансвременных перемещениях юнцом, только-только прошедшим стажировку у Метаксаса. А вот если бы я совершил прыжок, скажем, в октябрь 1106 года, я бы повстречался с Метаксасом, который на три месяца опережал бы меня с точки зрения базиса нынешнего времени и который, следовательно, знал бы подробности моего собственного будущего. Это привело бы к возникновению парадокса разрыва времени в противоположном направлении, а я вовсе не рвался к тому, чтобы на собственной шкуре испытать, чем это для меня обернется. Слишком уж опасно и даже немного страшновато повстречаться с кем-нибудь, кто

уже прожил промежуток времени, который тебе еще только предстоит прожить.

Такое не доставило бы ни малейшего удовольствия никому, состоящему на работе в Службе Времени.

Я нуждался в помощи.

Поэтому я отправился к Протопопулосу и честно во всем признался.

— Метаксас пригласил меня навестить его во время его отпуска, но я понятия не имею, в каком именно временном отрезке в прошлом он сейчас находится.

Это мое заявление насторожило Протопопулоса.

— А почему вы считаете, что это известно мне? — произнес он. — Он мне в этом не исповедуется.

— Я подумал, что он, может быть, оставил у вас какое-нибудь уведомление о своем нынешневременном базисе.

— О чем это вы, черт побери, толкуете?

Неужели я совершил какую-то ужасную ошибку, вдруг подумалось мне.

Закусив удила, я доверительно ему подмигнул и произнес:

— Уж вы-то точно знаете, где сейчас находится

Метаксас. И, наверное, знаете также и когда. Не валяйте дурака, Прото. Выкладывайте. Я в курсе дела. Вам не нужно вилять в разговоре со мной.

Он прошел в соседнюю комнату и посовещался с Пластирасом и Гершелем.

Они должны были поручиться за меня. Вернувшись, Протопопулос шепнул мне на ухо: — 17 августа 1105 года. Передайте от меня привет.

Я поблагодарил его и занялся своими делами.

Метаксас жил в пригороде, снаружи стен, окружавших Константинополь.

Земля там была очень дешевой в начале двенадцатого столетия вследствие таких событий, возмутивших спокойствие империи, как грабительский набег варваров-печенегов в 1090 году и прибытие беснующихся орд крестоносцев шестью годами позже. В обоих этих случаях сильно пострадали поселенцы в окрестностях столицы. Стало распродаваться большое количество прекрасных имений. Свое Метаксас приобрел в 1095 году, когда землевладельцы все еще не оправились после разорения, которое они претерпели от рук печенегов, но уже испытывали тревогу в связи со слухами о новых вторжениях захватчиков.

У него было одно несомненное преимущество перед продавцами: он уже произвел тщательную

проверку событий внизу по линии и знал, насколько стабильной будет обстановка в грядущие годы, во время правления Алексея Первого Комнина. Он знал, что сельской местности, в которой расположена была его вилла, ничто особенно не угрожает на протяжении всего двенадцатого столетия.

Я пересек Босфор, очутившись в старой части Стамбула, и на такси проехал к развалинам городской стены и еще дальше, примерно на пять километров. Естественно, в нынешнее время это была никакая не сельская местность и не пригород, а серое расползающееся продолжение современного города.

Когда по моим прикидкам я был на надлежащем удалении, я дотронулся до контрольной панели большим пальцем, рассчитавшись тем самым за проезд, и отпустил такси. Затем расположился на тротуаре, готовясь к прыжку в прошлое. Несколько мальчишек обратили внимание на мое византийское одеяние и подошли поближе поглазеть на меня, догадываясь о том, что я, должно быть, намерен отправиться в прошлое. Они весело окликали меня по-турецки, возможно даже упрашивая меня взять кого-либо из них с собою.

Один из этих чумазых ангелочков сказал, как мне показалось, на ломаном французском языке:

— Надеюсь, вам там отрубят голову.

Детишки всегда такие непосредственные, не правда ли? И такие очаровательно враждебно настроенные — в любую эпоху.

Я отрегулировал свой таймер, сделал непристойный жест в сторону своего доброжелателя и ушел вверх по линии.

Серые здания исчезли. Ноябрьская блеклость сменилась ярким августовским солнцем. Воздух, которым тотчас же наполнились мои легкие, был свежим и ароматным. Я стоял рядом с мощеной булыжниками дорогой, которая пролегала между зеленеющими лугами. Раздалось цоканье копыт двух лошадей, которыми была запряжена скромная колесница. Вскоре она остановилась рядом со мной.

Ко мне наклонился тощий молодой мужчина в простой крестьянской одежде и произнес:

— Сударь, господин Метаксас послал меня доставить вас к нему.

— Но ведь… он же не ожидает…

Я быстро прикусил язык, чтобы не сболтнуть что-нибудь неуместное в данной обстановке. Очевидно, Метаксас ожидал меня. Неужели каким-то

странным образом я все-таки зацепил парадокс разрыва времени?

Пожав недоуменно плечами, я взобрался на колесницу.

Мы поехали в западном направлении, и мой возница стал то и дело кивать в сторону виноградников, тянувшихся на многие сотни метров слева от дороги, и посадки фиговых деревьев справа.

— Все это, — с гордостью произнес он, — принадлежит Метаксасу. Вы когда-нибудь бывали здесь раньше?

— Нет, никогда не был, — признался я.

— Великий это человек, мой хозяин. Он друг всех бедняков и противник богачей. Все его очень уважают. Прошлым месяцем у него побывал сам император Алексей.

Мне стало как-то не по себе, когда я услышал такое. Само по себе было достаточно плохо, что Метаксас состряпал для себя вымышленное обличье в десяти столетиях вверх по линии от нынешнего времени, а уж как отреагирует патруль времени на дружбу, которую он заводит с императорами — это даже трудно было себе представить. Он, вне всякого сомнения, дает им различные советы, то есть изменяет будущее сво-

им предвидением грядущих событий и навечно закрепляет себя в исторической матрице этой эпохи в качестве мудрого советчика верховного правителя! Ну разве мог бы кто-нибудь соперничать с ним в такой разнузданной наглости?

Фиговые деревья и виноградники сменились пшеничными полями.

— Это тоже принадлежит Метаксасу, — сказал мне возница.

Еще сегодня утром мне представлялся Метаксас, живущий на какой-нибудь уютной небольшой вилле с участком земли в гектар-два, с маленьким садом перед домом и огородом позади него. Я даже вообразить не мог, что он заделается таким крупным землевладельцем.

Мы проехали мимо жующего травку скота, мимо мельницы, приводимой в движение волами, мимо пруда, в котором, несомненно, было в изобилии всякой рыбы, затем выехали на ответвлявшийся от главной дороги участок подъездной дороги, окаймленный с обеих сторон двойным рядом кипарисов, и вскоре моему взору предстал Метаксас в таком роскошном облачении, что могло сложиться впечатление, будто он собрался встречать самого императора.

— Джад! — вскричал он, и мы обнялись. — Друг

мой! Брат мой! Джад, мне рассказывали, как ты провел свой первый маршрут соло! Великолепно! Твои туристы, наверное, не переставали тебя расхваливать на все лады?

— Кто это сказал вам?

— Колеттис и Паппас. Они тоже здесь. Заходи, заходи скорее! Вина моему гостю! Новую одежду для него! Заходи, Джад, заходи!

35

Вилла Метаксаса была построена по классическому канону, с обязательными для него атриумом и перестилем, с огромным внутренним двором, с обрамленными колоннами переходами, с мозаичными полами, с фресками на стенах, с огромным сводчатым приемным покоем и с бассейном во дворе, с библиотекой, полной рукописных свитков, с трапезной, где за круглым, обитым золотом столом из слоновой кости, могло запросто разместиться до сорока гостей, со специальным залом для статуй и барельефов и мраморной ванной. Рабы Метаксаса поспешили провести меня к ванне, а сам он крикнул мне, что увидится со мной чуть позже.

Мне был оказан царский прием.

В ванной мне прислуживали три темноволосые молодые рабыни-персианки, как сообщил мне позже Метаксас. Вся их одежда состояла только из набедренных повязок, и в мгновенье ока я остался в чем мать родила, ибо, хихикая и раскачивая грудями, они содрали с меня всю одежду, и стали намыливать и тереть меня мочалками,

пока я весь разве что не засветился.

Паровая баня, горячая баня, холодная баня — всем порам моего тела была задана полная нагрузка. Когда я вышел из ванны, они удалили с моей кожи и откачали из моего организма всю лишнюю влагу, после чего одели на меня настолько изысканную тунику, что я и не подозревал о существовании подобной одежды. Затем они исчезли в каком-то подземном переходе дерзко просемафорив своими голыми ягодицами на прощанье. Появился дворецкий средних лет и провел меня в атриум, где сидел Метаксас с кубками для вина.

— Понравилось? — спросил он.

— Так можно себя чувствовать только в мечтах.

— Именно так оно и есть. А мечтателем являюсь я. Ты обратил внимание на угодья? Пшеницу, оливковые деревья, скот, виноградники? Это все — мое собственное. Мое поместье, которое обрабатывают арендаторы. Каждый год я прикупаю еще земли из доходов, что получил в предыдущем году.

— Невероятно, — сказал я. — И что самое невероятное, так это то, что вам это все сходит с рук.

— Я честно заработал эту свою неуязвимость, —

без тени смущения произнес Метаксас. — Патруль времени знает о том, что меня никак нельзя подвергнуть гонениям.

— Они догадываются о том, кем вы здесь являетесь?

— Как мне кажется, да, — сказал он. — Но предпочитают оставить меня в покое. Я предпринимаю всевозможные меры предосторожности, чтобы не внести даже ничтожнейших изменений в фактуру исторической ткани. Ведь я не злодей. Я просто потворствую своим слабостям.

— Но ведь вы изменяете всю историю уже самим фактом своего пребывания здесь! В реальном 1105 году все эти земли должны были принадлежать какому-нибудь иному землевладельцу.

— Вот это и есть самый реальный 1105 год.

— Я имею в виду первоначальный, который был до того, как здесь стали появляться посетители, прибегнувшие к использованию эффекта Бенчли. Ваше имя теперь имеется в списках землевладельцев, — Боже мой! — даже возница колесницы называет вас Метаксасом! Неужели вы и здесь пользуетесь этим именем?

— Фемистоклис Метаксас. А почему бы и нет? Это славное греческое имя.

— Это так, но… Послушайте, ведь оно должно

оказаться занесенным в уйму документов, ну хотя бы в списки налогоплательщиков и так далее! Вы, безусловно, изменили содержание дошедших до нас византийских архивов, вставив свое имя повсюду, где раньше его никак не могло быть.

— Это не представляет собой какой-либо опасности, — сказал Метаксас.

— Пока я не отнимаю у кого-нибудь здесь жизнь или не создаю новую, до тех пор я не могу стать причиной какого-либо изменения, которое в состоянии серьезным образом повлиять на первоначальный ход исторических событий, и поэтому все прекрасно. Видишь ли, произвести по-настоящему серьезное изменение в потоке времени — задача довольно трудно выполнимая. Для этого нужно совершить что-нибудь крупное, например, убить монарха. Пребывая же здесь просто так, я вношу только весьма ничтожные изменения, но они нивелируются за те десять веков, что отделяют их от нашего времени, и по сути никак не отражаются на событиях, происходящих внизу по линии. Понял?

Я пожал плечами.

— Тогда скажите мне хотя бы вот что. Откуда вы прознали о моем скором прибытии?

Метаксас рассмеялся.

— Я заглянул на два дня вниз по линии и увидел здесь тебя. Поэтому я перепроверил точное время твоего появления и позаботился о том, чтобы тебя повстречал Николай. Это избавило тебя от необходимости отмахать пешком не один километр, верно?

— Разумеется. Я просто никак не мог привыкнуть мыслить в системе, состоящей из четырех координат. Мне давно уже следовало бы догадаться, что Метаксас выработал привычку «отслеживать» свое будущее здесь для того, чтобы ни в коем случае не стать случайной жертвой какого-нибудь неприятного сюрприза в этой, временами весьма непредсказуемой, эпохе.

— Проходи, — произнес Метаксас. — Присоединяйся к другим.

Они возлежали на низких широких диванах у бассейна в центре внутреннего двора, пережевывая крохотные кусочки жареного мяса, которые девушки-рабыни в просвечивающихся свободных одеждах клали им прямо в рот.

Здесь были двое моих коллег по курьерской службе — Колеттис и Паппас, они оба тоже проводили здесь свой отпуск. Паппас со своими отвисающими вниз усами умудрялся выглядеть весьма печальным даже тогда, когда щипал

упругие ягодицы персианок, зато пухленький и шумливый Колеттис был явно в ударе, он громко пел и часто смеялся. Третьим из гостей был незнакомый мне мужчина, который наблюдал за играми рыбок в бассейне. Он был в одеждах, характерных для двенадцатого столетия, лицо у него было такое, которое мгновенно можно было определить как современное в двадцать первом веке.

Так мне во всяком случае показалось. И я оказался прав.

— Это ученый-администратор Пауль Шпеер, — сказал мне Метаксас по-английски. — Навестивший нас научный работник. Познакомьтесь с курьером времени Джадом Эллиотом, доктор Шпеер.

Наши ладони встретились в чисто формальном жесте. Шпееру было около пятидесяти лет, это был высохший, бледный, невысокий мужчина с угловатым лицом и живыми, нервными глазами.

— Очень приятно, — произнес он.

— А это, — продолжал Метаксас, — Евдокия.

Я, разумеется, заметил ее, едва нога моя ступила в этот внутренний двор. Это была стройная, золотоволосая девушка с чистой светлой кожей,

но темными глазами. Лет ей было девятнадцать-двадцать. На ней было много всевозможных драгоценностей, и поэтому я решил, что она наверняка не является рабыней. Однако одеяние ее было весьма вызывающим по византийским стандартам и состояло только из огромного куска легкого полупрозрачного шелка, в два слоя обернутого вокруг ее тела. Как только ткань туго натягивалась, как сразу же обозначалась высокая, не очень толстая грудь, мальчишеские ягодицы, плоский живот, даже что-то вроде треугольного пучка волос ниже пояса. Я предпочитаю женщин смуглых, темноволосых, с пышными формами, но даже несмотря на все это, Евдокия показалась мне необыкновенно привлекательной. Она казалась похожей на натянутую струну, на согнутую дужку лука, в ней ощущалась огромная скрытая энергия, нерастраченный пыл и необузданная страстность.

Она сдержанно, но смело, изучающе, смотрела на меня, затем выразила свое одобрение, упершись ладонями в бедра и изогнув дугою спину. Это ее движение еще сильнее обтянуло шелк вокруг ее фигуры и показало мне ее обнаженность в гораздо больших подробностях, чем раньше. В глазах ее сверкнуло сладострастие.

— Я уже рассказывал тебе о ней, — обратился ко мне Метаксас по-английски. — Она моя многократно прабабка. Испробуй ее в своей постели сегодня ночью. Она невероятно потрясающе работает бедрами!

Евдокия улыбнулась более дружелюбно. Она не знала, о чем говорит Метаксас, но, должно быть, догадывалась, что речь идет о ней. Я старался не присматриваться слишком уж явно к выставленным напоказ прелестям добропорядочной Евдокии. Разве положено гостю строить глазки много раз прабабушке хозяина дома?

Обнаженная красавица-рабыня предложила мне баранину, запеченную с маслинами. Я проглотил все сразу, даже не посмаковав деликатес. Мои ноздри все еще были полны аромата, исходившего от Евдокии.

Метаксас дал мне выпить вина и увел меня от нее.

— Доктор Шпеер, — сказал он, — совершил сюда вылазку в поисках шедевров. Он знаток классической греческой драмы и разыскивает утраченные пьесы.

Доктор Шпеер щелкнул каблуками. Он был из тех тевтонских педантов, которые не стесняются использовать свой ученый титул во всех без

исключений случаях. Ученый-администратор произнес целую речь:

— Пока все для меня складывается наиболее удачным образом.

Разумеется, мои поиски только еще начинаются, но мне уже удалось получить в византийских библиотеках «Навсикаю» и «Триоптолема» Софокла,

«Андромеду», «Фаэтона» и «Эдипа» Еврипида, а также почти полную рукопись Эсхила «Женщины Этны». Так что, как вы сами видите, дела у меня идут довольно неплохо.

Не мешало бы напомнить ему о том, что патруль времени не станет восторженно приветствовать приобретение утраченных шедевров. Впрочем, здесь, на вилле Метаксаса, мы все уже одним фактом своего присутствия являлись нарушителями правил, установленных Службой Времени, прямыми и косвенными соучастниками времяпреступлений.

— Вы намерены, — сказал я, — пронести с собою эти рукописи вниз по линии в нынешнее время?

— Разумеется.

— Но ведь вы не сможете опубликовать их! Что же вы тогда станете с ними делать?

— Изучать их, — ответил ученый-админи-

стратор Шпеер. — Увеличивать глубину своего понимания греческой драмы. Со временем я помещу каждую рукопись в такое место, где ее смогут обнаружить археологи, и эти пьесы будут возвращены миру. Это не такое уж значительное преступление, верно?

Разве можно называть вредным желание пополнить наш, такой, скудный выбор трагедий Софокла?

Как по мне, так в этом ничего такого особенного не было.

Мне всегда казалось чрезмерной строгостью пресечение попыток обнаружить вверху по линии утраченные рукописи или картины. Я в состоянии понять, что совершенно непозволительно для кого бы то ни было забираться например, в 1600 год и возвращаться оттуда с «Давидом» Микеланджело или «Лелей» Леонардо да Винчи. Это было бы изменением истории и времяпреступлением, поскольку и то, и другое гениальное творение должно проделать свой особый путь вплоть до нашего нынешнего времени, а не перескочить сразу через четыре с половиной столетия. Но почему нельзя нам позволить добывать произведения искусства, которых у нас уже нет? Кому станет от этого хуже?

— Вы абсолютно правы, доктор Шпеер, — произнес Колеттис. — Ведь они разрешают историкам производить инспекторские вылазки в прошлое, чтобы потом вносить соответствующие изменения в наши учебники по истории, разве не так? А когда они издают вот таким образом откорректированные книги, это ведь значительно улучшает наши знания по данному предмету!

— Да, — согласился Паппас. — В качестве примера можно привести тот факт, что на самом деле леди Макбет была мягкосердечной женщиной, которая тщетно пыталась ограничить безумно честолюбивые планы своего кровожадного мужа. Или неизвестные ранее факты, касающиеся Моисея и, скажем, Ричарда третьего. Или правду о Жанне д'Арк. Мы подлатали стандартную историю в миллионах мест с тех пор, как начались путешествия во времени, основанные на применении эффекта Бенчли, и... -...и почему в таком случае не подлатать некоторые прохудившиеся места в истории литературы? — подхватил Колеттис. — Вот это и оставим доктору Шпееру! Забирайте с собою все пьесы, какие только здесь есть, док!

— Очень велик риск, — признался Шпеер. — Если меня поймают, то подвергнут очень суровому

наказанию — наверное, лишат всех моих ученых степеней. — Он произнес последние слова таким тоном, словно предпочел бы остаться без собственных половых органов. — Действительно, такой дурацкий закон — они, наверное, в самом деле слишком уж напуганные люди, эти работники патруля времени, раз страшатся даже таких изменений, которые по сути своей благоприятны.

Для патруля времени не является благоприятным никакое изменение истории. Они вынуждены соглашаться с ревизией учебников истории только потому, что ничего не могут с этим поделать. Мягкое законодательство фактически поощряет такого рода изыскания. Однако то же самое законодательство категорически воспрещает транспортировку любых материальных предметов вниз по линии, за исключением тех, что нужны для нормального функционирования самой Службы Времени, а патруль времени неукоснительно придерживается буквы закона.

— Если вы разыскиваете греческие пьесы, — сказал я, — то почему бы вам не заглянуть в Александрийскую библиотеку? Там вы обязательно найдете их целую дюжину вместо того, чтоб искать их по одной.

Ученый-администратор Шпеер улыбнулся мне так, как улыбаются умненьким, но наивным детишкам.

— Александрийская библиотека, — начал он объяснять характерным академическим, до чертиков скучным тоном, — конечно же, очень притягательна для таких ученых, как я. Следовательно, она охраняется денно и нощно одним из сотрудников патруля времени, замаскированным под переписчика. Он совершает по несколько арестов в месяц, как я слышал. Я не решаюсь подвергать себя подобному риску. Здесь, в Византии, мне гораздо труднее добиваться решения тех задач, которые я перед собою ставлю, но зато намного меньше риск вызвать подозрения у патрулей. Поэтому я и дальше буду продолжать свои поиски именно здесь. Я все еще надеюсь разыскать примерно девяносто пьес Софокла и уж никак не меньшее число пьес Эсхила, не говоря уже…

36

Трапеза в этот вечер вылилась в грандиозное пиршество. Мы буквально объелись всевозможными супами, тушеным мясом, жареной утятиной, рыбой, свиными отбивными, шашлыками, спаржей, грибами, яблоками, фигами, артишоками, сваренными вкрутую яйцами, подаваемыми в специальных синих эмалированных чашах, сырами, всевозможными салатами и упились самыми изысканными винами. Из вежливости перед Евдокией, которая была с нами за столом, мы изъяснялись только по-гречески и соответственно даже словом не обмолвились о путешествиях во времени или кознях, чинимых патрулем времени.

После трапезы, пока выступали карлики-шуты, я отозвал Метаксаса в сторону.

— Я должен вам кое-что показать, — сказал я и передал ему свиток из тонкого пергамента, на котором я начертал свою родословную. Он взглянул на пергамент и нахмурился.

— Что это?

— Мои предки. Вплоть до седьмого столетия.

— Когда ты успел все это проделать? — смеясь, спросил он у меня.

— Во время своего последнего отпуска. — Я поведал ему о своем визите к дедушке Пассилидису, к Григорию Маркезинису, в эпоху Никифора Дукаса.

Метаксас стал более внимательно изучать перечень.

— Дукас? Кто это такой — Дукас?

— Это я. Я Дукас. Писец привел мне подробности моего происхождения вплоть до седьмого века.

— Невероятно. Никто здесь не знаком ни с какими Дукасами, в столь раннюю эпоху. Это фальшивка.

— Частично — вполне может быть. Но уже с 950 года в подлинности моей родословной сомневаться не приходится. Все это моя родня. Я проследил своих пращуров от Византии через Албанию до самой Греции двадцатого столетия.

— Неужели все это правда?

— Клянусь!

— Ох, какой ты умный, маленький дерьмоед, — с любовью в голосе произнес Метаксас. — И все это ты узнал всего лишь за один отпуск. И вот тебе на — Дукас, никак не меньше! Сам Дукас! — Он еще раз заглянул в свиток. — Никифор Дукас, сын

Никетаса Дукаса, сын… гм… Льва Дукаса!

Пульхерии Ботаниатис!

— Что-то не так?

— Я знаю их! — вскричал Метаксас. — Лев и Пульхерия были моими гостями здесь, а я гостил у них. Лев Дукас один из самых богатых людей в Византии, тебе это хотя бы известно? А его жена Пульхерия — такая красавица! — Он крепко схватил меня за руку. — Ты можешь поклясться в том, что это твои прародители?

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Невероятно, — восхитился Метаксас. — Так вот, позволь мне рассказать о Пульхерии. Ей, видишь ли, сейчас всего семнадцать лет. Лев женился на ней, когда она была еще совсем ребенком. Здесь это очень широко распространено. Талия у нее, ну вот такая, не больше, зато грудь — вот какая, и такой ровный живот, а глаза… от одного ее взгляда можно с ума сойти, и…

Я высвободил свою руку и вплотную приблизился к нему.

— Метаксас, вы…

Я не в состоянии был вымолвить этого слова. -…спали с Пульхерией? Нет, нет, ей-Богу. Истинная правда, Джад! У меня и без нее здесь вполне достаточно женщин. Однако, подумай, мальчик

ты мой, какая это возможность для тебя! Я могу помочь тебе встретиться с нею.

Она уже вполне созрела для того, чтобы можно было ее соблазнить. Юная, бездетная, красивая, всегда такая скучающая — муж у нее настолько поглощен всевозможными хозяйственными заботами, что вряд ли даже ее замечает, но главное в том, что она твоя «прапра» много раз прабабушка!

— Это по вашей части, не по моей, — напомнил я ему. — Для меня это только причина держаться от нее подальше.

— Не будь идиотом. Я это все проверну для тебя за два, максимум три дня. Познакомлю с Дукасами, ты останешься на ночлег в их городском дворце в качестве гостя, одно словечко на ухо ее горничной…

— Нет, — отрезал я.

— Нет?

— Нет. Я не желаю принимать участие ни в чем подобном.

— Трудный ты человек, Джад Эллиот. Всегда противишься собственному же счастью. Ты не хочешь спать с императрицей Феодорой, не желаешь поваляться в постельке с Пульхерией Дукас, наверное, теперь ты мне скажешь, что не хочешь

и Евдокию тоже?

— Я совсем не прочь переспать с кем-нибудь из ваших прародительниц, сообщил я и ухмыльнулся. — Я даже не прочь заделать ребенка Евдокии. Как вы себя будете чувствовать, если окажется, что я — ваш «прапра» и так далее прадед?

— Этого ты не сможешь сделать, — сказал Метаксас.

— Почему?

— Потому что Евдокия остается незамужней и бездетной до 1109 года. А тогда она выйдет замуж за Василия Стратиокаса и будет у нее семеро сыновей и три дочери за пятнадцать последующих за ее свадьбой лет. И среди этих дочерей будет одна, которая и станет моей прародительницей. Боже, до чего же она разжиреет!

— Все это может быть изменено, — напомнил я ему.

— Не говори ерунду, — спокойно заметил Метаксас. — Неужели ты думаешь, что я не охраняю свою собственную родословную? Что стану колебаться прежде, чем вычеркнуть тебя из истории, если застукаю тебя на чем-нибудь, что может повлиять на замужество Евдокии? Она останется бездетной до тех пор, пока ее чрево не наполнит Василий Стратиокас, и делу конец. Но на сего-

дняшнюю ночь она твоя, пожалуйста.

И она стала моею. Оказав мне высочайшую степень гостеприимства в своем понимании, Метаксас послал свою прародительницу Евдокию в мою спальню. Ее тощее, худосочное тело показалось несколько постноватым для меня; ее твердые маленькие груди полностью скрывались в моих ладонях. Но она оказалась тигрицей. Она вся, казалось, только и состояла, что из энергии и страсти. Она оседлала меня и раскачала себя до полного исступления за два десятка быстрых вращений, но это оказалось только началом. Уже занималась заря, когда она отпустила меня и дала заснуть.

Мне приснилось, что Метаксас препровождает меня к дворцу Дукасов и знакомит меня с моим пращуром Львом, который абсолютно безмятежно говорит:

«Это моя жена Пульхерия», и во сне мне показалось, что я никогда еще не видел более прелестной женщины.

37

Первый по-настоящему тревожный момент я испытал на следующем своем маршруте в качестве курьера. Из-за того, что я был слишком горд и постеснялся вызвать на помощь патруль времени, я оказался втянутым в сферу действия парадокса удвоения, а также ощутил вкус парадокса транзитного перехода. Но думаю, что мне удалось выпутаться из всего этого с честью.

Я с девятью туристами наблюдал прибытие участников Первого Крестового Похода, когда произошел этот мой первый сбой.

— В 1905 году, — рассказывал я своим подопечным, — Папа Урбан Второй призвал к освобождению Святой Земли от сарацинов. Прошло совсем немного времени, и рыцари со всей Европы стали собираться в Крестовый Поход. Среди тех, кто приветствовал такое освобождение насильственным путем был и император Византии Алексей, который усмотрел в этом способ возвращения тех территорий на Ближнем Востоке, которые были захвачены турками и арабами.

Алексей высказался в таком духе, что он не

возражал бы, если бы несколько сотен опытных рыцарей помогли ему очистить эти земли от неверных. Однако он получил их куда больше, чем запрашивал, в чем вы сами сможете убедиться через несколько минут, опустившись по линии в 1096 год.

Мы шунтировались в 1 августа 1096 года.

Поднявшись на стены Константинополя, мы обозревали окружающую город местность и видели, что вся она заполнена войсками, притом не закованными в латы рыцарями, а полчищами совершенно неорганизованных, кое-как вооруженных крестьян в лохмотьях.

— Это народное ополчение, — пояснил я. — Пока профессиональные солдаты решают вопросы по организации тыла и материального обеспечения столь отдаленной военной экспедиции, тощий от голода, весь провонявшийся, ничтожный харизматик по имени Петр Пустынник объединил вокруг себя тысячи нищих и крестьян и повел их через всю Европу к Византии. Они грабили и громили все, что только попадалось им на пути, вычистили весь урожай, который созрел на территории, по площади равной почти половине Европы, и сожгли Белград, вступив в пререкания с византийскими наместниками в этом городе.

Но в конце концов все-таки добрались до Византии в количестве около тридцати тысяч.

— Кто же из них Петр Пустынник? — спросила самая шумливая из всех членов группы, находящаяся в самом соку, незамужняя дама из Де-Мойка по имени Мэрдж Хефферин.

Я взглянул на часы.

— Вы увидите его через полторы минуты. Алексей послал двоих своих сановников пригласить Петра ко двору. Он хочет, чтобы Петр и его сброд подождали под Константинополем, пока не прибудут сюда феодалы и рыцари, поскольку эти люди, безусловно, будут истреблены турками, если вступят на территорию Малой Азии без соответствующего воинского сопровождения.

Смотрите — вот он, Петр.

Из толпы отделились двое, щегольски выряженных, знатных византийцев, сжавших губы с таким видом, будто они не менее сильно желали закрыть и свои носы. Между ними шествовал грязный, босоногий, весь заросший, похожий на гнома мужичонка с горящими фанатичным огнем глазами и изрытым оспой худым, как щепка, лицом.

— Петр Пустынник, — сказал я, — направляется на аудиенцию к императору.

Мы шунтировались вперед на три дня. Народное ополчение уже внутри Константинополя и превращает город Алексея в сущий ад.

Довольно много домов уже объяты пламенем. Десять крестоносцев взобрались на самый верх одной из церквей и стали сдирать свинец с ее куполов для перепродажи. На наших глазах целая свора благочестивых паломников Петра раздела донага и изнасиловала аристократического вида византийскую женщину, едва она вышла из дверей Айя-Софии.

— Алексей, — сказал я, — допустил грубый просчет, пустив этот сброд внутрь города. Теперь он пытается договориться о том, чтобы переправить их на другую сторону пролива Босфора, предоставив им бесплатно транспортные средства, которые в состоянии перевезти их на малоазиатский берег.

Переправа будет организована с 6 августа. Крестоносцы начнут с того, что устроят массовую резню в византийских поселениях, расположенных в западной части Малой Азии. Затем они нападут на турок и будут почти полностью ими истреблены. Будь у нас свободное время, я переправил бы вас вниз по линии в 1097 год, где вы могли бы увидеть горы костей, валяющихся

вдоль основной дороги, по которой двигались крестоносцы. Вот что случилось, в конце концов, с народным ополчением. А тем временем уже начали свой дальний путь профессионалы, так что давайте теперь поглядим на них.

Я рассказал своим туристам о четырех армиях крестоносцев: рыцарском войске Раймонда Тулузского, рыцарском войске графа Нормандского Роберта, рыцарском войске Боэмунда и Танкреда и рыцарском войске Готфрида Бульонского, Евстафия из Болоньи и Балдуина Лотарингского. Некоторые из моих подопечных заранее прочитали в учебниках историю крестовых походов и теперь кивали, слыша уже знакомые им имена.

Мы шунтировались в последнюю неделю 1096 года.

— Алексей, — сказал я, — наученный горьким опытом приема народного ополчения, делает все возможное, чтобы не допустить длительного пребывания крестоносцев в Константинополе. Они — с этим он ничего не мог поделать все равно должны были пересечь территорию Византийской империи на своем пути в Святую Землю, но он намеревался поторопить их, и еще заставить их вождей присягнуть ему прежде, чем он их примет.

Мы видели, как войско Готфрида Бульонского разбило палаточный лагерь у самых стен Константинополя, как сновали из города в лагерь и обратно многочисленные посланники: Алексей требует от рыцарей принять присягу, Готфрид наотрез отказывается. Самым тщательным образом монтируя эпизоды, я «перекрыл» четыре месяца менее, чем за час, показав, как нарастает недоверие и враждебность во взаимоотношениях между христианами-крестоносцами и христианской Византией, которые, как первоначально предполагалось, должны были сотрудничать в деле освобождения Святой Земли. Готфрид все еще отказывался присягнуть императору. В ответ Алексей не только наглухо запер перед крестоносцами ворота в Константинополь, но и заблокировал их лагерь, пытаясь, взять их измором, вынудить отойти от города. Балдуин Лотарингский начал делать набеги на пригороды Константинополя; Готфрид взял в плен отряд византийских солдат и всех их предал смерти прямо перед городскими стенами. Наконец 2 апреля крестоносцы начали систематическую осаду города.

— Заметьте, — сказал я, — с какой легкостью византийцы прогонят их от стен Константино-

поля. Алексей, потеряв терпение, послал в бой лучшие свои войска. Крестоносцы, пока еще не привыкшие к согласованным действиям, бежали с поля боя. В пасхальное воскресенье Готфрид и Балдуин подчинились и присягнули Алексею. Теперь все улажено. Император задает в честь крестоносцев пир в Константинополе, а затем быстро переправляет их через Босфор. Он знает, что через несколько дней прибудет еще одно войско крестоносцев — на сей раз под командованием Боэмунда и Танкреда.

Мэрдж Хефферин издала сдавленный стон при упоминании этих имен. Это должно было послужить мне предостережением, но я не обратил на нее особенного внимания.

Мы прошмыгнули вниз по линии до 10 апреля поглазеть на еще один отряд крестоносцев. Вновь тысячи рыцарей стали лагерем у стен Константинополя.

Они высокомерно прогуливались прямо в кольчугах или в дорогих свободных одеяниях, наброшенных поверх доспехов, и забавлялись тем, что шлепали друг друга по плечам и бокам своими мечами или секирами, когда им становилось совсем невмоготу от скуки.

— Кто из них Боэмунд? — спросила Мэрдж

Хефферин.

Я присмотрелся к рядам рыцарей.

— Вон он, — сказал я.

— О-о-о-о-о!

Боэмунд в самом деле выглядел очень впечатляюще. Почти двухметрового роста, настоящий великан для своей эпохи, он прямо-таки подавлял своим физическим могуществом всех, кто его окружал. Широкоплечий, с огромной грудью, с коротко подстриженными волосами. Кожа у него была необыкновенно бледной; манера держаться — чванливая и самодовольная. Боэмунд — очень мрачная личность, человек жестокий и беспощадный.

К тому же он был гораздо умнее других предводителей. Не желая пускаться в бесконечные перебранки с Алексеем, Боэмунд присягнул ему сразу же. Клятвы для него были не более, чем пустые слова. Глупостью терять время на пустопорожние споры с византийцами, когда он собирался покорить целые империи в Азии. Таким образом, Боэмунд сразу же добился пропуска в Константинополь. Я подвел свою группу к воротам, через которые он входил со своими рыцарями в город, чтобы можно было с более близкого расстояния поглядеть на него. Это ока-

залось грубой ошибкой.

Крестоносцы входили в город церемониальным маршем, спешившись, по шесть человек в ряду.

Как только показался Боэмунд, Мэрдж Хефферин тотчас же отделилась от группы, сорвала с себя тунику, и ее огромные белые груди прямотаки выплеснулись наружу. Самореклама, так мне подумалось.

С пронзительным криком она бросилась навстречу Боэмунду.

— Боэмунд, Боэмунд, я люблю тебя, я всегда любила только тебя, Боэмунд! Бери меня! Сделай меня своей рабыней, любимый мой! — И всякие прочие слова такого же смысла слетали с ее губ.

Боэмунд повернулся и стал в недоумении смотреть на нее. Как я полагаю, один только вид здоровенной, как буйволица, пронзительно кричащей, полуобнаженной бабищи, в исступлении рванувшейся прямо к нему, должен был привести его в немалое замешательство. Но Мэрдж не удалось приблизиться к нему на расстояние ближе пяти метров.

Какой-то рыцарь, находившийся непосредственно перед Боэмундом, решил, что достиг своей кульминации предательский заговор с целью убийства его сюзерена, выхватил огромный

кинжал и воткнул его прямо в ложбину между огромными грудями Мэрдж. Удар кинжала затормозил ее безумный порыв, и она, шатаясь, отпрянула назад, лицо ее подернулось глубокой печалью. На губах вспузырилась кровь. Когда она уже падала, едва ли не вверх ногами, на землю, взмахнул широким мечом другой рыцарь и рассек почти до половины ее туловище. Высыпавшиеся из живота внутренности разлетелись по всей мостовой.

Вся эта сцена длилась не более пятнадцати секунд. У меня не было ни малейшей возможности даже пошевелиться. Я стоял, объятый ужасом, четко осознавая, что именно сейчас обрывается моя карьера в качестве курьера времени. Потерять туриста — это самое худшее, что только может случиться у курьера, за исключением разве что совершения времяпреступления.

Мне нужно было действовать очень быстро.

— Никто из вас не двигается с места ни на сантиметр! — решительно объявил я своим туристам. — Это приказ!

Было весьма маловероятным, что они ослушаются. Они сгрудились все вместе в состоянии, близком к истерике, рыдая, дрожа и едва сдерживая собственные внутренности, чтобы они

не вывалились от приступа охватившей их рвоты. Одно только перенесенное ими потрясение должно было удержать их на месте в течение нескольких минут — а это было больше, чем необходимо.

Я настроил свой таймер на двухминутный бросок вверх по линии и тотчас же шунтировался.

Мгновенно я обнаружил, что стою рядом с самим же собою. Вот он я, с безобразно большими ушами и всем остальным, глазею на то, как по городу вышагивает Боэмунд. Мои туристы стоят по обе стороны от меня. Мэрдж Хефферин, тяжело дыша от охватившего ее возбуждения, привстала на цыпочки, чтобы лучше разглядеть своего кумира и уже начала высвобождаться из своей туники.

Я занял положение чуть позади нее.

Как только она сделала первое же движение в направлении мостовой, руки мои сами выбросились вперед. Крепко обхватив левой рукой ее за задницу, а правой перехватив грудь, я прошипел ей на ухо:

— Стойте там, где стоите, иначе ох как пожалеете!

Она напряглась, вся стала извиваться и корчиться в моих объятиях. Я глубоко впился кон-

чиками пальцев в мясистую плоть ее, мелкой дрожью трепещущей, кормы и фактически повис на ней. Она выгнула шею, чтобы посмотреть, кто это посмел на нее напасть, увидела, что это я, и изумленно уставилась на другого меня, который стоял в нескольких шагах слева от нее.

Весь ее боевой пыл тотчас же пропал. Она грузно осела, и я еще раз шепотом напомнил ей, чтобы она даже не подумала шевельнуться. А тем временем Боэмунд прошествовал мимо нас и величавой походкой продолжал двигаться по улице дальше.

Я отпустил Хефферин, перенастроил свой таймер и шунтировался вниз по линии на шестьдесят секунд.

Полное время моего отсутствия среди туристов было менее одной минуты.

Я даже не очень-то удивился бы, если бы застал их давящимися от блевоты и изрыгавшими ее на окровавленные останки Мэрдж Хефферин. Однако проведенная мною корректировка оказалась удачной. На улице не было никакого трупа. И не отшвыривали крестоносцы своими сапогами разбросанные по всей мостовой внутренности Мэрдж Хефферин. Она продолжала стоять вместе со всей остальной группой, смущенно тряся голо-

вой и потирая заднюю часть. Туника ее осталась нараспашку, и мне были хорошо видны красные отпечатки моих пальцев на мягком полушарии ее правой груди.

Кто-нибудь из туристов хотя бы догадывался о том, что только что произошло? Нет. Никаких, даже остаточных, призрачных воспоминаний. Моим туристам не довелось испытать воздействия парадокса транзитного отстранения, ибо не совершали они прыжка внутри прыжка, который пришлось совершить мне. И поэтому только я один помнил то, что сейчас начисто исчезло из их памяти, и мог четко себе представить ту кровавую драму, которую я трансформировал в неосуществившееся событие.

— Вверх по линии! — вскричал я, и шунтировал их всех в 1098 год.

На улице царила полная тишина. Крестоносцы давно покинули город и теперь ошивались где-то в Сирии, готовясь к штурму Антиохии. День выдался жаркий и влажный, летняя дымка зависла над улицей и поэтому не было свидетелей нашего неожиданного появления.

Мэрдж была единственной, кто догадывался о том, что произошло нечто совершенно нелепое. Остальные не заметили ничего экстраординарно-

го, но она со всей определенностью знала о том, что возле нее материализовался еще один Джад Эллиот и помешал ей выскочить на мостовую.

— Что, как вы думаете, вы собирались тогда сделать? — спросил я у нее. — Вы ведь хотели выбежать на мостовую и броситься на колени перед Боэмундом, разве не так?

— Я ничего не могла с собою поделать. Это был какой-то совершенно неожиданный даже для меня самой порыв. Мне всегда очень нравился Боэмунд, неужели вы этого не замечали? Он был моим героем, моим богом… Я прочла все до последней строчки, что только было о нем написано… И вот он явился теперь во плоти, прямо передо мною…

— Позвольте рассказать вам, как разворачивались события на самом деле, — сказал я и описал ей, какой ужасной смертью она погибла.

Затем я рассказал ей, как мне удалось отредактировать прошлое, каким образом я перевел весь этот эпизод, связанный с ее гибелью, на параллельную ветвь времени. И сказал ей вот еще что:

— Я хочу, чтоб вы знали — единственной причиной, по которой я предотвратил вашу гибель, было то, что я не хотел потерять эту работу.

Плох тот курьер, который не в состоянии со-

хранить контроль над своими подопечными. В противном случае я был бы просто счастлив бросить вас там, в том виде, в каком вы были — с выпотрошенными внутренностями. Разве я не твердил вам миллион раз о том, что ни в коем случае нельзя выскакивать из-под прикрытия?

Я предупредил ее, чтобы она навсегда позабыла о том, что я изменил ход событий для спасения ее жизни.

— Если вы хотя бы самым малейшим образом выйдете из повиновения еще раз, то тогда…

Я намеревался ей сказать, что тогда я сверну ей голову, а из содранной с нее кожи сделаю ленту Мебиуса, но вдруг осознал, что курьер не имеет права подобным тоном разговаривать со своими клиентами независимо от того, что они там вытворяли. -…мне придется запретить вам дальнейшее прохождение по маршруту и немедленно отправить вас вниз по линии в наше нынешнее время, вы меня слышите?

— Я постараюсь больше никогда ничего такого не делать, — пробормотала она. — Клянусь. Вы знаете, теперь, когда вы рассказали мне об этом, я почти ощущаю, как это все со мной происходило. Этот кинжал, входящий…

— Этого никогда не было.

— Этого никогда не было, — повторила она не очень-то уверенно.

— Ну-ка, побольше убежденности в голосе. ЭТОГО НИКОГДА НЕ БЫЛО.

— ЭТОГО НИКОГДА НЕ БЫЛО, — снова повторила она. — Но ведь я всеми фибрами ощущаю это!

38

Мы все вместе провели ночь в 1098 году на постоялом дворе. Все еще испытывая нервное возбуждение и чувствуя себя разбитым после столь деликатной операции, я решил совершить прыжок вниз по линии в 1105 год, пока мой люд спит, и заглянуть к Метаксасу. Я даже не знал, находится ли он в данный момент на своей вилле, но попытаться стоило. Я испытывал крайнюю необходимость проветриться.

Время я подобрал с как можно большей тщательностью.

Последний отпуск Метаксаса начался где-то в самом начале ноября 2059 года, а прыжок он совершил в середину августа 1105 года. Там он, по моим прикидкам, провел от десяти до двенадцати дней. Он должен был вернуться в 2059 год к концу ноября, и, проведя свою группу по двухнедельному маршруту, попасть на свою виллу где-то примерно к 15 сентября 1105 года.

Я решил не рисковать и шунтировался вниз в 20 сентября.

Теперь оставалось только правильно отыскать

дорогу к его вилле.

Одной из наиболее странных особенностей эпохи использования эффекта Бенчли является то, что легче перепрыгнуть через семь лет во времени, чем проделать несколько десятков километров в окрестностях Византии. Вот с такой проблемой я теперь столкнулся. У меня не было доступа к колеснице, а нанять такси в двенадцатом столетии, разумеется, не было никакой возможности.

Пройтись пешком? Трудно придумать что-либо более нелепое!

Я размышлял над тем, не отправиться ли мне на ближайший постоялый двор и не побренчать ли византами перед самым носом у свободных возниц, пока кто-нибудь из них не вызовется добровольно проехать к тому месту, где должно было располагаться поместье Метаксаса. И вот, обдумывая это, я услышал знакомый голос, который громко вопил:

— Герр курьер Эллиот! Герр курьер Эллиот!

Я обернулся. Ученый-администратор Шпеер.

— Гутен таг, герр курьер Эллиот! — произнес он.

— Гутен… — я нахмурился, осекся и поздоровался с ним в манере, более соответствовавшей

византийской. Он снисходительно улыбнулся такому неукоснительному соблюдению правил с моей стороны.

— Этот мой визит сейчас такой успешный, как никогда ранее, — поспешил уведомить он меня. — С той поры, как мне в последний раз выпало счастье побывать в обществе с вами, я нашел «Темира» Софокла, а также «Меланиппу» Еврипида, и еще один фрагмент, который, как мне кажется, взят из «Архелая» Еврипида. И еще попался мне здесь текст пьесы, приписываемой Эсхилу, под названием «Гелиос». О такой пьесе пока нигде не найдено каких-либо упоминаний. Так что, если это не подделка, я совершил настоящее большое открытие. Только после прочтения можно будет сказать что-либо более определенное. А? Действительно, превосходный визит, герр курьер!

— Великолепный, — сказал я.

— А теперь я возвращаюсь на виллу к нашему общему другу Метаксасу, как только сделаю кое-какие покупки в этой лавке пряностей. Не угодно ли составить мне компанию?

— У вас есть колеса? — спросил я.

— Что это вы подразумеваете под словом «колеса»?

— Любое транспортное средство. Вот, хотя бы,

колесницу.

— Естественно! Она дожидается меня вон там, вместе с возницей, принадлежащим Метаксасу.

— Вот здорово! — воскликнул я в восторге. — Тогда поскорее закругляйтесь в этой вашей лавке и двинули к Метаксасу вместе, о кей?

Темная лавка была наполнена самыми различными ароматами. В бочонках, кувшинах, бутылях и корзинах были выставлены для обозрения различные товары: оливки, орехи, финики, фиги, изюм, фисташки, сыры и пряности, как молотые, так и необработанные, притом самых различных сортов. Шпеер, по-видимому, выполняя какое-то поручение повара Метаксаса, отобрал нужные ему пряности и вынул кошелек, полный византов, чтобы расплатиться. В это самое время к лавке подкатила роскошно украшенная колесница, с нее сошли три женские фигуры и прошли внутрь лавки. Первой шла девушка-рабыня, взятая, очевидно, для того, чтобы переносить покупки в колесницу. Следом за ней шествовала женщина в зрелом возрасте и скромном одеянии — я предположил, что это дуэнья, как раз такого рода дракон и нужен был, чтобы сопровождать жену знатного византийца при ее выезде за покупками. И наконец, третьей оказалась сама

жена, по всей вероятности, женщина самого высокого положения, совершающая выезд в город.

Была она фантастически прекрасной.

Я сразу же определил, что ей не более семнадцати лет. Ее характерная средиземноморская красота отличалась плавностью и текучей подвижностью линий, глаза были большие, темные, с поволокой, длинными ресницами, кожа светло-оливкового оттенка, губы полные, нос орлиный, и вся осанка ее отличалась элегантностью и аристократизмом. Ее свободная одежда из белого шелка не скрывала контуры высокой пышной груди, крутого изгиба бедер, роскошной нижней части тела. Она являлась совокупностью всех тех женщин, которых я когда-либо желал, соединенных в одно идеальное целое.

Я откровенно любовался ею, не испытывая ни малейшего чувства стыда.

Она одарила меня ответным взглядом, также не испытывая неловкости.

Наши взгляды встретились и задержались на какое-то время. Это было достаточно, чтобы пространство, разделявшее нас, оказалось пробитым мощным потоком энергии, и я весь затрепетал, когда ощутил этот поток, обрушившийся на меня. Она слегка улыбнулась, обнажив ослепительно

белые зубы. Это была улыбка, приглашавшая меня, улыбка, исполненная вожделения.

Она едва-едва, почти незаметно кивнула мне.

Затем отвернулась и стала показывать на лари, на один и другой, а я все продолжал смотреть, пока дуэнья, заметив это, не метнула в мою сторону яростный, предостерегающий взгляд.

— Идемте, — нетерпеливо позвал меня Шпеер. — Колесница ждет…

— Ну и пусть себе ждет.

Я вынудил его остаться в лавке до тех пор, пока три женщины не сделали свои покупки. Я смотрел на то, как они уходят, глаза мои были будто прикованы к плавным покачиваниям задрапированных в шелка бедер моей возлюбленной. Затем я вихрем бросился к хозяину лавки, схватил его за руку и выпалил:

— Эта женщина? Как ее зовут?

— Господин мой, я… то есть…

Я швырнул на прилавок золотой.

— Ее имя!

— Это Пульхерия Дукас, — хватая ртом воздух, выдавил он из себя. — Жена бог… знаменитого Льва Дукаса, который…

Я простонал и опрометью бросился из лавки.

Ее колесница уже катила по направлению к

Золотому Рогу.

Из лавки появился Шпеер.

— Вам стало нехорошо, герр курьер Эллиот?

— Я болен, как кабан, — пробормотал я. — Пульхерия Дукас… значит, это была Пульхерия Дукас…

— Ну и что из этого?

— Я влюблен в нее, Шпеер, в состоянии ли вы понять?

На это он невозмутимо ответил:

— Колесница ждет.

— Бог с нею. Я остаюсь здесь. Передайте Метаксасу привет от меня.

Испытывая острую тоску, я бесцельно бродил по улицам, разум мой и все мое естество воспламенялись каждый раз, когда перед моим мысленным взором представала Пульхерия. Я дрожал. Я весь покрылся испариной. Я рыдал. В конце концов я вышел к какой-то церквушке и прижался щекой к холодным камням ее стены, затем рассеянно прикоснулся к таймеру и шунтировался назад, к своим туристам, которых я оставил безмятежно спящими в 1098 году.

39

Я был препаршивейшим курьером всю оставшуюся часть маршрута.

Унылый, весь ушедший в себя, терзаемый любовными муками, совершенно сбитый с толку, я галопом прокатил своих подопечных по хрестоматийным событиям византийской истории, начиная с нашествия венецианцев в 1204 году и кончая завоеванием империи турками в 1453 году, ведя экскурсии без всякого внутреннего подъема, чисто механически. Впрочем, скорее всего моим туристам было невдомек, что они получили минимум с моей стороны. Так или иначе, лучше или хуже, но я показал им все, что полагалось на этом маршруте, и благополучно доставил их вниз по линии в нынешнее время, после чего постарался поскорее от них избавиться.

Для меня снова наступил отпуск, но душа моя была заражена страстным желанием.

Вернуться в 1105 год? Принять предложение Метаксаса, позволить ему познакомить меня с Пульхерией?

Я ужаснулся при одной мысли об этом.

Правила, установленные патрулем времени, самым строжайшим образом запрещают водить дружбу любого рода (курьеров это касалось в такой же мере, как и других путешественников во времени) с людьми, живущими вверху по линии. Контакты, которые нам разрешены с обитателями прошлого, должны быть кратковременными и случайными — например, покупка корзины с маслинами, вопрос к прохожему, как пройти к Айя-Софии, и тому подобное.

Нам не разрешено обзаводиться друзьями, затевать продолжительные философские дискуссии или вступать в половую связь с представителями предыдущих эпох.

А со своими собственными пращурами — в особенности.

Табу, налагаемое на кровосмешение, само по себе не очень-то меня пугает; как и все табу, в наши дни оно стоит совсем немногого. Хотя я и не решился бы завалиться в постель со своей сестрой или матерью, я не мог отыскать ни одной мало-мальски убедительной причины, почему я должен воздерживаться от обладания Пульхерией. Возможно, мне присущ некоторый остаточный пуританизм, но я знал, что его как ветром сдует в ту же минуту, как станет доступ-

ной для меня Пульхерия.

Но что меня действительно останавливало, так это универсальное сдерживающее средство — страх перед наказанием. Если патруль времени подловит меня во время сексуального контакта с моей многократно прародительницей, то меня совершенно точно выгонят из Службы Времени, а скорее всего посадят в тюрьму. Возможно даже, попытаются наложить на меня наказание в виде смертной казни за времяпреступление тягчайшей степени на том основании, что я совершил попытку стать своим собственным пращуром.

Меня ужасала такая перспектива.

Самые различные сцены разыгрывались в моем воображении. Например:

Я ухитряюсь познакомиться с Пульхерией. Каким-то образом мне удается остаться с ней наедине. Я тянусь к ее невинной плоти; она кричит; меня хватает личная стража Дукаса и карает смертью; патруль времени, после того, как я не зарегистрируюсь, возвратясь из отпуска, выясняет, что же со мной случилось, спасает меня, затем предъявляет обвинение в совершении времяпреступления.

Или:

Я ухитряюсь познакомиться с Пульхерией и

так далее, и мне удается ее соблазнить. В момент кульминации в спальню врывается ее муж и пронзает меня мечом. Остальную часть сценария смотри выше.

Или:

Наши любовные взаимоотношения с Пульхерией доходят до такой критической точки, что я скрываюсь вместе с нею в какой-нибудь очень отдаленной точке в прошлом или будущем от ее эпохи, например, в 40 году до Рождества Христова или 1600 году после Рождества Христова, и мы живем с нею там счастливо до тех самых пор, пока нас не изловит патруль времени, ее — вернет в соответствующий момент 1105 года, меня — отдаст под суд по уже вышеупомянутым обвинениям.

Существует ряд других возможностей, однако все они заканчиваются одним и тем же печальным образом. Поэтому я переборол в себе искушение провести свой отпуск в 1105 году, волочась за Пульхерией. Вместо этого, чтобы подчеркнуть всю глубину своей подавленности, вызванной неудовлетворенным вожделением, я записался на маршрут «Черная смерть».

Только совсем уж эксцентричные люди, в своем роде уроды, безнадежно больные и извращенны

принимают участие в маршрутах, подобных этому. Хотя надо сказать, спрос на них всегда довольно велик. Но, как находящийся в отпуске курьер, я сумел вытолкнуть из состава группы одного из уже заплативших клиентов и к отправлявшимся по этому маршруту туристам.

Имеется четыре вида регулярных экскурсий под общим наименованием «Черная смерть». Местом проведения первой является Крым. Она начинается в 1347 году, и в ней показывается начало эпидемии чумы, занесенной из глубины Азии. Кульминацией этого маршрута является осада Кафы, генуэзской торговой гавани на Черном море, монголо-кипчакским ханом Джанибегом. Чума свирепствовала среди воинов Джанибега, и он катапультировал трупы умерших от нее через крепостные стены внутрь города, чтобы заразить чумой генуэзцев. Чтобы попасть на этот маршрут, билеты приходится заказывать за год до его осуществления.

Генуэзцы способствовали распространению черной смерти в западном направлении, заразив ею практически все Средиземноморье, и второй маршрут переносит вас в Италию, в осень 1347 года, когда чума начинает распространяться внутри этой страны. Вы видите массовые сожже-

ния евреев, которых обвиняли в том, что они распространяют эпидемию, отравляют колодцы. Третий маршрут переносит во Францию 1348 года, а четвертый — в Англию, в самый конец весны 1349 года.

В кассе удалось достать билет только на лондонский маршрут. Днем я перелетел в Лондон и присоединился к остальной группе за два часа до ее отправления вверх по линии. Нашим курьером оказался некто Райли, высоченный мужчина с мертвенно-бледным лицом, лохматыми бровями и гнилыми зубами. Он был несколько странноват, но в этом не было ничего противоестественного для такого специфического маршрута. Он несколько мрачно, но дружелюбно поздоровался со мною и велел мне переодеться в специальную одежду.

Чумной костюм является чем-то вроде космического скафандра, отделанного черным. В нем предусмотрен стандартный четырнадцатидневный аппарат регенерации воздуха для дыхания, есть в нем приходится через специальную трубку, а процессы мочевыделения и дефекации связаны с еще большими трудностями. Основная идея такого костюма, естественно, заключается в том, чтобы обеспечить полнейшую изоляцию

организма от окружающей среды. Туристов предупреждают о том, что, если кто из них откроет свой костюм хотя бы на десять секунд, то его зашлют навечно в какую-нибудь из эпох, в которой свирепствует чума. И хотя это совершенно не соответствует истине, пока еще не отмечалось ни единого случая, чтобы кто-либо осмелился проверить, блефует или нет с такими утверждениями Служба Времени.

Это один из тех немногих маршрутов, которые начинаются и заканчиваются в строго определенных точках. Нельзя допустить, чтобы возвращающиеся из прошлого группы материализовались где попало, занося в наше время чумных возбудителей вместе со своими космическими скафандрами, и поэтому Служба промаркировала красной краской специальные зоны, с которых только и можно совершать прыжки вниз по линии из этих четырех средневековых маршрутов. Материализация членов группы осуществляется при этом внутри специального, тщательно изолированного стерильного купола; там костюмы отбирают, а самих туристов подвергают дезинфекции прежде, чем отпустить их в среду двадцать первого столетия.

— Все, что вы в скором времени увидите, — со

зловещей напыщенностью произнес Райли, — не является ни реконструкцией, ни воспроизведением. Все это совершенно реально, без какого-либо преувеличения.

С тем мы и шунтировались вверх по линии.

40

Укутанные в свои черные пластиковые костюмы, мы осторожно продвигались один за другим по земле, на которой буйствовала смерть.

Никто на нас не обращал никакого внимания. В такие времена, как это, даже наши костюмы не кажутся чем-то диковинным; черный цвет был вполне логичен, еще более логичной была полная герметизация наших туалетов. И хотя ткань костюмов была совершенно неизвестна в четырнадцатом столетии, никто не проявлял к ней особого интереса. В такие времена умные люди стараются не выходить из своих домов и любопытство свое держат ох в какой крепкой узде.

Те же, кому мы попадались на глаза, считали, что мы священники, совершающие паломничество. Наши мрачные одеяния, наше продвижение цепочкой по одному, бесстрашие, с которым мы смело разгуливали по пораженным чумой местностям, — все это наводило на мысль, что мы, если не Божьи люди, то во всяком случае, слуги Сатаны, а как в том, так и в другом варианте кто же мог отважиться соваться в наши дела?

Колокола отбивали заупокойные панихиды, звеня непрерывно весь день и добрую половину ночи. Весь мир превратился в одни сплошные, непрекращающиеся похороны. Угрюмая дымка повисла над Лондоном. Все время, пока мы там находились, небо было серого цвета, а в воздухе носились мельчайшие частицы пепла. Но не природа подчеркивала своими внешними проявлениями охватившую город вселенскую скорбь — пусть это и звучало бы патетически, но было бы явным заблуждением — нет, эта дымка, эти частицы пепла были делом рук человеческих, ибо по всей территории Англии непрерывно горели тысячи больших и малых костров, пожиравших в своем пламени одежду, дома и трупы пораженных чумой.

Мы видели жертв этой болезни на всех стадиях ее протекания, от раннего головокружения до последних конвульсий.

— Начало заболевания, — спокойно, даже както бесстрастно объяснял Райли, — распознается по затвердеванию и набуханию внутренней секреции подмышками и в паху. Набухшие железы — бубоны — растут очень быстро и вскоре оказываются размером от яйца до приличного яблока. Вот, взгляните-ка на эту женщину…

Она была молода, но крайне изможднена и объята ужасом. Отчаянно прижимая ладонями выскочившие на ее теле бубоны и шатаясь из стороны в сторону, она проходила мимо нас по дымной улице.

— Затем, — продолжал Райли, — появляются черные пятна, сначала на предплечьях и бедрах, затем по всему телу, и карбункулы, которые не исчезают даже после того, как их проткнуть чем-нибудь острым. А потом приходят бред, безумие и всегда на третий день после того, как набухли железы — смерть. Смотрите вот сюда… — На улице, издавая громкие стоны, лежал человек, всеми брошенный, уже на поздней стадии болезни. — И сюда…

— Из окон на нас глядели бледные лица. — И вон туда… — Мы увидели трупы, сброшенные в кучу у ворот в конюшню.

Дома заперты. Лавки на засовах. Единственные люди на улицах — это уже заразившиеся, они бродили в отчаяньи, тщетно пытаясь найти кто врача, кто священника, кто чудотворца.

Откуда-то издалека до нас доносилась надрывная музыка, мучительная для нашего слуха: трубы, барабан, виолы, лютни, волынки, гобои, горны все средневековые музыкальные инстру-

менты вместе, но издающие не гармоничные звуки, характерные для этой эпохи, а грубые, нестройные, совсем не музыкальные вопли и завывания. Райли же, казалось, был даже доволен.

— Это приближается процессия самобичевателей! — с ликованием в голосе вскричал он. — За мной! Поторопитесь, чтобы ничего не пропустить!

По извилистым и узким улицам струились толпы самобичевателей, мужчин и женщин, обнаженных по пояс, грязных, окровавленных. Некоторые из них играли на перечисленных выше инструментах, большинство же истязали свою плоть специальными плетьми со множеством завязанных на них узлов; плети так и свистели, рассекая воздух, без устали опускаясь на голые спины, груди, щеки, плечи, лбы. Они заунывно бубнили себе под нос совершенно невыразительные гимны; издавали громкие стоны, не в силах терпеть мучения; спотыкались и падали под ноги другим бичевальщикам. На телах некоторых уже четко обозначились чумные бубоны. Даже не взглянув в нашу сторону, они прошли мимо и влились в какой-то мерзкий переулок, который выходил к заброшенной церкви.

А мы, любознательные туристы, тоже пошли

дальше, переступая через трупы и тела умирающих, ибо наш курьер страстно желал, чтобы мы испили до дна чашу жутких впечатлений.

Мы видели обгоревшие тела мертвецов, которые почернели и полопались от жара.

Мы видели горы других мертвецов, брошенных без погребения прямо среди полей, где они медленно догнивали.

Мы видели упырей, которые обшаривали трупы в поисках чего-либо ценного.

Мы видели, как пораженный чумой мужчина с помутившимся рассудком упал на пораженную чумой женщину прямо на улице и раздвигал ей бедра ради одного последнего отчаянного приступа похоти.

Мы видели священников, которые верхом на лошадях спасались бегством от собственных прихожан, пришедших вымаливать милость у небес.

Мы вошли в никем не охраняемый дворец и смотрели на то, как объятые ужасом врачи пускают кровь у какого-то умирающего герцога.

И еще мы видели процессии каких-то странных, закутанных во все черное существ, лица которых были спрятаны за похожими на зеркала круглыми пластинами, и вздрагивали, глядя на

нелепое поведение этих кошмарных существ, этих демонов без лиц; и только потом нас осенила догадка, что это мы натыкались на другие туристические группы.

Райли был, казалось, до краев напичкан бесстрастными статистическими данными.

— Уровень смертности от бубонной чумы, — доложил он нам, — повсюду, где она свирепствовала, составлял от одной восьмой до двух третей населения, которое проживало на данной территории. Подсчитано, что в Европе погибло двадцать пять процентов от общей численности населения; во всемирном масштабе смертность составила около тридцати трех процентов. Так вот, подобная чума сегодня отняла бы жизнь более, чем у двух миллиардов жителей земного шара.

На наших глазах из дома с соломенной крышей вышла женщина и расположила, один за другим, на мостовой пять детских трупиков, чтобы их легче было подобрать специальной команде, вывозившей мертвые тела.

Райли тем временем продолжал:

— Оказалась практически уничтоженной вся аристократия, что вызвало огромные изменения в порядке наследования. Чума оказала

необратимое отрицательное воздействие на развитие культуры, так как в результате смертей в массовом масштабе исчезли целые школы живописцев, погибло множество поэтов и образованных монахов. Еще более разрушительным было психологическое воздействие на умы людей: в течение многих поколений существовало непоколебимое мнение, что человечество в середине четырнадцатого века совершило нечто такое, что вызвало заслуженный гнев Божий, и что со временем следует ожидать повторного наказания.

Мы были единственными, кто присутствовал при массовом захоронении, на котором два молодых, насмерть перепуганных священника пробормотали какие-то бессвязные фразы над сотнями опухших, покрытых черными пятнами трупов, прозвенели в свои маленькие колокольчики и окропили скончавшихся святой водой, а затем подали сигнал церковным сторожам разжигать погребальный костер.

— Лишь к началу шестнадцатого столетия, — сообщил Райли, численность населения достигнет того уровня, который был до 1348 года.

Невозможно было определить, насколько подействовали все эти ужасы на экскурсантов,

поскольку все мы были, как броней, защищены своими герметическими костюмами. Наверняка большая часть моих спутников испытывала сильное волнение, если не трепет. Мне говорили о том, что для убежденных чумных фанатов стало как бы обязательным прохождение всех четырех маршрутов, объединенных названием «Черная смерть» в строгой хронологической последовательности, начиная с Крыма. Многие проделали полный комплект пять-шесть раз. Мне же было тяжело и стыдно. Стыдно за то, что начинаю привыкать к самым чудовищным вещам. Мне кажется, что после десятого раза я и сам мог бы стать таким же равнодушным и бесстрастным, как курьер Райли, этот неистощимый источник статистических данных.

К концу нашего путешествия через ад мы вышли к Вестминстерскому дворцу. На мостовой перед ним персонал службы времени очертил красный круг диаметром в пять метров. Это была наша стартовая точка для совершения прыжка домой. Мы сбились плотнее кучкой в середине этого круга. Я помог Райли произвести регулировку таймеров — на таких маршрутах таймеры одеваются поверх одежды. Он подал сигнал, и мы шунтировались.

Несколько жертв чумы, которые в этот момент еле волокли ноги, проходя мимо дворца стали свидетелями нашего внезапного исчезновения. Сомневаюсь, что это вызвало у них какое-нибудь беспокойство. Когда на глазах гибнет весь мир, кого может взволновать зрелище исчезновения десятка демонов?

41

Мы материализовались под сенью мерцающего купола, сдали свои инфицированные скафандры и вышли оттуда чистые и облагороженные чувством сострадания. Но образ Пульхерии никак не выходил из моей головы. Терзаемый невыносимыми душевными муками, я все еще пытался перебороть искушение.

Вернуться назад, в 1105 год? Позволить Метаксасу каким-то образом помочь мне установить тесные взаимоотношения с семьей Дукасов? Совратить Пульхерию и утолить тем самым свое томление?

Нет. Нет. Нет. Нет.

Прочь искушение! Ищи для себя другой предмет вожделения. Вместо этого переспи хотя бы с императрицей Феодорой.

Я поспешил назад в Стамбул и шунтировался вверх по линии в 537 год.

Прошел в Айя-Софию, чтобы поискать там Метаксаса, который должен был присутствовать на церемонии освящения.

Метаксас, разумеется, там был во многих ча-

стях толпы. Я заприметил не меньше десятка Метаксасов (успел увидеть также двух Джадов Эллиотов, а ведь я не пересмотрел и половины присутствовавших в соборе в этот день).

Первые две попытки подступиться к Метаксасу оказались неудачными результат действия парадокса разрыва времени: один, раздраженно нахмурившись, отмахнулся от меня, другой же сказал просто: «Кем бы вы ни были, но мы пока еще с вами не знакомы. Идите вон». Только с третьей попытки я отыскал Метаксаса, который меня узнал, и мы договорились встретиться вечером на постоялом дворе, где ночует его группа. Он собирался сделать следующую остановку внизу по линии в 610 году, чтобы показать участникам своего маршрута коронацию императора Ираклия.

— Договорились? — спросил он у меня. — Между прочим, каков ныне твой временной базис?

— Начало декабря 2059 года.

— Я впереди тебя, — сказал Метаксас. — Я из середины февраля 2060 года. Вот как разошлись наши временные базисы. Сейчас мы не находимся в синхронизме друг с другом.

Его заявление напугало меня. Этому человеку были известны два с половиной месяца моего

будущего. Этикет требовал, чтобы он оставил эти знания при себе; вполне возможно, что я буду (а для него уже был) убит в январе 2060 года и что этому Метаксасу известны все подробности, но он не имел права даже намекнуть мне об этом. Так что мне было здорово не по себе.

Он понял это.

— Может быть, тебе лучше попробовать найти другого меня? — спросил он.

— Нет. Все в порядке. Думаю, что все как-нибудь образуется.

Лицо его было непроницаемой маской. Он продолжал играть по правилам: ни единым мускулом или интонацией голоса он не выдавал своей реакции, чтобы я не мог прочесть свое собственное будущее в выражении его лица.

— Когда-то вы мне предлагали помочь пробраться к императрице Феодоре.

— Я помню это, да.

— Тогда я отверг ваше предложение. А теперь я бы не прочь ее попробовать.

— Нет проблем, — сказал Метаксас. — Давайте перепрыгнем вверх в 535 год. Юстиниан целиком поглощен строительством Айя-Софии. Феодора вполне доступна.

— Так просто?

— Вот именно.

Мы шунтировались. Холодным весенним днем 535 года я и Метаксас прошли в Большой дворец, где он вскоре нашел одного пухлого, очень похожего на евнуха, типа по имени Анастасий и имел с ним продолжительный и очень оживленный разговор. Очевидно, Анастасий был главным поставщиком любовников для императрицы в этом году, и в круг его обязанностей входило подыскивать для нее — откуда угодно — до десятка молодых мужчин на ночь.

Разговор велся на пониженных, приглушенных тонах, время от времени он прерывался вспышками раздражения. Судя по тому, что мне удалось подслушать, Анастасий предлагал мне всего один час с Феодорой, а Метаксас твердо настаивал на целой ночи. Меня это несколько встревожило, ибо, хотя мои мужские достоинства были весьма немалыми, я не знал, удастся ли мне удовлетворить запросы самой знаменитой в истории нимфоманки с вечерней зари до утренней. Я просигналил Метаксасу, чтобы он согласился и на что-нибудь менее грандиозное, но он упорствовал. В конце концов Анастасий обещал предоставить в мое распоряжение четыре часа пребывания с императрицей.

— Если выдержит пробные испытания, — не преминул напомнить толстяк.

Пробные испытания проводились необузданной девахой по имени Фотия, она была одной из фрейлин императрицы. Анастасий самодовольно наблюдал за нами в действии. У Метаксаса сохранилась еще по крайней мере крупица хорошего воспитания — он вышел из комнаты. Чтобы снаружи наблюдать, я так полагаю, за тем удовольствием, какое получает Анастасий, взирая на нашу возню с Фотией.

У Фотий были густые черные волосы, тонкие губы, большая грудь, и была она прожорливой до ужаса. Вам когда-нибудь доводилось видеть, как морская звезда пожирает устрицу? Нет? Ну что ж, все равно попытайтесь представить себе эту картину. Так вот, Фотия была морской звездой в сексе. Способности ее были просто фантастическими. Уж в каких только позициях я не заставлял ее покоряться своему желанию, до каких только вершин исступления не доводил! И — как оказалось — я выдержал проверку с честью, ибо Анастасий выразил свое одобрение и подтвердил, что мне будет представлено свидание с Феодорой. Продолжительностью в четыре часа!

Я поблагодарил Метаксаса, и он покинул меня,

шунтировавшись в 610 год, на свой маршрут.

Теперь все заботы обо мне взял на себя Анастасий. Меня вымыли, выходили, промассажировали мне кожу, заставили проглотить какую-то маслянистую, горькую на вкус пакость, которая, как утверждали, была сильно действующим возбуждающим средством. А за час до полуночи затолкали в спальные покои императрицы Феодоры.

Клеопатра… Далила… Екатерина… Лукреция Борджиа… Феодора.

Существовала ли когда-либо хоть одна из этих женщин вообще? Были ли они на самом деле до такой степени распущенными? И могло ли на самом деле случиться такое, чтобы Джадсон Дэниэль Эллиот третий стоял перед постелью беспредельно развратной императрицы Византии?

Мне было известно то, что рассказывает о ней Прокопий. Оргии во время государственных обедов. Эксгибионистские раздевания прямо в театре.

Непрекращавшиеся незаконные беременности и ежегодные выкидыши.

Предательство по отношению к бывшим друзьям. Отрезанные уши, носы, яичники, половые члены, конечности и губы тех, кому не удалось

удовлетворить ее. Предложение мужчинам всех без исключения отверстий своего тела прямо на алтаре Афродиты. Если соответствовал истине хотя бы один рассказ из десяти, приводимых Прокопием, то и тогда ее порочность можно было считать никем не превзойденной.

Это была бледноватая женщина с очень гладкой кожей, большой грудью и узкой талией. Она оказалась на удивление невысокой, ее макушка едва доходила до моей груди. Вся ее кожа насквозь пропиталась благовониями, но тем не менее мои ноздри безошибочно уловили источаемый ею телесный дух.

Глаза у нее были колючие, равнодушные, жестокие, с несколько расширенными зрачками — глаза настоящей нимфоманки.

Она даже не спросила моего имени. Велела мне раздеться, внимательно осмотрела и кивнула. Прислужница принесла нам густое приторное вино в огромных размеров амфоре. Мы выпили немалое его количество, а затем Феодора обмазала тем, что осталось, свою кожу от лба до кончиков пальцев ног.

— Слизывай его, — приказала она.

Я повиновался. Как повиновался и всем остальным ее повелениям. Я провел с ней, наверное,

самые странные часы моей жизни. Запросы ее оказались замечательно разнообразными, и мне за свои четыре часа удалось удовлетворить большую их часть. И все же ее пиротехника не воспламеняла, а скорее даже охлаждала мой пыл. Было что-то механическое, совершенно лишенное человеческих эмоций, в том, как Феодора подставляла для моих манипуляций то одну часть тела, то другую. Впечатление было такое, будто она все время заглядывает в какой-то заранее составленный перечень, по которому проходится вот уже, наверно, в миллионный раз.

Разумеется, все это было очень интересно, особенно та энергия, с которой все это проделывалось. Но ошеломлен или потрясен я вовсе не был. Я хочу сказать, что почему-то ожидал куда большего от своего пребывания в одной постели с одной из самых известных в мировой истории грешниц.

Когда мне было четырнадцать лет, один бывалый мужчина, который немало просветил меня в отношении тех сил, что двигают всем миром, сказал:

— Сынок, достаточно попробовать только один кусочек, как будешь знать вкус всего остального.

Тогда я только-только лишился невинности, но

уже осмелился не согласиться с ним. Некоторые возражения у меня есть еще, но их все меньше и меньше с каждым прожитым годом. Женщины действительно различны очень многим: фигурой, страстностью, техникой, подходами. Но теперь, после обладания императрицей Византии, — не забывайте об этом: самой Феодорой! я начинаю задумываться над тем, что мой бывалый наставник был, пожалуй, прав. Достаточно испробовать одну, и считай, что знаешь их всех.

42

Я вернулся в Стамбул и отметился в курьерской службе, после чего забрал группу из восьми человек на двухнедельный маршрут.

Ни черная смерть, ни Феодора не смогли вытравить мою страсть к Пульхерии Дукас. Я надеялся стряхнуть с себя это опасное наваждение, окунувшись с головой в работу.

Моя группа состояла из таких экскурсантов:

Дж. Фредерика Гостмэна из Байлоккси, штат Миссисипи, мелкого дельца в сфере торговли медикаментами и трансплантантами, его жены Луизы, их шестнадцатилетней дочери Пальмиры и четырнадцатилетнего сына Бильбо;

Конрада Зауэрабенда из Сент-Луиса, штат Миссури, биржевого маклера, путешествующего в одиночку; мисс Эстер Пистил из Бруклина, Нью-Йорк, молодой школьной учительницы; Леопольда Хэггинса из Санкт-Петербурга, штат Флорида, отошедшего от дел фабриканта, и его жены Крайстэл.

Короче — это был стандартный набор обожравшихся деньгами, но недоучившихся бездельни-

ков. Зауэрабенд, который оказался мордатым сердитым толстяком, сразу же люто невзлюбил Гостмэна, который был мордатым, но общительным и добродушным толстяком. Гостмэн отпустил шутливое замечание по поводу того, что Зауэрабенд пытался заглянуть за пазуху его дочери во время одного из инструктажей. Я не сомневаюсь в том, что Гостмэн пошутил, но Зауэрабенд раскраснелся и пришел в ярость, в результате чего Пальмира, которая в свои шестнадцать лет была настолько инфантильной, что вполне могла сойти за тринадцатилетнюю, выбежала из комнаты вся в слезах. Я постарался уладить ссору, но Зауэрабенд продолжал метать в сторону Гостмэна свирепые взгляды.

Мисс Пистил, школьная учительница, блондинка с отсутствовавшим вглядом, искусственно увеличенной грудью и лицом, которому она умудрялась придавать одновременно выражение строгости и томности, уже на первом же нашем занятии с непоколебимой решительностью повела себя так, будто она участвует в подобных маршрутах только с одной целью, чтобы ею пользовались курьеры. Но даже если бы я и не был всецело поглощен Пульхерией, не думаю, что злоупотребил бы ее доступностью. А в той ситуации,

в которой я теперь оказался, у меня вообще не было никакого, даже самого малейшего желания проверить, чем может похвастаться мисс Пистил ниже пояса.

Совсем иное дело — юный Бильбо Гостмэн, который оказался таким модником, что носил панталончики, подбитые спереди подушечками (если в моду вошли лифы, характерные для критянах второго тысячелетия до Рождества Христова, то почему не могли снова стать модными гульфики?); руки его оказались под юбкой у мисс Пистил уже на нашем втором инструктаже. Он полагал, что проделывает это совершенно незаметно, но это сразу стало для меня очевидным, как не ускользнуло и от внимания папаши Гостмэна, который весь аж засветился, испытывая родительскую гордость за такого сына. Не удалось ему укрыть свои попытки и от взгляда Хэггинс, которая была настолько потрясена, что ее едва не хватил удар. У мисс Пистил был очень взволнованный вид, ее уже трясло мелкой дрожью, и она то и дело извивалась на месте, чтобы юному Бильбо было удобнее продолжать свое ознакомление с нею. Тем временем мистер Леопольд Хэггинс, которому было восемьдесят пять лет и от которого остались, пожалуй, только

кожа да кости, с надеждой подмигивал миссис Луизе Гостмэн — спокойной женщине с характерной для хранительницы семейного очага внешностью, уделом которой стал постоянный отпор трепетным домогательствам престарелого негодника.

Вот мы и отправились вместе на этот двухнедельный счастливый маршрут.

Я снова оказался самым низкосортным курьером. Мне никак не удавалось вызвать в себе то вдохновение, что посещало меня раньше. Я показывал своей группе все, что было положено, но не способен был ни на что, не предусмотренное в маршруте. Я был не в состоянии последовательностью мелких прыжков развернуть перед своими туристами панораму событий во всей ее цельности и полноте, как это делал Метаксас, и как я сам собирался всегда поступать в качестве курьера времени.

Частично мои беды объяснялись неопределенностью моего положения в отношении Пульхерии. Образ ее тысячи раз за день представал перед моим мысленным взором. Я представлял себе, как я перепрыгиваю в 1105 год и начинаю планомерную обработку Пульхерии; она несомненно, помнит меня по лавке с пряностями,

как я помню не допускавшее никаких других толкований, неприкрытое приглашение, которое она выразила тогда без слов.

Моя беда заключалась еще в том, что начало притупляться ощущение чуда, которое осуществилось благодаря путешествиям во времени. Я провел на византийском маршруте вот уже почти полгода, и чарующий трепет, который я испытывал раньше, понемногу пропадал. Одаренный курьер — такой, как Метаксас — способен столь же сильно волноваться при виде тысячной по счету коронации императора, как и в первый раз. И передать свое возбужденное состояние людям, которых он сопровождает. Возможно, я не был от природы одаренным курьером. Мне наскучили церемония освящения Айя-Софии и крещение Феодосия Второго, как прислуге дома терпимости надоедает смотреть на разворачивающиеся у нее перед глазами оргии.

И еще мои неприятности в какой-то мере были связаны с присутствием в моей группе Конрада Зауэрабенда. Этот жирный, вечно потный, неряшливый господин становился для меня невыносимо противным всякий раз, как только он открывал рот.

Он был неглуп, хитер, но слишком уж вульга-

рен и груб, неотесанный деревенский чурбан. От него всегда можно было ожидать какого-нибудь, совершенно неуместного, замечания где угодно и когда угодно.

В Августеуме он присвистнул и произнес:

— Какая шикарная автостоянка могла бы здесь разместиться!

Внутри Айя-Софии он похлопал по плечу седобородого священника и доверительно поведал ему:

— Единственное, что хотел бы сказать вам, батюшка, так это: какая у вас здесь миленькая церковка!

Во время посещения эпохи иконоборчества, наступившей в период правления Льва Исаврийского, когда лучшие произведения живописи в Византии уничтожались под предлогом борьбы с идолопоклонством, он перебил страстную речь одного из самых ревностных фанатиков-иконоборцев вопросом:

— Эй, вы что, совсем с ума посходили? Не понимаете, что тем самым губите туристский промысел в этом городе?

Кроме того, Зауэрабенд был совратителем малолетних и открыто гордился этим.

— Я ничего не в силах поделать с этим, — объ-

яснял он. — Вот такой у меня бзик. Мой старик называет это комплексом Политы. Мне они нравятся, когда им двенадцать, ну от силы тринадцать лет. Сами понимаете: достаточно взрослые, чтобы у них уже начались месячные и выросло немножко волосенок тут и там, но все же еще не полностью созревшие. Вкусить до того, как у женщины вырастет грудь — вот мой идеал. Я терпеть не могу покачивающееся женское мясо. Приятненький бзик, верно?

Верно, весьма приятненький. Тем не менее, для нашей группы совершенно непотребный, потому что в ней была Пальмира Гостмэн — Зауэрабенд непрерывно алчно на нее поглядывал. Жилье, предоставляемое туристам во времени, далеко не всегда обеспечивает достаточное уединение, поэтому влюбленные взгляды Зауэрабенда довели бедное дитя до отчаяния. Он все время околачивался возле нее, неся несусветную чушь. Это вынуждало ее одеваться и раздеваться под одеялом, как будто это было девятнадцатое или двадцатое столетие; а когда ее папаша не смотрел в ее сторону, Зауэрабенд гладил своими жирными лапами крохотные бугорки ее грудей и шептал ей на ухо непристойные предложения. В конце концов я был вынужден предупредить его

о том, что если он не оставит Пальмиру в покое, мне придется вышвырнуть его с маршрута. Это отрезвило его на несколько дней. Отец девочки, между прочим, счел весь этот инцидент весьма забавным.

— Может быть, девчонка как раз и нуждается в хорошей встряске, сказал он мне, — после которой она и начнет наливаться всеми положенными соками, а?

Папаша Гостмэн также одобрительно относился к шашням своего сыночка Бильбо с мисс Пистил, хотя нам всем стали изрядно досаждать, так как мы тратили ужасно много времени зря, каждый раз дожидаясь, когда эта парочка закончит свое очередное совокупление. Бывало и так: когда я предварительно знакомил своих подопечных с тем, что они должны увидеть, Бильбо пристраивался к мисс Пистил сзади, и вдруг лицо ее начинало выражать томление, и я уже знал, что он снова принялся за свое, задрав ей юбку, и не успокоится, пока лица их не исказятся в экстазе. Все это время Бильбо ходил довольный, как кот, вылизавший целую тарелку сметаны, что было, по-моему, вполне оправдано для четырнадцатилетнего мальчишки, добившегося любовных утех с женщиной, которая была

старше его на добрых десять лет. У мисс Пистил вид был довольно виноватый. Тем не менее, ее растревоженная совесть не препятствовала ей отворять врата рая для Бильбо раза три-четыре ежедневно.

Не нахожу, что все это способствует творческому отношению курьера к своей работе.

Были и еще некоторые более мелкие неприятности, такие, как безрезультатные домогательства престарелого мистера Хэггинса, который немилосердно преследовал бестолковую миссис Гостмэн. Или то упорство, с которым возился со своим таймером Зауэрабенд.

— Видите ли, — неоднократно заявлял он, — могу биться об заклад, что я-таки сумею расколоть эту штуковину, чтобы управляться с нею без вашей помощи. Я ведь, да будет вам известно, был инженером до того, как стал брокером.

Я велел ему оставить свой таймер в покое. Однако в мое отсутствие он явно продолжал в нем ковыряться.

И еще одной «головной болью» стал для меня Капистрано, с которым я случайно повстречался в 1097 году, когда в Константинополь входили крестоносцы под предводительством Боэмунда. Он объявился как раз тогда, когда все мое внима-

ние было сосредоточено на корректировке сцены с Мэрдж Хефферин. Я хотел проверить, насколько надежными были произведенные много изменения в прошлом.

На этот раз я расположил своих людей на противоположной стороне улицы. Да, я заметил себя напротив; как заметил и Мэрдж, которой стало уже совсем невтерпеж, и она готова была броситься на шею Боэмунду; были там и все остальные участники того маршрута. По мере того, как мимо нас торжественным маршем проходили крестоносцы, голова моя все больше кружилась от тревожного ожидания. Что я увижу: как я спасаю Мэрдж или как она выскакивает на улицу, где ее ждет страшная смерть? Или перед моими глазами предстанет какой-нибудь третий вариант? Текучесть, переменчивость потока времени — вот что меня ужасно беспокоило.

Боэмунд все ближе. Мэрдж распускает свою тунику. Наружу вываливаются тяжелые белые груди. Она вся напрягается и изготавливается к рывку на мостовую. И вдруг как бы ниоткуда появляется второй Джад Эллиот, точно позади нее. Я вижу ошеломленное лицо Мэрдж, когда стальные пальцы моего «альтер эго», как когти, впиваются в ее задницу; вижу, как взлетает вто-

рая рука, чтобы обхватить ее грудь; вижу, как она корчится, извивается, борется со мной, затем в бессилии оседает. И пока Боэмунд проходит мимо, я вижу, как сам исчезаю, оставив «нас» двоих, по одному на каждой стороне широкого проспекта, по которому торжественно шествует христово воинство.

Я облегченно вздохнул. И все же какое-то смутное беспокойство не покидало меня, ибо теперь я уже точно знал, что моя корректировка этой сцены так запечатлена в потоке времени, что ее может заметить кто угодно.

Включая и кого-нибудь из патруля времени, который, вдруг обнаружит «удвоения» одного из курьеров, захочет выяснить, что же явилось причиной этому. В любой момент патруль может воспроизвести и эту, и первоначальную сцены — и тогда, пусть даже это оставалось бы нераскрытым вплоть до какого-нибудь десятимиллионного года после Рождества Христова, я буду привлечен к ответственности за произведенную несанкционированную корректировку хода исторических событий. Я временами уже ощущал стальную руку на своем плече, слышал голос, провозглашавший мое имя…

И я действительно ощутил руку на своем плече,

услышал голос, окликавший меня по имени.

Я резко обернулся.

— Капистрано?

— Разумеется, Капистрано. А ты разве ждал кого-нибудь другого?

— Я… я… вы застали меня врасплох, вот и все. — Я весь дрожал. У меня даже колени стали мокрыми.

Он был каким-то задерганным и осунувшимся; некогда блестящие темные волосы поседели и неровными прядями свисали вниз; он сильно похудел и выглядел на двадцать лет старше того Капистрано, с которым я был знаком. Я учуял, что это временный разрыв и испытал, уже ставший для меня привычным, страх при столкновении с кем-нибудь из моего собственного будущего.

— Что за беда с вами стряслась? — спросил я.

— Я распадаюсь на части. Меня всего ломает. Взгляни-ка, вон мои туристы. — Он показал в сторону сгрудившихся в кучу путешественников во времени, которые внимательно следили за прохождением крестоносцев. — Я не могу больше оставаться с ними. Меня тошнит от них. Тошнит от всего. Это мой конец, Эллиот, крышка да и только!

— Почему? Что не сложилось?

— Я не могу говорить об этом здесь. Где ты остановился на ночлег?

— Здесь же, в 1097-ом. На постоялом дворе у Золотого Рога.

— Я навещу тебя в полночь, — произнес Капистрано. На какое-то мгновенье он сжал мой локоть. — Это конец, Эллиот, в самом деле, конец. Да будет милость Господня грешной моей душе!

43

Капистрано появился на постоялом дворе за несколько минут до полуночи. Под плащом он приволок пузатую бутылку, которую тут же откупорил и протянул мне.

— Коньяк, — сказал он. — Из 1825 года, разлива 1775-го. Я только-только притащил его вверх по линии.

Я пригубил прямо из бутылки. Капистрано плюхнулся передо мной.

Никогда он еще не выглядел так плохо: постаревший, высохший, сгорбившийся.

Он взял у меня коньяк и стал пить — много, жадно.

— Прежде, чем вы что-нибудь скажете, — попросил я его, — мне хотелось бы узнать, какой у вас сейчас временной базис. Меня очень пугают разрывы времени.

— Нет никаких разрывов.

— Как так?

— Мой базис — декабрь 2059 года. Точно такой же, как и у тебя.

— Невероятно!

— Невероятно? — повторил он вслед за мною. — Как это ты можешь говорить такое?

— В последний раз, когда я вас видел, вам не было еще сорока лет. А теперь вам далеко за пятьдесят. Не водите меня за нос, Капистрано. Ваш базис где-то в году 2070, разве не так? А если это в самом деле так, то ради Бога, не рассказывайте мне ничего о тех годах, которые для меня пока еще являются будущими!

— Мой базис — 2059 год, — уже со злостью произнес Капистрано. По хриплости его голоса я понял, что эта бутылка коньяка была у него не первой сегодня вечером. — Я сейчас ничуть не старше, чем мне надлежало бы быть по твоим расчетам, — сказал он. — Беда же моя в том, что я теперь мертвец.

— Не понимаю.

— В прошлом месяце я тебе рассказывал о своей прабабке, турчанке?

— Да.

— Сегодня утром я отправился вниз по линии в Стамбул 1955 года. Моей прабабке тогда было семнадцать лет, она еще не была замужем. В момент полного отчаянья я задушил ее и тело швырнул в Босфор. Дело было ночью, шел дождь; никто нас не видел. Я мертвец, Эллиот. Труп.

— Нет, Капистрано!

— Говорил я тебе, давным-давно, что когда придет время, я именно таким образом уйду из жизни? Теперь больше нет той турецкой шлюхи, которая обманом заставила моего прадеда вступить в позорнейший брак. А вместе с нею нет и меня. Стоит мне только вернуться в нынешнее время, как я тут же исчезну, будто никогда и не существовал вовсе. Что же мне делать, Эллиот?

Посоветуй. Следует ли мне шунтироваться вниз по линии прямо сейчас и завершить комедию?

Весь вспотев и еще глотнув коньяка, я произнес:

— Приведите мне точную дату вашей остановки в 1955 году. Я прямо сейчас отправлюсь вниз по линии и не дам нанести вашей прабабке какой-либо вред.

— Не смей!

— Тогда сделайте это сами. Появитесь там в последнюю секунду и спасите ее, Капистрано!

Он взглянул на меня печально.

— А какой в этом смысл? Рано или поздно, я все равно убью ее снова. Я не могу иначе. Это моя судьба. А теперь я шунтируюсь вниз прямо сейчас. Ты присмотришь за моими людьми?

— У меня здесь своя группа на маршруте, — на-

помнил я ему.

— Конечно. Тебе не справиться с двумя. Тогда помоги им, чтобы они хотя бы не застряли. Здесь я должен исчезнуть… должен уйти…

Рука его уже лежала на таймере.

— Капис…

Шунтируясь, он забрал с собой коньяк.

Исчез. Полностью и бесповоротно. Самоубийца, ставший жертвой собственного времяпреступления. Вычеркнут начисто из скрижалей истории. Я понятия не имел, каким образом можно было бы исправить положение.

Предположим, я спускаюсь в 1955 год и не даю ему убить свою прабабку.

Сейчас в нынешнем времени он уже не существует. Могу ли я задним числом «восстановить» его? Проявится ли действие парадокса транзитного отстранения в обратном порядке? Над подобным я еще не задумывался. Мне очень хотелось сделать все, что только было в моих силах, ради Капистрано.

И мне еще надо было позаботиться о его застрявших здесь туристах.

Я размышлял над этими проблемами примерно час. В конце концов я пришел к весьма здравому, хотя и не очень-то романтичному заключению:

меня это совершенно не касается, вот что я решил, и лучше всего вызвать патруль времени. С большой неохотой я нажал на кнопку экстренного вызова на своем таймере, подав сигнал, по которому, как считалось, можно сразу же вызвать патрульную службу.

Тотчас же рядом со мной материализовался патрульный. Дэйв Ван-Дам, тот самый светловолосый невоспитанный боров, с которым я познакомился в первый день моего пребывания в Стамбуле.

— Ну? — произнес он.

— Времяпреступное самоубийство, — сообщил я ему. — Капистрано только что убил свою прабабку и шунтировался в нынешнее время.

— Вот гнусный сукин сын. Почему мы должны возиться с этими шаткими ублюдками?

— Он также бросил здесь на произвол судьбы группу туристов, — добавил я. — Вот почему, собственно, я вас и вызвал.

Ван-Дам со злостью плюнул на пол.

— Гнусный он сукин сын, — еще раз повторил он. — Ладно, я займусь этим. — И, прикоснувшись к своему таймеру, исчез из моей комнаты.

Я был очень опечален такой глупой смертью. Ведь человеческая жизнь цена сама по себе. Я

вспоминал шарм, которым, несомненно, обладал Капистрано, его привлекательность, впечатлительность, — и вот все эти прекрасные качества были уничтожены в момент опьянения, когда он поддался преступному импульсу. Я не плакал, но мне ох, как хотелось потренировать свои ноги на окружавшей меня жалкой мебели, и я не упустил такой возможности. Поднятый мною шум разбудил мисс Пистил, которая, широко зевнув, пробормотала:

— На нас что, кто-то напал?

— На вас — так да! — прорычал я и, чтобы хоть как-то утолить ярость и облегчить свои муки, плюхнулся на ее постель, буквально протаранив ее.

Поначалу она несколько смутилась, но когда до нее полностью дошло, что происходит, тотчас же вступила со мной в самое тесное сотрудничество.

Нашему взаимопониманию пришел конец через полминуты, после чего я оставил ее, еще трепещущую, Бильбо Гостмэну. Все еще под влиянием дурного настроения я разбудил хозяина постоялого двора, потребовал себе самого лучшего, какое только есть у него, вина, и в одиночку напился так, что вскоре уже ничего не сообра-

жал.

Гораздо позже я узнал, что вся исполненная мною мелодрама была абсолютно бессмысленной. Этот скользкий паршивец Капистрано в самую последнюю секунду передумал. Вместо того, чтобы шунтироваться в 2059 год, что автоматически означало его самоуничтожение, он остался вверху по линии в 1600 году, женившись на дочери турецкого паши и прижив с нею троих детей. Патрулю времени не удавалось выследить его до самого 1607 года, откуда его в конце концов выдернули в 2060 год, и уж тогда за множество совершенных им времяпреступлений приговорили к полному уничтожению. Так или иначе, он свел счеты со своей жизнью, но совершенно не тем романтическим образом, каким ему мечталось. Патрулю также еще пришлось предотвратить убийство прабабушки Капистрано и помешать ему жениться на дочери паши в 1600 году, тем самым выбросить из нынешнего континуума троих родившихся от него детей, и в довершение к этому отыскать и спасти брошенных им туристов. Так что он заставил крепко попотеть сотрудников Службы Времени.

— Если кому-то так уж невтерпеж совершить самоубийство, — подвел черту Дэйв Ван-Дам, —

то почему бы, черт побери, просто не выпить сверхдозу снотворного и не избавить всех нас от головной боли?

Мне оставалось только согласиться с ним. Это был единственный случай за всю мою жизнь, когда я и патрульный времени одинаково оценили происходящее.

44

Переполох, устроенный Капистрано, и отвращение, которое вызывали у меня моя группа туристов, ввергли меня в бездну печали.

Я угрюмо перемещался из эпохи в эпоху. Сердце мое мне больше не принадлежало. И к тому времени — а было это где-то в середине второй недели — когда мы достигли 1204 года, я уже знал, что готов совершить нечто гибельное для себя.

Пока же я с собачьим упорством проводил обычную вводную лекцию.

— Старый дух крестоносцев постепенно оживал, — повествовал я, искоса поглядывая на Бильбо, который снова шалил с мисс Пистил, и хмуро взирая на Зауэрабенда, который бредил наяву Пальмирой Гостмэн, с ее жалкой девичьей грудью. — Иерусалим, который крестоносцы захватили столетие тому назад, вновь перешел в руки сарацинов, однако различные династии крестоносцев все еще контролировали большую часть средиземноморского побережья Святой Земли. Арабы сейчас втянуты в междоусобные войны. В 1199 году папа Иннокентий третий при-

звал к новому крестовому походу.

Я рассказал о том, как откликнулись на призыв папы различные феодалы.

Не забыл упомянуть и о том, как не хотели крестоносцы идти по суше через всю Европу и дальше через Малую Азию в Сирию, о том, что они предпочли морской путь, предполагая высадиться в одной из палестинских гаваней. Поведал своим людям, что в 1202 году при транспортировке войск крестоносцы обратились за помощью к Венеции, ведущей морской державе Европы того времени. Назвал условия, на которых дряхлый, но коварный дож Венеции Энрике Дандоло согласился предоставить корабли в их распоряжение.

— Дандоло, — продолжал я, — согласился перевезти четыре с половиной тысячи рыцарей вместе с их лошадьми, девятью тысячами оруженосцев и двадцатью тысячами человек пехоты, а также снаряжением, рассчитанным на девятимесячный поход. Он также выделил пятьдесят вооруженных галер, которые должны были сопровождать этот конвой. За эти услуги он запросил восемьдесят пять тысяч серебряных марок, то есть около двадцати миллионов долларов в нашей валюте. Плюс половину территории и сокровищ, которые достанутся крестоносцам в

результате вооруженной борьбы.

Я объяснил, что крестоносцы согласились на эту чрезмерную цену, рассчитывая надуть слепого старика-дожа. Обрисовал, как этот слепой старик, когда крестоносцы начали скапливаться в Венеции, вытряс из них все, каждую причитающуюся ему марку, и только после этого отпустил их дальше. Описал, как этот престарелый монстр взял в свои руки полный контроль над Крестовым Походом и отплыл, командуя всем флотом, в пасхальный понедельник 1203 года, но курс взял не на Святые Земли, а на Константинополь.

Я изложил им ситуацию, которая к этому времени сложилась в системе правления Византией. Династия Комнинов подошла к своему весьма печальному концу. Когда в 1180 году умер император Мануил Второй, трон унаследовал его молодой сын Алексей Второй, однако он был вскоре убит совершенно безнравственным двоюродным братом своего отца Андроником. Но и сам распутник Андроник был умерщвлен самым ужасным образом разъяренной толпой после того, как очень жестоко правил в течение нескольких лет, и в 1185 году на трон взошел Исаак Ангел, уже немолодой и заикающийся внук по женской линии императора Алексея Пер-

вого. Исаак правил в течение десяти лет, правил бестолково, пока и его не свергли — ослепили и бросили в темницу по указанию его собственного брата, который и стал императором Алексеем Третьим.

— Алексей Третий еще правит, — сказал я, — а Исаак Ангел все еще томится в темнице. Но вот сын Исаака, тоже Алексей, спасся бегством и сейчас находится в Венеции. Он пообещал Дандоло огромные суммы денег, если тот восстановит на троне его отца. И вот теперь Дандоло направляется в Константинополь, чтобы свергнуть Алексея Третьего, а Исаака сделать своей марионеткой.

Мои туристы не очень-то вникали в такие тонкости. Мне это было как-то безразлично. Я знал, что они сами до многого дойдут, как только увидят воочию, какой оборот примут события.

Я показал им прибытие в Константинополь участников Четвертого Крестового Похода в конце июня 1203 года. Я предоставил им возможность посмотреть, как Дандоло руководит захватом Скутари — пригорода Константинополя на азиатском берегу Босфора. Я не преминул подчеркнуть, что вход в константинопольскую гавань охраняется огромной башней и двадцатью византийскими галерами и перегорожен массив-

ной железной цепью. Я привлек их внимание к той сцене, когда венецианские матросы взяли на абордаж и увели в плен византийские галеры, а один из кораблей Дандоло, оборудованный чудовищными стальными ножницами, перерубил цепь и открыл проход для захватчиков в Золотой Рог. И позволил им посмотреть на то, как этот сверхчеловек Дандоло, которому было уже девяносто лет, лично возглавил штурм крепостных валов Константинополя.

— Еще никогда прежде, — заметил я, — не удавалось захватчикам силой прорваться внутрь города.

С безопасного расстояния, смешавшись с радостно возбужденной толпой, мы наблюдали за тем, как Дандоло освобождает Исаака Ангела из подземного заточения и нарекает его императором Византии, коронует также и его сына в качестве соправителя под именем Алексея Четвертого.

— Теперь, — комментировал я, — Алексей Четвертый приглашает крестоносцев провести зиму в Константинополе за его счет для тщательной подготовки к вторжению в Святую Землю. Такое предложение сказалось опрометчивым с его стороны. Теперь он и сам обречен.

Мы шунтировались вниз по линии в весну 1204 года.

— Алексей Четвертый, — продолжал я, — обнаружил, что постой тысяч крестоносцев в Константинополе совершенно опустошил византийскую казну. Он говорит Дандоло, что денег у него уже нет и что он не может больше принимать на себя расходы по содержанию крестоносцев. Между ними завязывается яростная перепалка. Пока она продолжается, в городе занимается пожар. Никто не знает, кто его вызвал, но Алексей подозревает в поджогах венецианцев. Он поджигает семь обветшавших судов и пускает их по течению прямо в гущу венецианских кораблей. Смотрите.

Мы видели этот пожар. Видели, как венецианцы с помощью абордажных крючьев оттаскивают объятые пламенем корпуса горящих судов подальше от своих кораблей. Затем стали свидетелями того, как в Константинополе неожиданно вспыхнуло всеобщее восстание, византийцы свергли с трона Алексея Четвертого как орудие политики венецианцев и предали его смертной казни.

— Престарелый Исаак Ангел умирает несколькими днями позже, — сообщил я. — Византийцы выкапывают неизвестно откуда зятя изгнанного

императора Алексея Третьего и возводят его на трон под именем Алексея Пятого. Этот зять принадлежит к знаменитому роду Дукасов. Дандоло лишился обоих своих марионеточных императоров и теперь он вне себя от ярости. Венецианцы и крестоносцы решают теперь захватить Константинополь и установить там свое правление.

Еще раз я провел свою туристскую группу по различным сценам битвы. 8 апреля началась борьба за овладение Константинополем. Пожарища, резня, насилия, Алексей Пятый трусливо бежит, захватчики подвергают город разграблению. 13 апреля, Айя-София: крестоносцы уничтожают хоры и клирос собора с его двенадцатью колоннами из чистого серебра, растаскивают на отдельные части алтарь и забирают сорок церковных чаш и десятки серебряных подсвечников, а также забирают себе Евангелие, святые кресты, обивку алтаря и сорок огромных лампад из чистого золота. Бонифаций Монферратский, предводитель крестоносцев, занимает императорский дворец. Дандоло похищает четыре огромные бронзовые конские статуи, которые привез сюда из Египта император Константин за девятьсот лет до этого; он заберет их в Венецию и установит над входом в собор святого Марка,

где они стоят до нашего времени. Священники, сопровождающие крестоносцев, торопятся отхватить священные реликвии: два больших куска от истинного креста, острие священного копья, гвозди, которыми Христос был прибит к кресту, и много других подобных предметов, с давних лет почитавшихся византийцами.

Насмотревшись на сцены разнузданных грабежей, мы перенеслись в середину мая.

— Сейчас предстоит избрание нового императора Византии, — пояснил я.

— Он не будет византийцем. Императором станет пришелец с запада, франк, латинянин. Завоеватели изберут императором Балдуина Фландрского. Мы увидим процессию, которая сопровождала коронацию.

Мы ждали снаружи Айя-Софии. Внутри собора Балдуин Фландрский облачился в императорскую мантию, усыпанную бриллиантами и расшитую фигурами орлов; ему были вручены скипетр и золотая держава; он преклонил колена перед алтарем и получил помазание на царствие; на голову ему была одета корона; он взобрался на трон.

— Вот он выходит, — сказал я.

На белой лошади, весь в сверкающих одеяни-

ях, прямо-таки полыхающих огнем, император Византии Балдуин верхом проделывает путь от собора к дворцу. С большой неохотой, с угрюмыми лицами население Византии свидетельствует почтение своему нынешнему чужеземному повелителю.

— Большая часть византийской знати бежала, — сказал я своим туристам, которым страстно хотелось еще битв и пожаров. — Аристократия рассеялась по Малой Азии, Албании, Болгарии, Греции. В течение пятидесяти семи лет здесь будут править латиняне, хотя правление императора Балдуина будет непродолжительным. Через десять месяцев он поведет войско против византийских повстанцев и будет ими захвачен в плен, из которого ему уже не вернуться.

— А когда же крестоносцы дойдут до Иерусалима? — спросила Крайстэл Хэггинс.

— Эти? Никогда. Они и не собирались туда идти. Некоторые из них останутся здесь, став правителями отдельных провинций бывшей Византийской империи. Остальные, нагрузившись добром, награбленным в Византии, возвратятся домой.

— Потрясающе — прямо дух захватывает! — воскликнула миссис Хэггинс. Я показал им

покорение Византии латинянами точно, как это описывается в рекламных буклетах. Затем мы вернулись на свой постоялый двор. Ужасная усталость охватила меня. Внезапно я почувствовал, что не могу больше терпеть их присутствие. Мы пообедали, и они отошли ко сну, по крайней мере, разошлись по кроватям. Я постоял некоторое время, слыша страстные стоны мисс Пистил и нетерпеливое сопение Бильбо Гостмэна. Долетали до меня и вскрики Пальмиры, когда Конрад Зауэрабенд исподтишка щекотал ее бедра в темноте, а затем я сам едва не задохнулся от слез ярости, неожиданно нахлынувших на меня, и не в силах больше подавлять в себе искушение, прикоснувшись к своему таймеру, шунтировался вверх по линии. В 1105 год, к Пульхерии Дукас.

45

Метаксас, как всегда, был рад посодействовать.

— Это займет несколько дней, — сказал он. — Связь здесь работает очень медленно. Гонцы пешком покрывают расстояние между адресатами.

— Мне подождать здесь?

— А зачем? — удивился Метаксас. — Ведь у тебя есть таймер. Перепрыгни через три дня, к тому времени, возможно, все уже будет подготовлено.

Я прыгнул вниз на три дня. Метаксас тут же меня успокоил.

— Все в порядке.

Ему удалось устроить мне приглашение на званый вечер во дворце Дукаса. Все, кто занимал хоть какое-нибудь значительное положение, должны были там собраться — вплоть до императора Алексея Комнина. Для прикрытия я должен был представляться как дальний родственник Метаксаса, живущий в глухой провинции, в Эпире.

— Говори с деревенским акцентом, — предупредил меня Метаксас. — Проливай вино себе на подбородок и как можно громче чавкай. Звать

тебя будут… э… Никетасом Гиртаценасом.

Я покачал головой.

— Слишком уж замысловато. Это не для меня.

— Ну, тогда Георгием Гиртаценасом?

— Георгием Маркезинисом, — сказал я.

— Слишком уж пахнет двадцатым столетием.

— Для них это будет звучать вполне провинциальным именем, — сказал я и отправился на званый вечер к Дукасу как Георгий Маркезинис.

У ворот сверкающего мрамором дворца Дукаса я увидел более двух десятков варяжских стражников, стоявших на карауле. Присутствие этих светлобородых норвежских варваров, ядра личной императорской охраны, указывало на то, что Алексей уже здесь. Мы прошли внутрь. Метаксас привел на этот вечер свою прекрасную и шикарно распутную прародительницу Евдокию.

У меня сразу же едва не закружилась голова от того, что меня ждало внутри. Музыканты. Рабы. Столы с горами самой различной снеди. Вина.

Разряженные мужчины и женщины. Превосходные мозаичные полы; увешанные гобеленами стены; повсюду масса золотого шитья и толстой позолоты; раскаты переливчатого смеха; мерцание женской плоти под почти прозрачными шелками.

Я сразу же увидел Пульхерию.

Пульхерия увидела меня.

Наши глаза встретились, как встретились они в лавке, она узнала меня и загадочно улыбнулась. И снова будто разряд электрического тока прошел между нами. В более позднюю эпоху затрепетал бы ее веер. Здесь же она сняла свои усыпанные бриллиантами перчатки и слегка похлопала ими по левому запястью. Нечто вроде обнадеживающего знака? На ее высоком, гладком лбу блестел золотой обруч. Губы были подведены помадой.

— Ее муж слева от нее, — шепнул мне Метаксас. — Пошли. Я представлю тебя.

Я взглянул на Льва Дукаса, своего много раз прадеда, и гордость за то, что у меня такой выдающийся предок, имела некоторый привкус зависти, которую я испытывал к нему как к мужчине, который каждую ночь ласкает груди Пульхерии.

Ему было, я это знал после внимательного изучения своей родословной, тридцать пять лет, он был вдвое старше своей жены. Высокий мужчина, виски с проседью, нехарактерные для византийца голубые глаза, аккуратно подстриженная короткая бородка. Узкий, с высокой переносицей нос, тонкие, плотно сомкнутые губы. Благодаря

всем этим внешним чертам он мне показался вначале человеком аскетическим, немного даже не от мира сего и вместе с тем необыкновенно величественным, преисполненным чувства собственного достоинства. Он и в самом деле представлял из себя впечатляющее зрелище, не было и следов аскетичности в изысканном покрое его туники, в многочисленных украшениях, кольцах, подвесках и заколках.

Лев царил на этом вечере спокойно и непринужденно, как и приличествовало человеку, который был одной из самых знатных персон государства и который возглавлял ветвь славного рода Дукасов. Однако собственный дом у Льва был еще пуст, и, возможно, по этой причине разглядел я, а, может быть, только вообразил, какую-то печать безысходности на его красивом лице. Пока мы с Метаксасом шли к нему, я уловил обрывок разговора между двумя придворными дамами слева от меня: -…нет детей, и это тем более печально, что у всех братьев Льва их так много. А ведь он самый старший среди нас!

— Однако Пульхерия слишком еще молода. Судя по ее виду, она обязательно будет многодетной матерью.

— Если только удастся положить начало. Ведь

ей уже почти восемнадцать!

Мне хотелось бы приободрить Льва, сказать ему, что его потомство доживет даже до двадцать первого столетия, дать ему знать, что всего лишь через год Пульхерия подарит ему сына, Никетаса, а затем пойдут Симеон, Иосанн, Александр и так далее, и что у Никетаса будет шестеро детей, и среди них — царственный Никифор, которого я видел через семьдесят лет вниз по линии, и что сын Никифора последует в изгнание за главой рода в Албанию, а потом, а потом, а потом…

— Ваша светлость, — произнес Метаксас, — это третий сын сестры моей матери, Георгий Маркезинис из Эпира, который в настоящее время гостит на моей вилле.

— Вы проделали очень долгий путь, — сказал Лев Дукас. — Раньше вы когда-нибудь бывали в Константинополе?

— Никогда, — соврал я. — Замечательный город! Такие соборы! Такие дворцы! Такие бани! А какие яства, вина, одежды! А женщины! Какие прекрасные женщины!

В глазах у Пульхерии сверкнул огонь. Она снова одарила меня своей улыбкой, едва заметной улыбкой уголком рта, так чтоб не видел ее муж. Я знал, что она моя. Сладким ее благоуханием

повеяло в мою сторону. Все во мне млело и трепетало.

— Вы, разумеется, узнали императора?

Величественным взмахом руки он показал на Алексея, окруженного придворными в дальнем конце зала. Я уже видел его раньше: невысокий, коренастый человек с царственной осанкой. Его окружали самые знатные сановники империи и их дамы. Он казался добрым, снисходительным, искушенным в самых различных делах, непринужденным в общении — настоящим наследником цезарей, защитником цивилизации в эти мрачные времена. По настоянию Льва я был представлен ему. Он дружески поздоровался со мною, объявив, что родственник Метаксаса для него столь же дорог, как и сам Метаксас. Мы какое-то время беседовали, император и я. Я очень нервничал, но вел себя крайне учтиво, так что, в конце концов, Лев Дукас даже сказал:

— Вы с такой легкостью разговариваете с императором, будто были знакомы с добрым их десятком, молодой человек.

Я улыбнулся. Я не сказал, что уже несколько раз мельком видел Юстиниана, что присутствовал при крещении Феодосия Второго и Константина Пятого, еще не родившегося Мануила Комнина и

многих других, что коленопреклоненный я стоял в Айя-Софии недалеко от Константина Девятого не далее как вчера вечером, что видел, как Лев Исаврийский руководит уничтожением икон. Я не сказал, что был одним из многих, кто обладал ненасытной императрицей, Феодорой за пять столетий до этого. Я только застенчиво опустил глаза и произнес:

— Благодарю вас, ваша светлость.

46

Византийские званые вечера состоят из музыки, плясок рабынь, некоторой трапезы и обильных возлияний. Опустилась ночь, догорали свечи; собравшаяся здесь знать изрядно подвыпила. В сгущающемся ночном мраке я с легкостью смешался с представителями знатных родов, с мужчинами и женщинами, чьи родовые имена были Комнины, Фокасы, Склеросы, Далласины, Диогены, Ботаниатисы, Цимисхии и Дукасы. Я поддерживал самые утонченные разговоры и сам себя поразил собственной велеречивостью. Я наблюдал, как потихоньку устраиваются супружеские измены за спинами у подвыпивших мужей.

Я учтиво распрощался с императором Алексеем и получил от него приглашение навестить его в Блачерны — во дворце, стоявшем у самой дороги. Я отразил выпады подруги Метаксаса Евдокии, которая слишком перепила и хотела, чтобы я по-быстрому завалил ее тут же, в одной из смежных комнат (она в конце концов наколола Василия Диогена, которому скорее всего,

было лет семьдесят). Я отвечал, причем весьма уклончиво, на вопросы о своем «родственнике» Метаксасе, которого здесь знали абсолютно все, но чье происхождение было для всех полнейшей загадкой. И только через три часа после появления во дворце Дукаса я обнаружил, что наконец-то разговариваю с Пульхерией.

Мы тихонько стояли в одном из углов огромного зала. Нам светили две едва мерцающие свечи. Она казалась немного испуганной, взволнованной, даже возбужденной; грудь ее тяжело поднималась и опускалась, а над верхней губой образовалась пунктирная линия из бусинок пота. Никогда еще за всю жизнь не представала перед моими глазами такая неотразимая красота.

— Полюбуйтесь-ка, — сказала она. — Лев дремлет. Он любит свое вино больше, чем все на свете.

— Красоту он, наверное, любит еще больше, — сказал я. — Вот поэтому он окружил себя со всех сторон красотой различного рода.

— Низкий льстец!

— Нет. Я стараюсь говорить правду.

— Вам это не часто удается, — сказала она. — Кто вы?

— Маркезинис из Эпира, двоюродный брат

Метаксаса.

— Мне это ни о чем не говорит. Я имею в виду, ради чего вы прибыли сюда в Константинополь?

Я набрал полные легкие воздуха.

— Чтобы осуществить свое предназначение — отыскать ту, о которой я давно уже мечтаю, ту, которую я люблю.

Такое признание проняло ее. Семнадцатилетние красавицы очень восприимчивы к подобным вещам, даже в Византии, где девушки созревают рано и в двенадцать лет уже выходят замуж.

Пульхерия разинула рот от удивления, целомудренно прикрыв ладонями высокие курганы своей груди и задрожала. Мне кажется, что даже зрачки у нее мгновенно расширились.

— Это невозможно, — сказала она.

— Нет ничего невозможного.

— Мой муж…

— Крепко спит, — сказал я. — Сегодня же… под этой же крышей…

— Нет. Нельзя.

— Не пытайся побороть судьбу, Пульхерия — от нее не спрячешься.

— Георгий!

— Нас связывают тесные узы! Такие тесные, что простираются на много веков…

— Да, Георгий!

Теперь полегче, дорогой «прапра» много раз правнучек, не болтай слишком много. Ведь это подлое времяпреступление — бахвалиться тем, что ты явился из будущего.

— Это было предопределено, — шептал я. — Иначе быть не может!

— Да! Да!

— Здесь.

— Здесь, — эхом отвечала Пульхерия.

— Скоро.

— Когда разойдутся гости. Когда Лев будет в постели. Я спрячу тебя в комнате, где ты будешь в полной безопасности… Я сама приду к тебе…

— Ты знала, что это должно случиться, — сказал я, — еще в тот день, когда мы повстречались в лавке.

— Да. Я знала. Уже тогда. Какие чары ты напустил на меня?

— Никаких, Пульхерия. Эти чары действуют на нас обоих. Они влекут нас к друг другу, они подводят нас вот к этому самому мгновенью, это они прядут нити судьбы так, что все они сходятся к нашей встрече, разрушая барьеры, которые возвело время…

— Ты говоришь так странно, Георгий. Так кра-

сиво. Ты, должно быть, поэт.

— Может быть.

— Через два часа ты будешь мой.

— А ты моя, — сказал я.

— И навсегда!

Я вздрогнул, подумав о занесенном надо мной мече патруля времени.

— На веки вечные, Пульхерия.

47

Она окликнула слугу, сказала ему, что молодой человек из Эпира, по-видимому, несколько перепил, и поэтому его надо уложить в одном из покоев для гостей. Я ей подыгрывал, ведя себя так, будто алкоголь в самом деле одурманил мои мозги. Завидев меня, Метаксас пожелал удачи. Затем при свечах я проделал длительное путешествие по извилистым коридорам дворца Дукаса, пока мне не показали просто убранную комнату в самом дальнем закутке. Низкое ложе было единственным предметом обстановки, прямоугольная мозаика в центральной части пола — единственным украшением. Через единственное узкое окно в комнату проникала полоса лунного света. Слуга принес мне таз с водой, пожелал мне хорошо отдохнуть ночью и оставил меня одного.

Я прождал целый миллиард лет.

До меня доносились отдаленные звуки пиршества. Пульхерия не приходила.

Все это шутка, подумалось мне. Розыгрыш. Молодая, но искушенная в светских шалостях

хозяйка дома, решила немножко позабавиться с деревенским родственником. Это заставит меня понервничать и помучиться в одиночестве до самого утра. А затем она пришлет мне слугу, чтобы он накормил меня завтраком, и выставит вон. Или, может быть, через пару часов она велит прийти сюда одной из своих рабынь, которой будет приказано притвориться Пульхерией. Или пришлет сюда беззубую старую каргу, а гости будут наблюдать за нами через потайные отверстия в стенах. Или…

Тысячи раз я задумывался над тем, чтобы бежать отсюда. Для этого достаточно было только прикоснуться к таймеру и шунтироваться в 1204 год, где, беззащитные, спали Конрад Зауэрабенд и Пальмира Гостмэн, мистер и миссис Хэггинс и все остальные мои туристы.

Смыться? Сейчас? Когда все зашло самым благополучным образом столь далеко? Что скажет Метаксас, когда узнает, что у меня не выдержали нервы?

Я вспомнил своего гуру, чернокожего Сэма, вспомнил, как он как-то спросил у меня: «Если тебе выпадет шанс добиться предмета самых сокровенных твоих желаний, ты воспользуешься этим шансом?» Пульхерия как раз была предме-

том моих самых сокровенных желаний.

Теперь я это знал со всей определенностью.

И еще я вспомнил вот такие слова своего учителя Сэма: «Ты — заядлый неудачник, жертва собственной мнительности. Неудачник, во всех без исключений случаях предпочитает наименее желательную альтернативу».

Вот и валяй отсюда, незадачливый «прапра» много раз правнучек. Брысь отсюда, еще до того, как сладкая твоя прародительница сможет предложить тебе благоухание своих женских прелестей.

Вспомнил я и Эмили, девушку из геноателье, обладающую даром пророчества, ее пронзительное предупреждение: «Остерегайся любви в Византии! Остерегайся! Остерегайся!».

Я полюбил. В Византии.

Поднявшись с ложа, я стал мерить шагами комнату. Тысячи раз, оказываясь у двери, прислушивался к еле слышному смеху или далеким песням, а затем поснимал с себя все свои одеяния, аккуратно сложил их на полу рядом с ложем. Теперь я был совершенно голым, на мне ничего не было, кроме таймера, я уже размышлял над тем, не снять ли и его тоже. Что скажет Пульхерия, когда увидит этот коричневый пластмассовый

пояс на моей талии?

Что смогу я объяснить ей?

Я отстегнул таймер, освободившись от него в первый раз находясь вверху по линии. И тут же меня захлестнули волны подлинного ужаса. Без него я чувствовал себя еще более обнаженным, чем просто без одежды. У меня было такое чувство, что с меня содрано все до самых костей. Без таймера вокруг бедер я становился рабом времени, как все остальные смертные. У меня не было возможности быстрого бегства. Если Пульхерия замыслила какую-то жестокую шутку и меня подловят в такой момент, когда у меня не будет возможности тут же подхватить его, — в этом случае я бесповоротно погиб.

Я поспешил водворить таймер на место.

Затем я очень тщательно вымыл все свое тело, очищая себя для Пульхерии. И снова стоял обнаженный у ложа, ожидая еще миллиард лет. С вожделением представил себе темные, набухшие кончики полных грудей Пульхерии и бархатистость кожи с внутренней стороны ее бедер. И взыграло мое мужское естество, достигнув таких экстравагантных пропорций, что я одновременно был горд и смущен.

Мне не хотелось, чтобы именно сейчас вошла

Пульхерия и увидела меня в таком состоянии, стоящего рядом с ложем наготове. Сейчас я напоминал перевернутый трезубец; приветствовать ее таким манером было бы слишком грубо, слишком уж откровенно. Быстренько я снова оделся, чувствуя себя совершенно глупо. И стал ожидать еще один миллиард лет. И увидел уже, как свет зари начинает примешиваться к лунной дорожке, идущей от узкого, как щель, окна.

48

И тогда дверь отворилась, и вошла в комнату Пульхерия, и закрыла дверь за собою на засов.

Она смыла с себя густые румяна и сняла все драгоценности, кроме одной золотой пекторали, а также сменила свое роскошное торжественное облачение на легкую шелковую накидку. Даже при скудном свете этой комнаты я увидел, что под нею она совершенно обнажена, и плавные изгибы ее тела воспламенили меня почти до безумия. Она плавно двинулась ко мне навстречу.

Я взял ее в свои руки и попытался было поцеловать. Она не понимала, что такое поцелуи. Даже поза, которую нужно было принимать для такого контакта, была чужда для нее. Мне пришлось самому приспособить ее к этому.

Я нежно наклонил ее голову. Она улыбнулась, несколько смущенно, но не противилась.

Наши губы соприкоснулись. Мой язык метнулся вперед.

Она задрожала и прижалась ко мне всем телом.

Она старалась как можно быстрее постичь

науку поцелуев.

Мои ладони незаметно соскользнули с ее плеч ниже. Я осторожно стянул с нее накидку. Она снова затрепетала.

Я сосчитал ее груди. Две. Розовые соски. Расставленными своими пальцами я измерил ее талию. Неплохой размер. Затем провел кончиками пальцев по бедрам. Великолепные бедра. Меня привели в восторг две глубокие ямочки в самом низу ее спины.

Она была одновременно застенчивой и раскованной — превосходное сочетание.

Когда я разделся, она увидела таймер и притронулась к нему, стала теребить его пальцами, но не стала спрашивать, что это такое, а скользнула пальцами еще ниже. Мы вместе повалились на ложе.

Видите ли, секс в самом деле весьма занятная штука. Физиологическая его сторона, вот что я сейчас имею в виду. То, что называли «заниматься любовью» в двадцатом столетии; то, что называли «спать вместе». Какие только попытки не делались, чтобы буквально воспеть физиологию этого действа, и какой результат из всего этого получился?

Описывать это с дотошностью ученого-сексо-

патолога равноценно тому, что объяснять, как получить огонь с помощью трения палочки о дощечку.

Сделайте то и сделайте это, а затем продолжайте, пока не добьетесь желаемого результата.

Посмотрите же на все это, как оно происходит в жизни, и вы сами поймете, насколько абсурдны все эти попытки. А с другой стороны, нет-нет, да и закрадется такая мысль: есть ли на свете более глупое, чем это центральное действо, управляющее человеческими эмоциями?

Нет, конечно же нет. Так почему же эта потная возня с Пульхерией так для меня важна (и, может быть, для нее)?

Моя гипотеза заключается в том, что истинное значение секса, хорошего секса, в его символичности. Оно далеко выходит за пределы простого получения удовольствия на очень короткое время в результате определенных телодвижений. Само по себе это удовольствие доступно, в конце-то концов, даже и без участия партнера, разве не так?

Нет, секс — это куда больше, чем простые, инстинктивные телодвижения.

Это праздник души, нашедшей родственную душу, это торжество в честь духовного единения,

кульминация взаимного доверия. Мы как бы говорим друг другу в постели: я отдаюсь тебе в предвкушении, что ты доставишь мне наслаждение, а я со своей стороны, попытаюсь сделать все, чтобы доставить наслаждение тебе. Своего рода социальный контракт, так назовем это. И вся прелесть, все треволнения именно в заключении такого соглашения, но не в удовольствии, которым оно оплачивается.

И еще вы говорите: вот мое обнаженное тело со всеми его недостатками, которое я доверчиво выставляю перед тобой, зная, что ты не будешь над ним насмехаться. И еще вы говорите: я принимаю эту сокровенную связь с тобою даже несмотря на то, что ты можешь передать мне дурную болезнь. Я добровольно подвергаю себя такому риску, потому что ты есть. И еще женщины частенько говаривали, по крайней мере, до самого конца девятнадцатого века или даже в начале двадцатого: я открываю себя для тебя даже несмотря на те возможные биологические последствия, что проявятся через девять месяцев.

Все это куда более существенно, чем чисто физиологические атрибуты.

Именно поэтому никакие механические приспособления для мастурбации никогда не могли

заменить секс и никогда его не заменят.

Вот почему то, что произошло между мною и Пульхерией Дукас в то византийское утро 1105 года, было куда более существенным, чем то, что происходило между мною и императрицей Феодорой на полтысячелетия раньше, или то, что происходило между мною и какою бы ни было другой девушкой тысячелетием позже. И в Феодору, и во множество других девчонок внизу по линии мною было впрыснуто, грубо говоря, примерно одинаковое количество кубических сантиметров солоноватой, вязкой жидкости; но с Пульхерией все было совершенно иначе. С Пульхерией оргазм был чисто символической кульминацией чего-то куда большего. Для меня Пульхерия была воплощением красоты и изящества, и ее быстрая уступчивость сделала меня императором более могущественным, чем Алексей; и пароксизм страсти для нас был вдесятеро менее существенен, чем тот факт, что мы оба, она и я, соединились вместе в доверии, в вере, в разделенном желании, в любви. Вот сердцевина моего мировоззрения. Теперь я стою перед вами, как вытряхнутый из всех своих одежд романтик. Вот основополагающий вывод, который с немалыми трудами я извлек из своего опыта: секс с

любовью куда лучше, чем секс без любви! Что и требовалось доказать. А еще я могу показать, если вы не возражаете, что быть здоровым лучше, чем быть больным, и что обладание большими деньгами лучше, чем бедность. Мои способности к абстрактному мышлению поистине безграничны.

Тем не менее, вполне адекватно расправившись с философскими аспектами проблемы на чисто физиологическом уровне, мы решили повторить поиск доказательств с самого начала еще раз получасом позже. Повторение — душа понимания.

49

После этого мы лежали рядом, лоснясь от пота. Самое время предложить своей партнерше травку и разделить другого рода единение, но, разумеется, здесь это было исключено. Я почувствовал, что чего-то не достает.

— Там, откуда ты родом, там все совсем по-другому? — спросила Пульхерия. — Я имею в виду людей: как они одеваются, о чем говорят.

— Совсем по-другому.

— Я ощущаю какую-то необыкновенность в тебе, Георгий. Даже в том, как ты держал меня в постели. Не то, чтобы я так уж сильно была искушена в таких делах — пойми меня правильно. Ты и Лев — других мужчин у меня никогда не было.

— Это правда?

Глаза ее вспыхнули.

— Ты считаешь меня распутной девкой?

— Разумеется, нет, просто… — тут я совсем запутался. — В моей стране, — безрассудно выпалил я, — девушка принимает много мужчин прежде, чем выйти замуж. Никто против этого не возражает. Таков обычай.

— Здесь совсем не так. Здесь девушек надежно прячут. Я вышла замуж в двенадцать лет, что совсем не оставило мне времени на вольности. — Она нахмурилась, присела, наклонилась ко мне, заглянула мне в глаза. Груди ее соблазнительно свесились. — Неужели у женщин в самом деле такая свобода в твоей стране?

— В самом деле, Пульхерия.

— Но ведь вы тоже византийцы! Вы же не варвары с севера!

— Как это может быть позволено — принимать множество мужчин?

— Таков у нас обычай, — на сей раз голос мой звучал не очень-то убедительно.

— Наверное, ты приехал не из Эпира, — предположила она, — а из какой-то более далекой местности. Еще раз говорю тебе, Георгий, ты очень странный для меня человек.

— Не называй меня Георгием. Называй меня Джадом.

— Джадом?

— Джадом.

— Почему я должна так тебя называть?

— Джад — мое второе имя. Мое настоящее имя. То имя, которое я ощущаю всем своим сознанием. Георгий же — ну, это просто имя, которым я

воспользовался.

— Джад. Джад. Такого имени я никогда даже и не слышала. Ты из очень странных краев! Из очень странных!

Я улыбнулся ей улыбкой сфинкса.

— Я люблю тебя, — сказал я и стал пощипывать губами ее соски, чтобы уйти от этого разговора.

— Так странно, — шептала она. — Так необычно. И все же с самого первого мгновения меня так сильно к тебе влекло. Понимаешь, я никогда не осмеливалась. О, предложения мне делали, десятки предложений, но все они казались мне не настолько стоящими, чтобы рисковать. А потом я увидела тебя и почувствовала прямо таки огонь в себе, сильное желание, жажду, так что ли? Почему? Скажи мне, почему? Ты ничуть не привлекательнее многих других мужчин, которым я могла бы отдать себя, и тем не менее сделала я это только для тебя. Почему?

— Это — судьба, — сказал я ей. — Как я уже говорил раньше.

Непреодолимая сила, которая соединила нас вместе, через… столетия… -…моря, — снова не очень-то убедительно завершил я.

— Ты придешь ко мне еще? — спросила она.

— Еще, и еще, и еще.

— Я что-нибудь придумаю, чтобы мы могли встречаться почаще. Лев ни о чем не догадается. Знаешь, он один из самых главных сановников в казначействе и очень много времени уделяет своим финансовым делам, а тут еще император. Лев почти не обращает на меня внимания. Я просто одна из многих его красивых игрушек. Мы будем встречаться, Джад, и мы будем часто познавать наслаждение вместе, и… — ее темные глаза вспыхнули, -…и, может быть, ты дашь мне дитя.

Я почувствовал, как разверзлись небеса, и все громы и молнии обрушились на меня.

— Пять лет замужества, а я все еще бездетная, — продолжала она. — Сама не пойму. Возможно, я была слишком молодая поначалу — совсем девочка — но вот и теперь тоже ничего. Ничего. Подари мне ребенка, Джад. Лев возблагодарит Бога за это. Я хочу сказать, он будет счастлив. Он посчитает, что это его ребенок — в тебе есть что-то от Дукасов, особенно глаза, так что никаких подозрений не возникнет. Как ты считаешь, мы сделали сегодня ребеночка?

— Нет, — ответил я.

— Нет? Разве ты можешь быть так уверен?

— Я знаю, — вздохнул я.

Я стал гладить ее шелковую кожу. Вот остави-

ла бы ты меня еще на двадцать дней без моей таблетки, и я обязательно наградил бы тебя ребенком, Пульхерия! И такими узлами завязал бы ткань времени, что их бы уже никому не распутать. Стать собственным «прапра» много раз прадедушкой?

Возникнуть из собственного же семени? Неужели время могло бы замкнуться на самое себя, чтобы я смог появиться на свет? Нет. Такое никак не может сойти мне с рук. Я подарю Пульхерии свою страсть, но не роды.

— Вот и светает, — прошептал я.

— Тебе лучше уйти. Куда мне посылать гонцов?

— К Метаксасу.

— Хорошо. Мы встретимся через два дня, да? Я сама все устрою.

— Я твой в любой день, Пульхерия, только скажи.

— Через два дня. А теперь уходи. Я покажу тебе дорогу.

— Это слишком рискованно. Могут проснуться слуги. Возвращайся к себе, Пульхерия. Я сумею выбраться отсюда сам.

— Но… невозможно…

— Я знаю дорогу.

— Откуда ты…

— Клянусь, — сказал я.

В конце концов мне удалось отговорить ее. Мы еще раз поцеловались, она набросила свою накидку, я поймал ее за руку и подтянул к себе, но затем отпустил, и она вышла из комнаты. Я отсчитал шестьдесят секунд.

Затем перенастроил свой таймер и прыгнул вверх по линии на шесть часов.

Званый вечер был в полном разгаре. Осторожно я пересек все здание, тщательно избегая той комнаты, где я сам, но чуть более ранний, еще не вкусивший сладостного тела Пульхерии, непринужденно беседовал с императором Алексеем. Мне удалось незаметно покинуть дворец Дукаса. В темноте ночи, около стены, возведенной у самого берега Золотого Рога, я снова подстроил свой таймер и шунтировался вниз по линии в 1204 год.

И сразу же поспешил на постоялый двор, где оставил своих спящих туристов. Я добрался до него менее, чем через три минуты после своего ухода — мне же казалось что прошло так много дней!

Все в порядке. Я получил наконец эту, столь долгожданную, раскаленную добела ночь страсти,

я очистил свою душу от бремени неизбыточных желаний, и вот я снова владею своим ремеслом, и нет никого на всем белом свете, кто был бы умнее меня. Я проверил кровати.

Мистер и миссис Хэггинс — есть!

Мистер и миссис Гостмэн — есть!

Мисс Пистил и Бильбо — есть!

Пальмира Гостмэн — есть!

Конрад Зауэрабенд, есть? Нет.

Конрад Зауэрабенд…

Зауэрабенда не было. Зауэрабенд отсутствовал. Кровать его была пустой. Зауэрабенд улизнул за эти три минуты моего отсутствия.

Куда?

У меня все похолодело внутри в предчувствии самого ужасного.

Спокойно. Оставайся спокойным. Он вышел по нужде, вот и все.

Он вот-вот вернется.ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ: КУРЬЕРУ ДОЛЖНО БЫТЬ ИЗВЕСТНО, ГДЕ НАХОДИТСЯ В ЛЮБОЙМОМЕНТ ВРЕМЕНИ КАЖДЫЙ ИЗ ТУРИСТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ЕГО ПОПЕЧЕНИИ.

Я зажег факел от огня, еле тлевшего в очаге, и поспешил в коридор.

Зауэрабенд? Зауэрабенд?

Характерных для отправления малой нужды звуков слышно нигде не было.

Так же, как и шума на кухне. Так же, как и звука шагов в винном погребе.

Зауэрабенд?

Куда же это вы, черт бы вас побрал, подевались, свинья вы этакая?

Я все еще ощущал вкус губ Пульхерии на своих губах. Запах ее пота, смешавшегося с моим. Все восхитительные запретные радости транстемпорального кровосмешения все еще продолжали наполнять мою душу!

Патруль времени за это сделает так, будто я никогда и не существовал, вот что сразу же подумалось мне. Я скажу: «У меня потерялся турист», а меня спросят: «Как это произошло?» На что я отвечу: «Я вышел из комнаты на три минуты, а он за это время неизвестно куда исчез». Мне скажут: «Значит три минуты. А разве вам не положено…», а я возмущусь: «Всего-навсего три несчастные минуты! Боже мой, неужели вы считаете, что я в состоянии следить за ними все двадцать четыре часа в сутки?». Мне выразят искреннее сожаление, но тем не менее будет произведена инспекция времени и места происшествия, и при этом будет обнаружено, что я

самым безответственным образом шунтировался вверх по линии. Меня проследят до 1105 года и подловят с Пульхерией, в результате чего будут добыты доказательства не только моей халатности при исполнении обязанностей курьера, но и времяпреступного кровосмешения со своей пра-пра-пра-пра…

Спокойно, спокойно.

Теперь на улицу. Посвети факелом. Зауэрабенд! Зауэрабенд! Зауэрабенд не отзывался.

Будь я на месте Зауэрабенда, куда, интересно, я тайком бы смотался?

В дом к какой-нибудь двенадцатилетней византийской девчонке? Но откуда ему знать, где отыскать такую девчонку? Как пробраться к ней? Нет.

Нет. Он бы не мог этого сделать. Тогда куда же он все-таки подевался?

Бродит по городу? Вышел подышать свежим воздухом? Он должен был сейчас спать. Невинно похрапывать. Нет. Я вспомнил, что, когда я уходил, он не храпел и вообще не спал, он приставал к Пальмире Гостмэн. Я поспешил назад на постоялый двор. Не было ни малейшего смысла бродить вслепую по Константинополю.

В панике я разбудил Пальмиру. Она стала

протирать глаза, чуть простонала жалобно, непонимающе заморгала глазами. На ее голую плоскую грудь упал отблеск от факела.

— Куда подевался Зауэрабенд? — бесцеремонно прошептал я.

— Я велела ему оставить меня в покое. Я сказала ему, что, если он не перестанет ко мне приставать, я откушу эту его штуковину. Свою руку он уже держал вот здесь, и он…

— Все это так, только куда все-таки он подевался?

— Не знаю. Он просто поднялся и отошел. Я заснула, наверное, всего лишь минуты две назад. Для чего это вам потребовалось меня будить?

— Помощи от тебя, как с… — пробормотал я. — Спи себе дальше.

Спокойно, Джадсон, спокойно. Ведь существует такое легкое решение возникших у тебя трудностей. Не будь ты в таком смятении, ты бы об этом подумал давным-давно. Все что тебе нужно сделать — это, произведя коррекцию, вернуть Зауэрабенда в эту комнату точно таким же образом, как удалось тебе воскресить Мэрдж Хефферин.

Это, разумеется, противозаконно. Курьерам не положено заниматься временными коррекциями. Этим может заниматься только патруль. Но

ведь это будет такой незначительной коррекцией. Нужно все обтяпать как можно скорее, и тогда ты сумеешь перехитрить всех. Ведь тебе сошла с рук ревизия эпизода с участием Хефферин, разве не так? Да. Да. Это твой единственный шанс, Джад.

Я уселся на краешек кровати и стал пытаться надлежащим образом распланировать свои дальнейшие действия. Ночь, проведенная с Пульхерией, притупила остроту моего интеллекта. Думай, Джад. Думай так, как никогда еще не думал прежде.

Я с гигантским трудом привел в порядок свои мысли.

Который был час, когда ты шунтировался вверх в 1105 год?

БЕЗ ЧЕТЫРНАДЦАТИ МИНУТ ДВЕНАДЦАТЬ НОЧИ.

Который был час, когда ты вернулся назад вниз по линии в 1204 год?

БЕЗ ОДИННАДЦАТИ МИНУТ ДВЕНАДЦАТЬ НОЧИ.

Который сейчас час?

БЕЗ ОДНОЙ МИНУТЫ ДВЕНАДЦАТЬ.

Когда в таком случае ускользнул из комнаты Зауэрабенд?

ГДЕ-ТО В ПРОМЕЖУТКЕ ОТ БЕЗ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ДО БЕЗ ОДИННАДЦАТИ.

Следовательно, в какое время вверх по линии тебе нужно шунтироваться, чтобы его перехватить?

ПРИМЕРНО В БЕЗ ТРИНАДЦАТИ МИНУТ.

Ты понимаешь, что если не рассчитаешь и прыгнешь в более раннее время, чем без тринадцати минут, ты встретишь свое первоначальное воплощение, когда ты готовился к тому, чтобы отбыть в 1105 год и, следовательно, попадешь под воздействия парадокса удвоения?

ДА, НО ПРИХОДИТСЯ РИСКОВАТЬ. У МЕНЯ СЕЙЧАС НЕПРИЯТНОСТИ ПОСЕРЬЕЗНЕЕ,

ЧЕМ ЭТО.

Значит, лучше все-таки шунтироваться и все по-хорошему уладить.

ВОТ Я И ОТПРАВЛЮСЬ ЗА ЭТИМ.

Я произвел точную настройку таймера и ринулся вверх по линии к моменту за несколько секунд до без тринадцати двенадцать. С облегчением заметил, что моя более ранняя особа уже вышла из комнаты, а Зауэрабенд еще нет. Этот жирный урод все еще оставался в комнате, сидя на своей кровати спиной ко мне.

Теперь уже ничего не стоило помешать ему исчезнуть отсюда. Я просто запрещу ему покидать комнату и продержу его здесь в течение последующих трех минут, тем самым аннулирую его убытие. В тот самый момент, когда сюда возвратится мое предыдущее воплощение, я шунтируюсь на десять минут вниз по линии, занимая первоначально положенное мне место в потоке времени. В этом случае Зауэрабенд будет находиться под непрерывной охраной своего курьера (в одном воплощении или другом) в продолжение всего опасного промежутка времени между без четырнадцати минут двенадцать и далее до самой полуночи. Разумеется, в этом случае окажется еще одно очень ничтожное мгновение моей дубликации, когда сойдутся пути моих двух воплощений, я настолько быстро оставлю

временной уровень своего первоначального воплощения, что Зауэрабенд, по всей вероятности, ничего не заметит. И все станет так, как и положено ему быть.

Да. Очень хорошо.

Я двинулся через всю комнату к Зауэрабенду, чтобы перегородить ему дорогу, когда он попытается уйти отсюда. Он резко повернулся, не вставая с кровати, и увидел меня.

— Вы вернулись? — спросил он.

— Разумеется. И я не…

Он притронулся рукой к своему таймеру и исчез.

— Погодите! — завопил я, разбудив всю группу. — Не смейте этого делать! Это невозможно! Таймер туриста не…

Мой вопль захлебнулся, перейдя в совершенно идиотский клекот.

Зауэрабенд исчез, шунтировавшись прямо у меня на глазах. Низринувшись туда, откуда его нельзя привести назад. Мерзкий, гнусный, совершенно испорченный тип! Возившийся со своим таймером и бахвалившейся тем, что ему удастся активировать его без моей помощи! Каким-то образом он ухитрился свернуть предохранитель и добраться до пульта настройки.

Теперь мое, и без того трудное, положение стало просто отчаянным. На волю вырвался один из моих туристов с активированным таймером, получивший возможность разгуливать по прошлому, перескакивая из одной эпохи в другую — какой чудовищный промах в своей работе я совершил! Я был в отчаяньи.

Патруль времени должен теперь вернуть его, разумеется, пока он не совершил серьезных времяпреступлений, но я, вне всякого сомнения, буду привлечен к ответственности за то, что упустил его.

Если только я не задержу его еще до его исчезновения.

Пятьдесят шесть секунд прошло с того мгновенья, как я совершил сюда прыжок, чтобы не дать Зауэрабенду покинуть эту комнату.

Без малейших колебаний я настроил свой таймер назад на шестьдесят секунд и шунтировался. Зауэрабенд тут как тут, сидит на своей кровати.

Здесь же и второе мое воплощение, я пересекаю комнату, направляясь к нему.

Все остальные, еще не разбуженные моим криком туристы, тоже здесь.

Ну, теперь-то уж точно все будет в порядке. Нас стало больше. Никуда он от нас не денется.

Я метнулся к Зауэрабенду, намереваясь схватить его за руки и тем самым не позволить ему шунтироваться.

Он сразу же обернулся, как только услышал поднятый мною шум. С дьявольской быстротой рука его бросилась к таймеру.

Он шунтировался. Исчез. Я с разгону плюхнулся на его пустую кровать, совершенно онемев от потрясения.

На меня тут же воззрился другой Джад и спросил:

— Откуда это тебя черти принесли?

— Я впереди тебя на пятьдесят шесть секунд. Упустив свой первый шанс схватить его за воротник, я прыгнул назад, чтобы попытаться еще раз.

— И снова мимо, как я понимаю.

— Вот именно.

— А заодно продублировал нас.

— Вот эта часть, по крайней мере, может быть восстановлена, — сказал я. — В течение ближайших тринадцати секунд ты скакнешь назад на шестьдесят секунд и вольешься в основной поток времени.

— Черта с два мне удастся это сделать, — произнес Джад-2.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Какой в этом смысл? Зауэрабенд, как ни крути, исчез или, по крайней мере, предпринимает попытку это сделать, притом, скорее всего, успешную. Я никак не смогу помешать ему, разве не так?

— Но ты должен это сделать, — упрямо настаивал я.

— Почему?

— Потому что именно это должен сделать я в этой точке потока времени.

— У тебя есть причина для этого, — сказал он. — Ты только что упустил Зауэрабенда и теперь хочешь прыгнуть на минуту назад и попытаться схватить его. Но у меня не было даже возможности упустить его. Кроме того, зачем беспокоиться о потоке времени? Он уже пошел по новому руслу.

Он был прав. Мы пререкались более пятидесяти шести секунд. Теперь мы достигли того момента времени, когда я сделал первую свою попытку сорвать намерения Зауэрабенда; однако Джад-2, который, по-видимому, прожил ту минуту, которую довелось прожить мне перед самым первым исчезновением Зауэрабенда, совершенно иначе, чем я. Все безнадежно перепуталось. Я породил своего двойника, который теперь никуда не де-

нется, потому что ему некуда деваться. Сейчас было как раз без тринадцати минут двенадцать. Еще две минуты — и среди нас здесь окажется третий Джад, тот, который шунтировался вниз по линии прямо из объятий Пульхерии и сразу же обнаружил исчезновение Зауэрабенда. И этот Джад должен был провести десять минут, дрожа в паническом страхе, а затем перескочить назад из без одной минуты двенадцать в без тринадцати минут двенадцать, приведя в действие процесс раскручивания парадоксов, кульминацией которого стало возникновение еще двоих нас.

— Нам нужно сматывать отсюда, — сказал Джад-2.

— До того, как появится еще один Джад.

— Верно. Потому что, если он нас увидит, он наверняка не подумает шунтироваться назад в без тринадцати минут до полуночи, а это… -…равносильно устранению и тебя, и меня.

— Но куда нам податься? — спросил он.

— Мы могли бы появиться за три или четыре минуты до этого и попытаться вместе схватить Зауэрабенда.

— Хуже некуда. Мы перехлестнемся с еще одним из нас — тем, кто на пути к свиданию с Пульхерией.

— Ну и что с того? Мы не будем ему в этом мешать, как только пригвоздим Зауэрабенда.

— Все равно, в этом нет ничего хорошего. Потому что, если мы снова упустим Зауэрабенда, мы вызовем еще одно изменение в потоке времени, и, возможно, породим третьего из нас. И приведем в действие механизм эффекта, подобного тому, который возникает в зале с зеркалами, когда мы будем метаться туда-сюда до тех пор, пока в этой комнате не станет нас добрый миллион. Он слишком быстр для нас с этим своим таймером.

— Ты прав, — сказал я, желая, чтобы Джад-2 вернулся туда, где ему надлежало быть, пока еще не стало слишком поздно.

А было сейчас без двенадцати минут двенадцать.

— У нас осталось всего шестьдесят секунд. Так куда же все-таки мы смываемся?

— Мы не возвращаемся назад и не делаем более попыток схватить Зауэрабенда. Это определенно.

— Да.

— Но мы ОБЯЗАНЫ обнаружить его.

— Да.

— А он может быть в какой-угодно эпохе.

— Да.

— Тогда двоих нас явно недостаточно. Нам

должны оказать помощь.

— Метаксас?

— Да. И, может быть, Сэм.

— Да. А как насчет Капистрано?

— А его можно найти?

— Кто его знает. Попытаемся. И Буонокоре. И Джефа Монро. Ведь положение по-настоящему КРИТИЧЕСКОЕ!

— Да, — сказал я. — Послушай, теперь у нас осталось только десять секунд. Идем со мной!

Мы поспешно покинули комнату и бросились вниз по черному ходу, разминувшись на несколько секунд с прибывшим без одиннадцати минут двенадцать Джадом. Согнувшись в три погибели в темной нише под лестницей, мы думали о том Джаде, что двумя лестничными площадками выше обнаруживает сейчас отсутствие Зауэрабенда.

— Придется вызывать на помощь всю нашу бригаду курьеров, — сказал я.

— Ты шунтируешься вверх по линии в 1105 год, разыщешь Метаксаса и объяснишь ему, что произошло. Затем вызовешь подкрепление, и все займутся выслеживанием Зауэрабенда по различным временными линиям.

— А ты?

— Я остаюсь здесь, — сказал я, — до без одной минуты двенадцать. В этот момент тот из нас, что сейчас наверху, намеревается шунтироваться назад на чуть меньше тринадцати минут, чтобы искать Зауэрабенда… -…бросив свою группу без попечения… -… Да, и КОМУ-ТО все-таки надо оставаться с ними, поэтому я поднимаюсь наверх, как только он оттуда уходит, и отождествляюсь с тем изначальным Джадом, который был их курьером. И там остаюсь, продолжая существовать на основном временном базисе, пока не дождусь от тебя весточки. О'кэй?

— О'кэй.

— Тогда за дело.

Что он не преминул исполнить. Я же, все еще скрючившись в три погибели, продолжал трястись от страха. Такой сильной оказалась внезапно нахлынувшая на меня реакция на то, что только что произошло. Зауэрабенд исчез, а я, благодаря возникновению парадокса удвоения, наплодил своих двойников и всего за один вечер совершил больше времяпреступлений, чем даже знал их названий, и…

Мне хотелось расплакаться, как ребенку.

Тогда я еще даже не подозревал, что настоящая путаница только начиналась.

50

За одну минуту до двенадцати я взял себя в руки и поднялся наверх, чтобы выполнять обязанности первоначального, аутентичного Джада Эллиота.

Когда я входил в комнату, я еще тешил себя наивной надеждой на то, что все стало на свои места, что Зауэрабенд снова будет в своей постели. Я помолился, чтобы все было восстановлено предпринятыми нашей бригадой энергичными действиями. Но Зауэрабенда в комнате не оказалось.

Означало ли это, что его так и не отыскали?

Совсем необязательно. Возможно, чтобы избежать еще большей путаницы, он вернется на наш маршрут чуть ниже по линии, ну, скажем, поздней ночью или где-то перед рассветом.

Или, может быть, он и возвращен к тому времени, откуда он совершил свой прыжок — примерно за тринадцать минут до полуночи, но мне не удавалось осознать факт его возвращения вследствие какого-то, неизвестного для меня воздействия парадокса транзитного отстранения,

удерживавшего меня за пределами этого временного континуума.

Я не знал, что к чему. И даже не хотел знать. Я хотел только одного: чтобы Конрада Зауэрабенда обнаружили и вернули в надлежащее положение в потоке времени до того, как патруль поймет, что происходит, и привлечет меня к ответственности.

О том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. В самом жалком виде примостился я на краешке кровати, то и дело поднимаясь, чтобы проверить наличие своих туристов. Гостмэны продолжали спать. Хэггинсы продолжали спать. Так же, как продолжали спать Пальмира и Бильбо с мисс Пистил.

В полтретьего ночи раздался тихий стук. Я мигом вскочил и распахнул дверь.

На пороге стоял еще один Джад Эллиот.

— Ты кто? — угрюмо спросил я.

— Тот же, кто уже был здесь раньше. Тот, кто отправился за подмогой.

Нас, по-моему, за это время больше не стало, верно?

— Вроде нет. — Я вышел вместе с ним в коридор. — Ну? Что же все-таки происходит?

Он был грязным и небритым.

— Я был по горло занят целую неделю. Мы тщательно все прочесали, кверху и книзу по линии.

— Кто это — мы?

— Сначала я отправился к Метаксасу, в 1105 год, точно, как ты велел.

Наша судьба его ужасно разволновала. Что он сделал прежде всего, так это поднял на ноги всех своих слуг, и стал у них выяснять, не объявился ли кто в районе 1105 года, соответствующий описанию Зауэрабенда.

— Вреда от этого никакого, как я полагаю.

— Попытаться же стоило, — согласился со мною мой близнец. — Затем Метаксас спустился в нынешнее время и позвонил Сэму, который прилетел из Нью-Орлеана и приволок с собою Сида Буонокоре. Метаксас также поднял по тревоге Колеттиса, Гомперса, Пластираса, Паппаса — всех византийских курьеров, всю нашу бригаду. Из-за трудностей, связанных с разрывами времени, мы не стали уведомлять об этом никого, кто находится на более раннем чем декабрь 2059 года, базисе нынешнего времени, но и без того нас набралось довольно много. Всю прошлую неделю мы были заняты тем, что перемещались во времени, один год за другим, охотясь на Зауэрабенда, расспрашивая о нем на базарах, выискивая любые

намеки на его присутствие.

Я работал по восемнадцать, по двадцать часов в день. Да и остальные были заняты не меньше моего. Это в самом деле замечательно — какую преданность все они проявляют!

— Действительно так, — сказал я. — И какова же все-таки вероятность, что его отыщут?

— Мы полагаем, что он не покинул окрестностей Константинополя, хотя в общем-то ничто ему не мешает спуститься по линии в 2059 год, переправиться в Вену или Москву и уже оттуда снова исчезнуть вверху по линии. Если он не объявится в Византии, мы проверим Турцию, а затем довизантийскую эпоху и только после этого дадим знать другим курьерам в нынешнем времени, чтобы они искали его на всех других маршрутах и…

Он обмяк в полном изнеможении.

— Послушай, — сказал я. — Тебе нужно хотя бы немного отдохнуть.

Почему бы тебе не вернуться в 1105 год и не пожить пару деньков у Метаксаса? А когда отдохнешь, возвращайся сюда и позволь мне присоединиться к поискам. Таким образом мы можем чередоваться до бесконечности. И давай сохраним эту ночь в 1204 году в качестве нашей

общей точки отсчета. Когда ты захочешь встретиться со мной, ты прыгнешь в эту ночь, поэтому мы не потеряем связь друг с другом. На это у нас может уйти пара жизней, но мы непременно вернем Зауэрабенда назад, в эту группу, до наступления утра.

— Верно.

— Значит все ясно? Ты проводишь несколько дней, отдыхая на вилле Метаксаса, и возвращаешься сюда через полчаса после момента нашего расставания. После чего отправлюсь я.

— Ясно, — сказал он и стал спускаться, чтобы шунтироваться на улице.

Я вернулся в комнату и снова заступил на свою грустную вахту. В три часа ночи Джад-2 вернулся, выглядя совершенно другим человеком. Он был чисто выбрит, благоухая после ванны, сменил одежду, по всей вероятности, хорошенько отоспался.

— Три дня отдыха на вилле Метаксаса, — сказал он. — Невозможно представить себе чего-либо, более великолепного!

— Ты выглядишь прекрасно. Даже слишком прекрасно. Уж не пробовал ли ты улизнуть, чтобы пошалить немного с Пульхерией?

— Мне это даже как-то в голову не приходило.

Но что, если бы действительно у меня что-нибудь с нею было? Вот негодник, ты меня предупреждаешь, чтобы я оставил ее в покое?

— Ты не имеешь никакого права на то…

— Я — это ты, не забывай об этом. Неужели ты станешь ревновать к самому себе?

— По-моему, ты себе такого просто не позволишь, — сказал я. — Извини, я сболтнул глупость.

— Это я сделал глупость, — сказал он. — Мне обязательно следовало заглянуть к ней, пока я там находился.

— Ну, теперь моя очередь. Я посвящу какое-то время поискам, затем побуду на вилле, чтобы отдохнуть и восстановить силы, и, может быть, урву немножко удовольствия от общения с нашей возлюбленной. Ты ведь не станешь возражать против этого?

— Чего там судить-рядить, — тяжело вздохнул он. — Она твоя в такой же мере, как и моя.

— Правильно. Когда я со всем этим управлюсь, я вернусь сюда — ну-ка, поглядим, — в четверть четвертого. Договорились?

Мы синхронизировали свои графики на конец 1105 года, чтобы избежать разрывов времени; я не хотел попасть туда в тот момент, когда он

еще находился там сам, или — что еще хуже — до того, как он там вообще объявился. Затем я покинул постоялый двор и шунтировался вверх по линии. В 1105 году я нанял колесницу и был доставлен в поместье Метаксаса великолепным осенним днем.

Глаза у Метаксаса были затуманены, лицо покрыто щетиной. Он поздоровался со мной на крыльце и спросил:

— Ты кто сейчас, первый или второй?

— Первый Джад-2 только что заступил на мой пост на постоялом дворе в 1204. Как продвигаются поиски?

— Паршиво, — признался Метаксас. — Но мы не оставляем надежды. Мы тебя ни за что не бросим в беде. Заходи внутрь — там тебя ждет кое-кто из твоих старых друзей.

51

Я сказал им:

— Извините меня за то, что я впутал вас в свои неприятности.

Люди, которых я уважал больше всех на свете, только рассмеялись в ответ и, ухмыляясь, отвечали:

— Ерунда! Пустяки все это!

Они были грязными и обтрепанными. Они усердно и бесплодно трудились ради меня, это было ясно по их внешнему виду. Мне хотелось обнять их всех вместе и расцеловать. Черного Сэмбо и скульптурнолицего Джефа Монро, быстроглазого Сида Буонокоре и Паппаса, Колеттиса и Пластираса. Они начертили карту, на которой вычеркивали места, где не удалось обнаружить следов Конрада Зауэрабенда. Карта вся вдоль и поперек была испещрена их отметками.

— Не тревожься, малыш, — сказал Сэм. — Мы его выследим!

— Я чувствую себя просто ужасно из-за того, что заставил вас в ваше свободное время…

— Такое могло случиться с любым из нас, —

прервал меня Сэм. — Ты лично здесь ни в чем не виноват.

— Разве?

— Зауэрабенд ухитрился сделать что-то со своим таймером тайком от тебя, разве не так? Каким же образом ты мог предотвратить это? — Сэм ухмыльнулся. — Мы обязаны выручить тебя из беды. Кто знает, что может произойти с кем-либо из нас?

— Все за одного, — торжественно произнес Мэдисон Джефферсон Монро. — Один за всех.

— Ты думаешь, что ты — первый из курьеров, кто упустил своего клиента? — спросил Сид Буонокоре. — Выбрось дурь из головы! Таймеры можно перевести в режим ручного управления запросто, это не составляет никакого труда для любого, кто хоть немного понимает теорию эффекта Бенчли.

— Мне никогда не говорили об этом…

— Этого никто не рекламирует. Но такое случается. Пять, шесть раз каждый год кто-то предпринимает тайком от курьера путешествие во времени частного характера.

— А что бывает за это курьеру? — спросил я.

— Если это обнаруживает патруль времени? Его выгоняют с работы, уныло произнес Буоноко-

ре. — Что мы пытаемся сделать, так это прикрыть друг друга до того, как вмешается патруль. Работа собачья, но мы просто обязаны ее выполнять. Я хочу вот что сказать: если ты не будешь подстраховывать любого своего коллегу, то кто же придет на выручку тебе, когда в том возникнет необходимость?

— Кроме того, — сказал Сэм, — это еще вызывает у нас чувство законной гордости, мы ощущаем себя героями.

Я стал изучать карту. Они тщательно прочесали в поисках Зауэрабенда всю раннюю историю Византии — от императора Константинополя до второго Феодосия, и столь же методично проверили последние два столетия ее существования. Поиски же в пору расцвета империи пока еще проводились наугад. Сэм, Буонокоре и Монро только-только освободились от выполнения своих обязанностей и теперь собирались отдохнуть; Колеттис, Пластирас и Паппас были готовы отправиться на поиски и сейчас разрабатывали дальнейшую стратегию.

Все казалось мне просто прекрасным во время оживленной дискуссии на тему, как изловить Зауэрабенда. Я питал к ним теплые чувства — к своим друзьям, которые познаются в беде. Моим

компаньонам. Моим коллегам.

Мушкетерам Времени. Сердце мое переполнялось любовью к ним. Я даже произнес краткую речь, в которой выразил глубокую благодарность за ту помощь, которую они мне оказывали. У них был при этом несколько смущенный вид, и все они еще раз заверили меня в том, что это просто вопрос взаимовыручки — золотое правило в действии.

Отворилась дверь, и, спотыкаясь, в комнату ввалилась запылившаяся фигура человека в совершенно неуместных для этой эпохи солнцезащитных очках. Наджиб Дайани, мой старый наставник! Он нахмурился, плюхнулся на стул и сделал нетерпеливый жест, не имеющий отношения к кому-либо в отдельности, в надежде прихлебнуть вина.

Колеттис протянул ему чашу с вином. Дайани вылил немного вина себе на ладони и смыл им пыль со своих очков. Затем залпом выпил остальное.

— Мистер Дайани! — вскричал я. — А я и не знал, что вас кликнули тоже! Послушайте, мне так хочется поблагодарить вас за ту помощь…

— Болван, — спокойно произнес Дайани. — Как это я вообще разрешил вам получить лицензию

курьера?

52

Дайани только-только вернулся. Он проводил поиски в 630-650 годах, снова не давшие никаких результатов. Усталый и раздраженный, он был явно очень недоволен тем, что свой отпуск тратит на поиски сбежавшего у кого-то туриста.

Я попытался было «всучить» ему свою благодарственную речь, однако он поспешно отмел все мои сентиментальные излияния и произнес очень кислым тоном:

— Не утруждайте себя сладкоречивыми словами. Я это делаю только потому, что если патруль разнюхает, какую человекообразную обезьяну я выпустил в качестве курьера, это очень плохо отразится на моей карьере. Я сейчас пытаюсь спасти свою собственную шкуру.

Наступило очень тягостное для всех нас молчание. Тишину прерывало только шарканье ног и покашливание.

— Не очень-то утешительно слышать такие слова, — сказал я, обращаясь к Дайани.

— Не давай ему, малыш, вывести себя из равновесия, — посоветовал Буонокоре. — Как я уже

тебе говорил, любой оставленный на попечение курьера турист может что-нибудь такое сотворить со своим таймером…

— Я не говорю о потере туриста, — раздраженно произнес Дайани. — Речь идет о том, что этот идиот умудрился продублировать себя, пытаясь исправить оплошность! — Он едва не поперхнулся вином. — Первое я еще могу ему простить, но вот второе — это совершенно непростительно!

— Да, удвоение — это действительно безобразие, — согласился Буонокоре.

— Это вещь серьезная, — произнес Колеттис.

— Незавидная судьба, — сказал Сэм. — Не говоря уже о том, как трудно будет выпутаться с Зауэрабендом.

— Что-то я не припоминаю другого подобного случая, — заявил Паппас.

— Очевидный просчет, — прокомментировал Пластирас.

— Послушайте, — взмолился я. — Удвоение произошло нечаянно. Я настолько увлекся поисками Зауэрабенда, что не понял…

— Мы понимаем, — сказал Сэм.

— Это вполне естественная ошибка, когда находишься в таком нервном напряжении, — подтвердил Джеф Монро.

— С любым такое могло случиться, — успокоил меня Буонокоре.

И только Паппас пробурчал, но уже более мирно:

— Стыд. Стыд и позор.

Я все меньше ощущал себя достойным членом сплоченного братства, и все больше чувствовал себя вызывающим только жалость деревенским дурачком, который, куда ни пойдет, оставляет за собою лужи да кучи. А бедные родственники пытаются вычистить обгаженный пол, да еще и успокаивают дурачка, чтобы тот не нагадил еще больше.

Когда до меня, наконец, дошло, каким было подлинное отношение ко мне со стороны всех этих людей, мне страх как захотелось вызвать патруль времени. Сознаться во всех совершенных мною времяпреступлениях и самому попросить о собственном уничтожении. Душа моя вся аж съежилась. Неизвестно куда испарилось мое мужское естество. Я, сообщавшийся с императорами, я, последний из Дукасов, я, переступивший через тысячелетия, я, выдающийся курьер в стиле Метаксаса, я… Я для всех этих ветеранов был просто кучкой детского дерьма. Дерьма, только внешне похожего на мужчину. Самого что ни на

есть настоящего дерьма.

Метаксас, который молчал вот уже минут пятнадцать, в конце концов произнес:

— Если те из вас, что собираются снова на поиски, готовы, то я велю подать колесницу, чтобы доставить вас в город.

Колеттис покачал головой.

— Мы еще не распределили между собой эпохи. Но это займет всего несколько минут.

Все склонились над картой. Было решено, что Колеттис прочешет 700-725 годы, Пластирас — 1150-1175, а я проинспектирую 725-745 годы. Паппас принес герметический костюм, в котором намеревался обследовать 745-747 годы, в которые свирепствовала чума, на тот случай, если Зауэрабенд угодил по незнанию в этот, запретный для посещений, период.

Я удивился тому, что они еще доверяли мне совершать самостоятельные путешествия во времени. Как видно, решили, что я уже просто не сумею ничего натворить. У каждого из нас был небольшой, но изумительно точный портрет Конрада Зауэрабенда, выполненный нанятым Метаксасом современным византийским художником на покрытой лаком деревянной дощечке. Художник писал портреты с голофото: интересно,

что он при этом думал?

Добравшись до Константинополя, мы расстались друг с другом, отправившись в те времена, в которых мы должны были производить поиски. Я материализовался в верху по линии в 725 году и только тогда сообразил, какую небольшую, но достаточно злую шутку со мною сыграли.

Это было самое начало эпохи иконоборчества, когда император Лев Третий издал свой первый указ против иконопочитания. В те времена большинство византийцев были ревностными иконопочитателями, а Лев выступал за то, чтобы сокрушить культ икон. Сперва речами против них и страстными проповедями, а затем — уничтожив изображение Христа в часовне Чалки и Бронзовом дворце, стоявшем напротив Большого Дворца. После этого дела пошли еще круче: иконы уничтожались, иконописцы подвергались преследованиям. В воззвании, с которым обратился к народу сын Льва, говорилось: «Из христианской церкви должны быть и убраны всякие образа, выполненные посредством искусства живописи».

И вот в такую-то эпоху я должен был бродить по городу, держа в руках небольшое изображение Зауэрабенда, и спрашивать у встречных, не попадался ли им где-нибудь на глаза этот человек!

Портрет, что был у меня, конечно, не был иконой. Никто из тех, кто глядел на него, и не подумал принять по ошибке Зауэрабенда за святого. Но все равно он доставил мне немало неприятностей.

— Вы где-нибудь встречались с этим человеком? — спрашивал я и доставал портрет.

На базарах. В банях. На ступеньках Айя-Софии. Перед воротами Большого дворца.

— Вы где-нибудь встречались с этим человеком?

На ипподроме во время состязаний в поло. На ежегодной раздаче бесплатного хлеба и рыбы беднякам, которая производилась 11 мая в честь очередной годовщины со дня основания города. Перед церковью святых Сергия и Бахуса.

— Я ищу человека, чье изображение у меня здесь.

В половине случаев мне даже не удавалось полностью открыть портрет.

Люди видели человека, достающего из своей туники икону и убегали от меня прочь с криками: «Поклоняющийся иконам пес!», «Почитатель кумиров!» — Но это не… Я всего лишь разыскиваю… Вас не должна вводить в заблуждение… Пожалуйста, вернитесь и…

Меня толкали и пинали ногами, в меня пле-

вали. За мною гонялась императорская стража, на меня хмуро поглядывали священники-иконоборцы.

Несколько раз меня приглашали посетить тайные собрания ушедших в подполье иконопочитателей.

Мне не удалось собрать что-либо существенное в отношении Конрада Зауэрабенда.

И все же, несмотря на гонения, всегда находились люди, которые смотрели на портрет. Никто из них не видел Зауэрабенда, хотя некоторые и «думали», что заметили кого-то, отдаленно напоминающего человека на картине. Я потратил два дня на то, чтобы выследить одного из этих предполагаемых «прохожих», и в результате не нашел в нем ни малейшего сходства.

Я продолжал поиски, перепрыгивая из одного года в следующий. Рыскал незаметно неподалеку от различных туристических групп, полагая, что Зауэрабенд, возможно, предпочтет держаться поближе к людям из своей родной эпохи.

Ничего. Никаких намеков.

В конце концов, со стертыми ногами и обескураженный тщетностью усилий, я прыгнул назад, вниз, в 1105 год. В именье Метаксаса я нашел только Паппаса, который выглядел усталым и за-

пачканным еще даже в большей степени, чем я.

— Это бесполезно, — сказал я. — Так нам никогда его не отыскать. Это все равно, что искать… что искать…

— Иголку в стоге времени, — пришел ко мне на помощь Паппас.

53

Я заработал право на небольшой отдых перед тем, как возвращаться в эту, бесконечно долгую, ночь 1204 года и посылать на продолжение поисков своего «альтер-эго». Я вымылся, отоспался, совокупился два или три раза с девушкой-рабыней, от которой отдавало чесноком, и загрустил. Вернулся Колеттис — безуспешно. Вернулся Пластирас — тот же результат. Они отправились вниз по линии для выполнения своих служебных обязанностей в качестве курьера. Гомперс, Гершель и Меламед, пожертвовав своими очередными отпусками, также появились здесь и тотчас отправились на поиски Зауэрабенда. Но чем больше курьеров добровольно вызывались помочь мне, тем хуже я себя чувствовал.

И я решил утешиться в объятиях Пульхерии.

Раз уж случилось мне оказаться в соответствующей эпохе и раз Джад-2 не удосуживается заглянуть сюда, чтобы повидаться с нею, то это казалось мне единственно верным решением. Ведь у нас БЫЛО назначено что-то вроде свидания. Ведь, кажется, самое последнее, что сказала

мне Пульхерия после той ночи из ночей, было: «Мы встретимся снова через два дня, хорошо? Я сама все устрою».

Как давно это было?

По меньшей мере две недели тому назад, подсчитал я, если исходить из базиса нынешнего времени 1105 года. Может быть, три.

Она предполагала послать гонца с письмом ко мне в поместье Метаксаса, в котором будет говориться, где и как мы сможем встретиться во второй раз.

В своих хлопотах по розыску Зауэрабенда я совсем позабыл об этом. Теперь я рыскал по всему имению, расспрашивая челядь Метаксаса и его управляющего, не приходило ли из города какое-либо послание на мое имя.

— Нет, — отвечали все, кого я ни спрашивал. — Не было таких посланий.

— Подумайте хорошенько. Я ожидаю важное известие из дворца Дукаса. От Пульхерии Дукас.

— От кого?

— Пульхерии Дукас.

— Не было таких известий, господин.

Я разоделся в самые роскошные свои одеяния и застучал каблуками в сторону Константинополя. Осмелюсь ли я предстать без приглашения во

дворце Дукаса? Я осмелился на это. Мое фальшивое прикрытие в качестве неотесанного мужлана-деревенщины из Эпира вполне могло оправдать возможное нарушение этикета.

У ворот дворца Дукаса я позвонил слугам, и навстречу мне вышел старик-конюший, именно он показывал мне дорогу в покои в тот памятный вечер, когда Пульхерия решила отдаться мне. Я дружелюбно улыбнулся старику, конюший смерил меня отсутствующим взглядом. По-видимому, он позабыл меня, так я посчитал.

— Мои сердечные приветствия господину Льву и госпоже Пульхерии, сказал я.

— Будьте любезны, передайте им, что тут их ожидает Георгий Маркезинис из Эпира.

— Господину Льву и госпоже… — повторил конюший.

— Пульхерии, — сказал я. — Они меня знают. Я дальний родственник Фемистоклиса Метаксаса, и… — здесь я запнулся в нерешительности, чувствуя себя еще более глупо, чем обычно, распинаясь о своей родословной перед простым конюшим. — Позови-ка мне дворецкого, — прорычал я.

Конюший поспешно побежал внутрь дворца.

После продолжительной задержки появился

крайне высокомерный на вид тип в византийском эквиваленте ливреи и стал внимательно меня осматривать.

— Слушаю.

— Мои наилучшие пожелания господину Льву и госпоже Пульхерии. Будьте любезны передать им…

— Госпоже… какой?

— Госпоже Пульхерии, жене Льва Дукаса. Я Георгий Маркезинис из Эпира, дальний родственник Фемистоклиса Метаксаса. Несколько недель тому назад мы были здесь на званом вечере, который давали…

— Жену Льва Дукаса, — холодно заметил дворецкий, — зовут Евпрепией.

— Евпрепией?

— Евпрепия Дукас — хозяйка этого дворца. Человече, чего вам здесь надобно? Если вы пришли сюда пьяный посреди бела дня нарушить покой господина Льва, я…

— Погодите, — сказал я. — Евпрепия? Не Пульхерия? — В моей ладони сверкнул золотой византи и быстренько упорхнул в уже ждавшую его ладонь дворецкого. — Я не пьян, и все это очень важно. Когда Лев женился на этой… этой Евпрепии?

— Четыре года тому назад.

— Че-ты-ре-го-да-на-зад? Нет, это невозможно. Пять лет тому назад он женился на Пульхерии, которая…

— Вы, должно быть, ошиблись. Господин Лев женился только однажды, на Евпрепии Макремболитис, матери его сына Василия и его дочери Зои.

Рука дворецкого снова приподнялась. Я опустил в нее еще один визант.

Чувствуя, как у меня из-под ног уходит земля, я забормотал:

— Его старшим сыном является Никетас, который еще не родился, и у него совсем не должно быть сына Василия, и… Боже праведный, неужели вы затеяли какую-то нечестную игру со мною?

— Клянусь перед образом Христа-Пантократа в том, что все сказанное мною — истинная правда до единого слова, — решительно заявил дворецкий.

Постукивая своим кошельком с византами, я сказал, теперь уже совсем отчаявшись:

— А насколько возможно устроить мне аудиенцию у госпожи Евпрепии?

— В принципе — почему бы и нет? Вот только сейчас ее нет здесь. Она уже три месяца отдыхает во дворце Дукаса на трапезундском побережье,

где ждет своего следующего ребенка.

— Три месяца? Значит, здесь не было никакого званого вечера несколько недель тому назад?

— Нет, не было, господин.

— И здесь не было императора Алексея? И Фемистоклиса Метаксаса? Ни Георгия Маркезиниса из Эпира? Ни…

— Никого из них, господин. Чем я еще могу вам помочь?

— Наверное, уже ничем, — сказал я и, шатаясь, побрел прочь от дворца Дукаса как человек, которого поразили своим гневом боги.

54

Печально я странствовал по юго-восточной окраине Константинополя, вытянувшейся вдоль берега Золотого Рога, пока не набрел на лабиринт из лавок, рыночных площадок и таверн поблизости от того места, которое через какое-то время будут называть мостом Галата и где сегодня тоже лабиринт лавок, рыночных площадок и таверн. По этим узким, то переплетенным, то хаотически разбросанным, улицам я брел совершенно бесцельно, как зомби. Я ничего не видел, так же, как ни о чем не в состоянии был думать. Вот так, не соображая, я просто ставил одну ногу впереди другой и продолжал брести, пока уже под самый вечер судьба снова не «схватила меня за яичники».

Я вошел, спотыкаясь, наугад в одну из харчевен, размещавшуюся в двухэтажном строении из неокрашенных досок. Несколько торговцев потягивали здесь свою ежедневную дозу вина. Я тяжело бухнулся за покоробленный и шаткий стол в никем еще не занятом углу комнаты и, тупо уставившись на стену, стал думать о Евпрепии,

беременной жене Льва Дукаса.

Ко мне подошла хорошенькая подавальщица и спросила:

— Вина?

— Да. И чем крепче, тем лучше.

— И жареной баранины?

— Спасибо, я не голоден.

— Мы здесь делаем очень вкусную баранину.

— Я не голоден, — повторил я. И угрюмо уставился на ее лодыжки.

Лодыжки у нее оказались очень и очень приличными. Я перевел взор чуть повыше, на икры, но здесь меня ждала неудача, так как ноги ее скрывались за складками простого длинного одеяния. Она ушла и вскоре вернулась с бутылью вина. Когда она ставила его передо мной верхняя часть ее одеяния распахнулась, и моему взору предстали две полные, белые, с розовыми кончиками, груди, которые свободно вывалились наружу. Тогда наконец-то я взглянул на ее лицо.

Она вполне могла бы сойти за сестру-близняшку Пульхерии.

Такие же темные озорные глаза. Такая же, без малейших изъянов, оливковая кожа. Такие же полные губы и тонкий нос. Такого же возраста примерно семнадцати лет. Различия между этой

девушкой и моей Пульхерией заключались лишь в одежде, осанке и выражении лица. Девушка была в довольно грубом одеянии: ей недоставало аристократической элегантности осанки и походки Пульхерии; и были у нее какие-то надутые, будто недовольные губы. Она имела мрачный вид девушки, болезненно уязвленной тем, что она поставлена явно ниже того места, которое, как ей кажется, могла бы занимать.

— Ты почти, как Пульхерия, — сказал я.

Девушка хрипло рассмеялась.

— Что за несусветную чушь вы там порете?

— Одна моя знакомая девушка очень на тебя похожа. Так вот — ее зовут Пульхерией.

— Вы придуриваетесь или, наверное, совсем пьяный! Я и есть Пульхерия.

И мне очень не нравятся эти ваши заумные заигрывания, незнакомец.

— Ты Пульхерия?

— Определенно.

— Пульхерия Дукас?

Она расхохоталась мне прямо в лицо.

— Дукас! Ну и скажете! Теперь я точно знаю, что вы не в своем уме.

Пульхерия Фотис, жена Гераклеса Фотиса, владельца постоялого двора!

— Пульхерия… Фотис… — тупо повторял я. — Пульхерия… Фотис… жена… Гераклеса… Фотиса…

Она близко наклонилась ко мне, дав мне еще раз возможность полюбоваться ее потрясающей грудью. И теперь уже не надменно, но встревоженно, она тихо произнесла:

— Судя по вашей одежде, вы знатная персона. Что вам здесь надобно?

Гераклес что-то не так сделал?

— Я здесь только для того, чтобы отведать вина, — сказал я. — Но послушайте-ка, скажите мне вот что: вы Пульхерия, урожденная Ботаниатис?

Ее будто поразило молнией.

— Вам это известно!

— Это правда?

— Да, — сказала моя обожаемая Пульхерия и грузно опустилась на скамью со мной рядом. — Только теперь я уже больше не Ботаниатис. Вот уже пять лет — с того самого времени, как Гераклес… этот мерзкий Гераклес… с того времени, как он… — Она, разволновавшись, отпила вина прямо из моей чаши. — Кто вы, незнакомец?

— Георгий Маркезинис из Эпира.

Это имя ей ничего не говорило.

— Двоюродный брат Фемистоклиса Метаксаса.

Она от удивления широко разинула рот.

— Я так и подумала, что вы важная персона! Я это сразу поняла! — Она вся затрепетала, и от этого стала еще более привлекательной. — Так чего вы от меня хотите?

Другие посетители харчевни стали поглядывать в нашу сторону.

— Мы бы не могли пройти куда-нибудь, чтобы поговорить? — спросил я. — Куда-нибудь, где нам никто не будет мешать.

Она спокойно и понимающе посмотрела на меня.

— Одну минутку, — сказала она и вышла из харчевни. Я услышал, как она звала кого-то, крича как торговка рыбой, и вскоре в комнату вошла оборванная девчонка лет пятнадцати. — Присмотри, Анна, — велела ей Пульхерия. — Я некоторое время буду очень занята. — Она повернулась ко мне. — Мы можем пройти наверх.

Она провела меня в спальню на втором этаже дома и тщательно затворила дверь на засов.

— Мой муж, — сказала она, — ушел в Галату покупать мясо и вернется только через два часа. Пока этого грязного кабана нет, я не против подзаработать визант-два у симпатичного незнакомца.

Ее одеяние спало к ее ногам, и она предстала

передо мной во всей своей ослепительной наготе. Улыбка ее была откровенно вызывающей. Такая улыбка, что ее внутренней сущности нисколько не касается то унижение, которому подвергают ее другие люди. Глаза так и горели похотью и предвкушением.

Я стоял, пораженный, перед этой высокой, тяжелой грудью, соски на которой теперь уже заметно набухли, и перед этим ее упругим животом, и твердыми, мускулистыми бедрами, и перед этими распростертыми передо мною объятиями, перед всей этой манящей красотой.

Она бухнулась на грубо сколоченное ложе. Согнула ноги в коленях и широко их расставила.

— Два византа? — с надеждой в голосе произнесла она.

Пульхерия, превратившаяся в шлюху из грязной харчевни? Моя богиня?

Мой кумир? Предмет обожания?

— Ну что вы мешкаете? — спросила она. — Смелее залезайте, давайте наставим этому жирному псу Гераклесу еще одну пару рогов. Что-то не так? Я кажусь вам уродиной?

— Пульхерия… Пульхерия… Я люблю тебя, Пульхерия…

Она прыснула, прямо-таки взвизгнула от вос-

торга. Ступни ее качнулись в мою сторону.

— Ну, давай же!

— Ты была женою Льва Дукаса, — бессвязно бормотал я. — Ты жила в мраморном дворце, носила шелковые одежды и выходила в город только в сопровождении бдительной дуэньи. И на твоих вечерах бывал сам император, а перед самой зарею ты пришла ко мне и отдала мне всю себя, и все это было как во сне, Пульхерия, и так все это и осталось, хоть и прекрасным, но сном.

— Вы вроде бы чокнутый, — сказала она. — Но красивый чокнутый, и мне не терпится обхватить вас своими ногами, не терпится честно заработать свои два византа. Прижмитесь ко мне. Неужели вы такой робкий? Вот, положите сюда свою руку, вы чувствуете, каким жаром пышет Пульхерия, как все в ней трепещет…

Меня прямо-таки распирало от желания, но я знал, что не смогу даже прикоснуться к ней. Вот к этой Пульхерии, этой грубой, бесстыжей, распутной, неряшливой девке, этой прекрасной твари, которая выделывает самые непристойные телодвижения, мечется по кровати и корчится в нетерпении передо мной.

Я вытащил свой кошелек и высыпал все его содержимое на ее наготу, завалив золотыми

византами ее живот, посыпав ими ее грудь. Пульхерия верещала в изумлении. Она присела, стала хватать монеты, ползала за ними по грубому ложу, груди ее вздымались и раскачивались из стороны в сторону, глаза жадно блестели.

Я бежал что было мочи.

55

На вилле я нашел Метаксаса и спросил у него:

— Как зовут жену Льва Дукаса?

— Пульхерия.

— Когда вы в последний раз видели ее?

— Три недели тому назад, когда мы вместе с тобой были на званом вечере.

— Нет, — сказал я, — вы стали жертвой транзитного перехода, и я тоже.

Лев Дукас женат на женщине по имени Евпрепия, у него от нее двое детей, и ожидается третий ребенок. А Пульхерия — жена хозяина захудалой харчевни по имени Гераклес Фотис.

— У тебя что — ум за разум зашел? — удивился Метаксас.

— Прошлое необратимо изменилось. Не знаю, каким образом это произошло, но само это изменение налицо, оно коснулось непосредственно моей собственной родословной, разве вам это не ясно Пульхерия больше не является моей прародительницей, и одному только Богу известно, существую ли я вообще теперь на белом свете. Если я больше не происхожу от Льва Дукаса и

Пульхерии, то от кого я теперь веду родословную?

— Когда ты все это обнаружил?

— Только что. Я ушел на поиски Пульхерии… Господи Иисусе, Метаксас, ну скажите же, что мне теперь делать?

— Может быть, это ошибка, — спокойно сказал он.

— Нет. Нет. Спросите у своих собственных слуг. Они не подвергались воздействию транзитного отстранения. Спросите у них, слышали ли они вообще о Пульхерии Дукас. И они ответят, что не слышали. Спросите у них имя жены Льва Дукаса. Или езжайте в город и убедитесь в этом сами. В прошлом произошло изменение, неужели вы этого не видите, и все теперь совсем по-другому и… Боже ты мой, Метаксас! Боже мой…

Он взял меня за руки и произнес очень тихо:

— Расскажи обо всем по порядку с самого начала, Джад.

Но такой возможности мне не представилось. Потому что в зал с криком и гиканьем вихрем ворвался огромный Черный Сэм.

— Мы нашли его! Черт побери, мы отыскали его!

— Кого? — спросил Метаксас.

— Кого? — одновременно с ним произнес я.

— Кого?! — вскричал Сэм. — А кого, черт бы его побрал, вы сами-то ищите? Так вот! Зауэрабенда! Конрада Зауэрабенда собственной персоной!

— Вы откопали его? — Я весь обмяк от испытываемого мною облегчения. — Где? Когда? Каким образом?

— Прямо здесь, в 1105 году, — сказал Сэм. — Сегодня утром Меламед и я заглянули на рыночную площадь, просто так, на всякий случай, и показали его портрет. И, — какая удача! — один продавец свиных ножек опознал его.

Зауэрабенд живет в Константинополе вот уже пять или шесть лет и содержит харчевню неподалеку от набережной. Он живет здесь под именем Гераклеса Фотиса…

— Нет! — взревел я. — Нет, грязный ты ублюдок-ниггер, нет, нет, нет, нет, нет! Это неправда!

И, ослепленный яростью, я набросился на него.

И воткнул кулаки в его живот и отбросил его назад, к самой стенке.

А он как-то очень странно посмотрел на меня, перевел дух, подошел ко мне, приподнял меня, а затем уронил на пол. А затем еще раз приподнял и еще раз уронил. Он поднял меня еще и третий раз, но Метаксас заставил его поставить меня

на ноги.

Сэм произнес дружелюбно:

— Это конечно, правда, что я черный ублюдок-ниггер, но разве была такая уж необходимость говорить об этом так громко?

— Дайте мне вина, — крикнул Метаксас. — Ну, кто там есть? Мне кажется, он слегка двинулся головой.

— Сэм, — произнес я, наконец овладев собой, — Сэм, я совсем не хотел тебя обидеть. Но абсолютно исключено, что Конрад Зауэрабенд живет здесь под именем Гераклеса Фотиса.

— А почему бы и нет?

— Потому что… потому что…

— Я видел его сам, лично видел, — сказал Сэм. — Я пил пиво в его харчевне не более, чем пять часов тому назад. Он действительно крупный и жирный, красномордый, и очень много о себе воображает. И он обзавелся здесь маленькой византийской женкой с ох, какой вертлявой задницей, лет наверное шестнадцати, от силы семнадцати, которая подает вино в харчевне, покачивая своими грудями, и держу пари, еще пускает посетителей к себе между ног в комнате наверху…

— Ладно, ладно, — произнес я замогильным

голосом. — Ты выиграл. Эту его жену зовут Пульхерией.

Метаксас издал сдавленный стон.

— Я не спрашивал, как ее зовут, — сказал Сэм.

— Ей семнадцать лет, и происходит она из рода Ботаниатисов, продолжал я, — который является одним из самых знатных в Византии, и одному только Будде известно, почему вдруг она вышла замуж за Гераклеса Фотиса Конрада Зауэрабенда. И прошлое претерпело серьезные изменения, Сэм, потому что всего лишь несколько недель тому назад по времени моего временного базиса она была женой Льва Дукаса и жила во дворце неподалеку от императорского дворца. И случилось так, что я вступил с нею в любовную связь. До того, как произошло изменение прошлого, она и Лев Дукас были моими далекими пращурами, и похоже на то, что произошло невероятное стечение обстоятельств, которого я вообще не в состоянии постичь. Вполне вероятно, что я вообще уже не существую на временном плане 2059 года, как не существует такой женщины, как Пульхерия Дукас. А теперь, если вы не возражаете, я удалюсь в тихий угол и перережу себе горло.

— Все это какой-то дурной сон, — выразил об-

щее мнение Сэм.

56

Но, разумеется, никаким сном это не было. Все было настолько же реальным, как и любое другое событие в этой, постоянно изменчивой, вселенной.

Мы втроем выпили немалое количество вина, и Сэм сообщил мне подробности. Как он у всех по соседству расспрашивал о Зауэрабенде-Фотисе, и ему рассказывали, что человек этот появился при загадочных обстоятельствах примерно в 1099 году, что он прибыл из какой-то отдаленной местности. Что завсегдатаи харчевни его недолюбливают, но приходят туда только для того, чтобы поглазеть на его красавицу-жену. Что буквально все подозревают его в какой-то незаконной деятельности.

— Он сам извинился перед нами, — сказал Сэм, — и сказал, что переправляется на другую сторону, в район Галаты, для того, чтобы сделать кое-какие закупки. Однако Колеттис последовал за ним и обнаружил, что он вообще никакими покупками не занимался. Он вошел в какое-то здание, внешне напоминающее склад, в районе

Галаты и, по-видимому, в нем и исчез.

Колеттис прошел внутрь здания вслед за ним, но нигде не смог его обнаружить. Колеттис решил, что он совершил прыжок во времени. Затем Фотис снова появился, где-то примерно через полчаса, и на пароме переправился назад, в Константинополь.

— Времяпреступник, — произнес Метаксас. — Он занимается контрабандой.

— Я тоже так считаю, — сказал Сэм. — Начало двенадцатого столетия он использует в качестве базы для проведения своих операций, прикрываясь фальшивым именем Фотис, и переправляет вниз по линии в нынешнее время произведения искусства, золотые монеты или что-нибудь еще в подобном же роде.

— А откуда взялась у него эта девчонка? — спросил Метаксас.

— Этого нам еще не удалось выяснить, — пожав плечами, произнес Сэм. — Но теперь, когда мы его откопали, мы можем проследить его вверх по линии до самого момента прибытия сюда. И самим удостовериться во всем.

— Каким же образом, — простонал я, — мы сможем восстановить правильный ход событий?

— Нам нужно, — ответил Метаксас, — опреде-

лить точный момент, в который он совершил свой прыжок, покинув твой маршрут. Тогда мы сами расположимся здесь в засаде, схватим его, как только он материализуется, отберем у него таймер, над которым он успел так успешно поколдовать, и приведем его назад, в 1204 год. Таким вот образом мы извлечем его из потока времени и вернем в 1204 год, на твой маршрут, где ему, собственно, и надлежит быть.

— Так, как ты говоришь, все это очень просто, — сказал я. — Но это далеко не так. А что делать со всеми теми изменениями, которые произведены в прошлом? С пятью годами его супружества с Пульхерией Ботаниатис…

— Это все станет неосуществившимися событиями, — сказал Сэм. — Как только мы «выдернем» Зауэрабенда из 1099 года и вернемся назад, в 1204-й, мы тем самым автоматически аннулируем его женитьбу на Пульхерии, верно?

Русло потока времени примет свою первоначальную форму, и она выйдет замуж как раз за того, за кого ей и положено…

— За Льва Дукаса, — сказал я. — Моего пращура.

— Да, за Льва Дукаса, — продолжал Сэм. — И для всех жителей Византии весь этот эпизод с

участием Гераклеса Фотиса вообще никогда не будет иметь места. Кто об этом будет знать, так это мы сами, ибо мы подвержены воздействию транзитного отстранения.

— А что будет с теми предметами искусства, которые Зауэрабенд контрабандой доставил в нынешнее время? — спросил я.

— Их там не окажется, — ответил Сэм. — Ибо они так никогда и не станут контрабандой. А скупщики краденого внизу по линии лишатся воспоминаний, связанных с приобретением ценностей у Зауэрабенда. Структура ткани времени будет восстановлена, а патруль времени так ни о чем и не узнает.

— Ты пропустил одно малосущественное обстоятельство, — сказал я.

— Какое же?

— В процессе развития этой заварухи я произвел на свет Божий лишнего Джада Эллиота. Куда ему деваться?

— Бог ты мой! — воскликнул Сэм. — О нем-то я позабыл!

57

Теперь, когда я уже достаточно времени провел в 1105 году, я прикинул, что мне самое время возвращаться в 1204 год и поведать своему «альтер эго» обо всем, что происходит. Поэтому я шунтировался вниз по линии и пробрался на постоялый двор в четверть четвертого все той же нескончаемой ночи исчезновения Конрада Зауэрабенда из 1204 года. Мой двойник с угрюмым выражением лица возлежал на своей кровати, изучая массивные брусья, поддерживающие потолок.

— Ну? — сразу же поинтересовался он. — Как дела?

— Катастрофа. Давай выйдем в коридор.

— Что же все-таки происходит?

— Поздравь себя, — сказал я. — Нам в конце концов удалось выйти на Зауэрабенда. Он шунтировался в 1099 год и для отвода глаз стал там содержать харчевню. Годом позже он женился на Пульхерии.

Прямо у меня на глазах мой двойник был буквально «стерт в порошок».

— Прошлое претерпело изменения, — продол-

жал я. — Лев Дукас женился на другой девушке, некой Евпрепии, и теперь от нее у него двое с половиной детей. А Пульхерия подает вино и баранину в харчевне Зауэрабенда. Я сам ее там видел. Она не знала, кто я, но предложила мне себя за два византа.

Зауэрабенд контрабандой таскает товар вниз по линии и…

— Не говори мне больше ничего, — перебил меня Джад-2. — Я не хочу больше ничего слышать.

— Но я же еще не рассказал о хороших вестях.

— А разве такие есть?

— Мы намерены произвести такую корректировку прошлого, что все эти события просто не состоятся. Сэм, Метаксас и ты должны проследить каждый шаг Зауэрабенда с 1105 года до самого первого момента его появления в 1099 году и аннулировать это его появление, а его самого шунтировать назад, сюда, в эту ночь. Тем самым аннулировать и весь эпизод с его исчезновением с постоялого двора в 1204 году.

— А что будет с нами? — спросил у меня двойник.

— Мы более или менее обсудили этот вопрос. По-видимому, мы оба защищены транзитным отстранением, поэтому и дальше будем суще-

ствовать.

Даже в том случае, если Зауэрабенд будет возвращен в надлежащий для него поток времени.

— Но тогда откуда мы взялись? Ведь не может же возникнуть что-то из ничего! Закон сохранения масс…

— Один из нас и без того был здесь все время, — напомнил я ему. — Что ни говори, но я все это время продолжал объективно существовать. Тебя же я создал тем, что замкнул временную петлю, вернувшись назад на пятьдесят шесть секунд в твой поток времени.

— Дудки! — решительно заявил мой двойник. — Это я непрерывно находился в этом потоке времени, делая как раз то, что и положено было делать. Это ты выскочил здесь как бы из ниоткуда, совершив временную петлю. И значит порождением парадокса являешься ты, негодник.

— Я прожил на пятьдесят шесть секунд дольше, чем ты, в абсолютном исчислении времени. Следовательно, это я создан первым.

— Мы оба были созданы в один и тот же момент времени 11 октября 2035 года, — отмел он мои аргументы. — Тот факт, что наши линии времени пересеклись из-за твоего ошибочного, опрометчивого решения, никак не проливает

свет на то, кто из нас является более реальным по сравнению с другим. Вопрос не в том, кто является реальным Джадом Эллиотом, но как нам жить, чтобы не становиться на пути друг у друга.

— Нам нужно разработать очень плотно подогнанный график, — сказал я.

— Один из нас работает курьером, в то время как другой скрывается где-то вверху по линии. И никогда двое из нас не появляются в одном и том же времени, независимо от того, вверху или внизу по линии. Но как…

— Вот, я придумал, — произнес он. — Начинаем жить, приняв за базис нынешнее время 1105 года, так, как это сделал Метаксас, только для нас существование вверху по линии будет непрерывным. Всегда один из нас будет «приколот» к нынешнему времени начала двенадцатого столетия под именем Георгия Маркезиниса и будет жить на вилле Метаксаса. Другой же будет работать в качестве курьера и жить, соблюдая цикл «маршрут — отпуск»… -…проводя свой отпуск где угодно, но принимая в качестве начала отсчета базисный 1105 год.

— Верно. И по завершении каждого такого цикла он возвращается на виллу и живет под именем Маркезиниса, зато теперь первый отправляется

вниз по линии выполнять обязанности курьера…

— И, если точно скоординировать все эти наши действия, то нет никаких причин, по которым патруль вообще может нами заинтересоваться.

— Великолепно!

— И тот, который будет жить под именем Маркезиниса, — закончил я, сможет все свое свободное время проводить, занимаясь любовью с Пульхерией, а она никогда даже и не узнает, что мы у нее бываем поочередно.

— Если Пульхерия снова стала тою же, что и была, — согласился я.

Эта мысль сразу же отрезвила нас. Весь этот наш, такой хитроумный, план поочередно менять свое обличье, мог остаться всего лишь пустым сотрясением воздуха, если нам не удастся раскрутиться с той путаницей, которую заварил Зауэрабенд.

Я проверил время.

— Возвращайся в 1105 год и помоги Сэму и Метаксасу, — сказал я. — Шунтируйся сюда снова к половине четверного ночи.

— Хорошо, — сказал он и отбыл вверх по линии.

58

Вернулся он своевременно, все в нем выражало брезгливость и отвращение, которые ему, очевидно, пришлось испытать наверху.

— Мы все тебя дожидаемся 9 августа 1100 года, — сказал он, — у земляного вала на берегу в районе Блачерны, примерно в сотне метров справа от первых ворот.

— А в чем, собственно, дело?

— Ступай и посмотри сам. Меня всего выворачивает наизнанку от одной только мысли об этом. Ступай и сделай то, что должно быть сделано, и тогда с этим умопомешательством будет покончено. Шунтируйся и присоединяйся к нам.

— В какое время дня? — спросил я.

Он задумался на мгновение.

— Два часа пополудни.

Я вышел из постоялого двора, прошел к земляному валу, произвел тщательную настройку своего таймера и совершил прыжок. Переход из тьмы поздней ночи в полуденную яркость на какое-то мгновенье ослепил меня; когда я перестал жмуриться, то обнаружил, что стою прямо перед

угрюмолицей троицей, состоявшей из Сэма, Метаксаса и Джада-2.

— Господи, — взмолился я, — да ведь мы совершили еще одно удвоение!

— На сей раз это всего лишь парадокс темпорального накопления, произнес мой альтер-эго. — Ничего серьезного.

Мой ум был как в дурмане, и я был совершенно не в состоянии подвергнуть его замечание строгому логическому анализу. Единственное, на что у меня хватало ума, это спросить:

— Если мы оба здесь, то кто же тогда присматривает за нашими туристами внизу, в 1204 году?

— Идиот, — свирепым тоном прорычал Джад-2, — когда же ты все-таки научишься мыслить четырехмерно! Как это ты умудряешься быть таким тупым, если ты во всем должен быть тождественен мне? Послушай, я скакнул сюда из одной точки той ночи в 1204 году, а ты из другой, отстоящей от нее на пятнадцать минут. Когда мы станем возвращаться, каждый из нас отправится к соответствующей стартовой позиции, чтобы не нарушать последовательности событий. Я должен прибыть туда в полчетвертого, а ты — без четверти четыре, но это совсем не означает, что там сейчас нет никого из нас. Или что мы все там

одновременно.

Я внимательно огляделся вокруг. И увидел по меньшей мере пять групп, состоявших из Метаксаса, Сэма и меня, расположившихся широкой дугой вблизи стены. Очевидно, все они очень тщательно контролировали именно этот временной отрезок, то и дело совершая повторные шунты на короткую временную дистанцию для того, чтобы с наибольшей достоверностью воссоздать последовательность событий, а благодаря воздействию парадокса аккумуляции нас здесь оказалось уже великое множество.

— Но пусть даже и так, — произнес я, все еще соображая с трудом, мне почему-то кажется, что я все равно не в состоянии постичь линейную цепь…

— Да подавись ты этой своей линейной цепью! — взъярился на меня другой Джад. — Ты лучше погляди-ка вон туда! Туда, в сторону ворот!

Он показал жестом, куда смотреть.

Я взглянул в указанном им направлении.

И увидел седоволосую женщину в простом одеянии. Я сразу же признал в ней несколько более молодую «версию» той женщины, которая, как мне помнится, сопровождала Пульхерию Дукас

в лавке в тот памятный день, казавшийся мне таким далеким, и отстоявшим сейчас на пять лет вниз по линии. Дуэнья стояла, опираясь о стену, и сама с собою разговаривала, радостно и глупо улыбаясь. Глаза ее были закрыты.

Неподалеку от нее я увидел девочку лет двенадцати, которая могла быть только более молодой Пульхерией. Сходство исключало малейшую ошибку. У девочки были еще детские, неоформившиеся до конца черты лица и контуры тела, и груди ее под туникой были еще всего лишь плавными выпуклостями, но во всем уже проступали те изначальные качества, из которых должна была складываться красота зрелой Пульхерии.

А рядом с девушкой стоял Конрад Зауэрабенд в одежде византийского простолюдина.

Зауэрабенд что-то нашептывал девочке на ухо воркующим тоном. Он тряс перед ее лицом небольшой безделушкой из двадцать первого столетия, то ли гироскопическим кулончиком, то ли чем-то еще в таком же духе. Вторая его рука уже шарила у нее под туникой и было отчетливо видно, что пальцы его подбирались к бедрам девочки. Пульхерия хмурилась, однако пока еще не делала никаких движений, чтобы высвободиться. Она, казалось, не очень-то понимала,

что затеял Зауэрабенд, но была явно очарована игрушкой и, пожалуй, не очень-то возражала против шаловливой руки хозяина безделушки.

— Он живет в Константинополе чуть меньше года, — объяснил мне Метаксас, — и частенько снует в 2059 год, чтобы сбыть контрабандное добро.

Он уже давно каждый день появляется у стены, подсматривая, как маленькая девочка и ее дуэнья выходят на послеполуденную прогулку. Девочка — Пульхерия Ботаниатис, а вот этот дворец на возвышенности — дворец Ботаниатисов. Зауэрабенд пришел сюда примерно полчаса назад и дал дуэнье пузырек, в результате чего она так воспарила, что никак не может прийти в себя. Затем он подсел к девочке и начал с нею заигрывать. Он в самом деле большой мастак в обхождении с маленькими девочками.

— Это его хобби, — заметил я.

— Глядите, что будет дальше, — сказал Метаксас.

Зауэрабенд и Пульхерия поднялись и пошли к воротам в стене. Мы притаились в тени, чтобы оставаться и дальше незамеченными. Большинство наших двойников, порожденных парадоксами, исчезли, по-видимому, шунтировавшись

на свои позиции вдоль линии, чтобы зафиксировать, как будут разворачиваться события дальше. Мы видели, как тучный мужчина и прелестная девчушка прошли через ворота в поля, которые простирались сразу же за пределами города.

Я двинулся было вслед за ними.

— Подожди, сказал Сэм. — Смотри, кто еще появился на сцене — старший брат Пульхерии, Андроник.

К нам приближался юноша лет примерно восемнадцати. Он остановился и, не веря глазам своим, уставился на все еще продолжавшую глупо хихикать дуэнью. Мы увидели, как он опрометью бросился к ней, стал ее трясти, попытался ровно поставить. Однако женщина, едва он убрал руки, снова привалилась к стене.

— Где Пульхерия? — взревел он. — Где она?!

В ответ дуэнья только громко рассмеялась.

Юный Ботаниатис, охваченный отчаянием, помчался по пустынной, прожаренной солнцем улице, вопя что было мочи имя своей младшей сестры.

Затем ринулся в ворота.

— Следуем за ним, — распорядился Метаксас. Несколько других групп, также состоящих из нас, были уже за воротами, что было мною об-

наружено, когда и мы очутились там. Андроник Ботаниатис бегал, как ошалелый, туда сюда. Затем мне послышался девичий смех, который исходил будто бы казалось, из самой стены.

Андроник тоже его услышал. Оказалось, что в стене имелось отверстие на уровне земли, которое вело в некое подобие пещеры глубиной метров в пять. Он побежал к этому отверстию. Мы направились туда же, толпой, которая состояла исключительно из наших же собственных двойников. Там нас было человек пятнадцать — по меньшей мере по пять двойников на брата.

Андроник прошел в пролом в стене и тут же издал истошный вопль.

Мгновеньем позже я тоже заглянул внутрь пещеры в земляном валу.

Туника Пульхерии упала к ее коленкам, и теперь она стояла совершенно голенькая в классической позе, изображающей девичью скромность: одной рукой она придерживала свои, не совсем еще распустившиеся бутоны, грудей, другая ее рука прикрывала самый низ живота. Рядом с ней, уже распахнув свои одежды, стоял Зауэрабенд. Мерзкое орудие его гнусного хобби было уже изготовлено к действию. Как мне кажется, он был занят тем, что пытался уговорить

Пульхерию принять более удобную для него позу, когда ему помешали завершить столь успешно начатый процесс совращения.

— Изнасилование! — Кричал Андроник. — Он испортил девчонку! Соблазнил малолетку! Я всех вас зову в свидетели! Посмотрите-ка на это чудовище, на его преступные действия!

И он схватил одной рукой Зауэрабенда, а другой — свою сестру, и поволок их обоих на открытое место.

— Вы все свидетели! — продолжал бушевать он.

Мы поспешили убраться с его дороги, опасаясь быть узнанными Зауэрабендом, хотя, как мне кажется, он был в таком ужасе, что едва ли мог вообще что-нибудь заметить. Бедненькая Пульхерия, пытаясь скрыть свою наготу, комочком свернулась у ног своего брата, но он продолжал волочить ее, и, выставляя ее напоказ, кричал:

— Смотрите на эту потаскушку! Смотрите на нее! Смотрите все, смотрите все, все!

И, чтобы посмотреть на это, собралась довольно внушительная толпа.

Мы отпрянули в сторону. Мне страшно хотелось вырвать при виде этого подлого насильника детей, при виде выставленного на всеобщее обо-

зрение гнусного орудия его низменной страсти, которая вовлекла Пульхерию в такой грандиозный скандал…

Теперь Андроник извлек из ножен свой меч и замахнулся, чтобы убить то ли Зауэрабенда, то ли Пульхерию, то ли их обоих. Но толпа зрителей помешала ему это сделать, повалила его на землю и отобрала у него оружие.

Пульхерия, только теперь осознав, перед глазами какого множества зевак предстала ее нагота, в ужасе выхватила у кого-то кинжал и попыталась умертвить себя, но была вовремя остановлена; в конце концов какой-то старик набросил на нее свой плащ. Полнейшая неразбериха продолжалась.

— Мы пронаблюдали за дальнейшим ходом событий отсюда, — спокойно произнес Метаксас, — еще до твоего появления, а затем продублировались и стали поджидать тебя. А произошло вот что: девушка была обручена со Львом Дукасом, но, разумеется, для него стало совершенно невозможно на ней жениться после того, как половина жителей Византии видела ее наготу. Кроме того, ее сочли опозоренной и испорченной даже несмотря на то, что, фактически, Зауэрабенду не дали причинить хоть какой-либо ущерб ее

девственности. Свадьба была отменена. Семья, порицая Пульхерию за то, что она позволила Зауэрабенду увлечь себя дешевыми посулами и сняла перед ним свои одежды, от нее отказалась. Тем временем Зауэрабенду предоставили возможность сделать выбор: или жениться на девушке, которую он обесчестил, или понести обычное в таких случаях наказание.

— В чем же оно заключалось?

— В кастрации, — сказал Метаксас. — Вот почему Гераклес Фотис — Зауэрабенд женился на ней и изменил ход истории уже одним тем, что вырвал из твоей родословной целую ветвь, которой надлежало там быть. Что мы сейчас и намереваемся исправить.

— Только без меня, — сказал Джад-2. — С меня достаточно и того, что я уже увидел. Я возвращаюсь в 1204 год. Мне нужно там быть к половине четвертого утра, чтобы сказать этому вот парню, чтобы он шел сюда и воочию все увидел.

— Но… — возразил было я.

— У нас сейчас нет времени на то, чтобы пускаться в рассуждения о парадоксах, — сказал Сэм. — У нас по горло работы.

— Смени меня в без четверти четыре, — сказал Джад-2 и улетучился.

Метаксас, Сэм и я сверили время наших таймеров.

— Мы отправляемся вверх по линии, — сказал Метаксас, — точно на один час. Чтобы покончить с этой комедией. — После чего все мы шунтировались.

59

С удивительной точностью, но без малейшего облегчения на душе, мы покончили с этой комедией.

А сделали мы следующее.

Сначала мы шунтировались точно к полудню этого жаркого летнего дня 1100 года и заняли позиции вдоль стены Константинополя. И стали ждать, не обращая ни малейшего внимания на все остальные собственные версии, которые сновали мимо нас на нашем временном уровне, выполняя всю остальную подготовительную работу или даже просто так.

В поле нашего зрения появились хорошенькая девчушка и бдительная ее дуэнья.

Сердце мое разрывалось на части от любви к юной Пульхерии, не меньшие муки испытывали и другие части моего тела — настолько велика была моя страсть к той Пульхерии, что еще будет, к той Пульхерии, которую я знал.

Хорошенькая девчушка и ничего не подозревавшая дуэнья, держась вместе, словно под ангельскую музыку прошествовали мимо нас.

Появился Конрад Зауэрабенд, он же Гераклес Фотис. Из оркестровой ямы послышались явно диссонирующие звуки: сладострастное сопение, присвистывание участившегося дыхания. Он изучающе глядел на девочку и сопровождающую ее женщину, самодовольно поглаживая себя по выпяченному животу. Затем он достал небольшой пузырек и, поднеся к глазам, проверил содержимое. С откровенно плотоядным, на грани исступления, взглядом он сделал несколько шагов вперед, намереваясь, сделав инъекцию дуэнье в руку, предоставить ей возможность, глупо хихикая, воспарить в ей одной известные выси, а самому получить беспрепятственный доступ к девочке.

Метаксас кивнул Сэму.

Сэм кивнул Метаксасу.

— Вперед! — скомандовал Метаксас, и мы принялись за дело.

Огромный черный Сэм метнулся вперед и схватил своею правой рукой Зауэрабенда за горло. Метаксас поймал левое запястье Зауэрабенда и руку выкрутил назад, подальше от органов управления таймером, одно прикосновение к которым могло высвободить его из наших, далеко не дружеских, объятий. Одновременно с этим я

схватил правую руку Зауэрабенда, резко дернул ее вверх и назад, заставив его выронить пузырек. Весь этот маневр отнял у нас долю секунды, а в результате его Зауэрабенд потерял возможность даже пошевелиться. Тем временем у дуэньи хватило ума бежать вместе с Пульхерией при виде этой неподобающей в присутствии дам благородного происхождения, драки простолюдинов.

Сэм тотчас же запустил руку под одежду Зауэрабенда, который, вне всякого сомнения, посчитал, что подвергся нападению грабителей, и сорвал с него перестроенный таймер.

Только после этого мы отпустили Зауэрабенда. Увидев среди предполагаемых грабителей меня, он прохрипел несколько односложных, но достаточно крепких словечек на разных языках.

— А вы-то уже посчитали себя таким ловким, таким умным, верно? сказал я.

Он разразился новым потоком сквернословия.

— Перестроив таймер, — продолжал я, — вы улизнули, считая, что в состоянии заняться частным бизнесом в качестве контрабандиста. А? Вам даже в голову не приходило, что мы можем изловить вас?

Я не стал ему рассказывать о нескольких неделях, заполненных упорным трудом, о вре-

мяпреступлениях, которые мы сами совершили ради того, чтобы обнаружить его, — ими был усеян весь наш путь кверху и книзу по линии, о тех парадоксах, жертвою которых мы стали, многократно «растиражировав» себя. Мы только что «отщипнули» у него шесть лет жизни в Византии в качестве содержателя харчевни и «запихнули» их в одну из боковых, параллельных, так называемых «карманных» вселенных, которая для него, оставшегося в этом континууме, и вовсе не существует. Но я не стал ему говорить этого. Как и о той цепи событий, которые сделали его мужем Пульхерии Ботаниатис в этой отщипнутой вселенной и которые лишили меня моего истинного, собственного происхождения. Все эти события теперь стали неосуществившимися в русле основного потока времени. В нем уже не будет хозяина харчевни по имени Гераклес Фотис, продававшего мясо и вино византийцам 1100-1105 годов.

Метаксас достал запасной таймер, не подвергшийся каким-либо переделкам, которым он обзавелся специально ради этого.

— Оденьте его, — велел он Зауэрабенду.

Тот угрюмо нацепил на себя новый таймер.

— Мы возвращаемся в 1204 год, — сказал я, —

примерно в то время, откуда вы сбежали сюда, в Константинополь конца одиннадцатого столетия.

После чего завершим наш маршрут и вернемся вниз по линии в родной 2059 год. И да поможет нам Бог, если вы попробуете причинить мне еще какие-нибудь неприятности, Зауэрабенд. Я не стану докладывать о совершенном вами времяпреступлении, потому что я человек милосердный.

Однако если вы еще раз совершите что-нибудь такое, что может вызвать мое хотя бы самое малое, неудовольствие между данным и тем моментом, когда я наконец-то от вас избавлюсь, я сделаю из вас хороший бифштекс. Ясно?

Он уныло кивнул.

— Дальше я уже сам смогу управиться, — сказал я Сэму и Метаксасу. — Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. Я даже не в состоянии выразить словами…

— И не пытайся, — сказал Метаксас и вместе с Сэмом шунтировался вниз по линии.

Я настроил новый таймер Зауэрабенда на свой собственный и извлек ставший уже для меня традиционным свисток. — Поехали, — произнес я, и мы шунтировались в 1204 год.

60

В без четверти четыре ставшей для меня незабываемой ночи я еще раз поднялся по лестнице постоялого двора, на этот раз вместе с Зауэрабендом.

Джад-2 тревожно мерил шагами комнату у самой двери. Лицо его прямо-таки посветлело при виде моего пленника.

Зауэрабенд потрясенно глядел на присутствие нас обоих в одной и той же комнате, но не осмелился что-либо сказать.

— Проходите внутрь, — велел я ему. — И больше уже никогда не пробуйте разбирать свой чертов таймер, иначе поплатитесь за это самым страшным образом.

Зауэрабенд прошел внутрь комнаты.

— Этот кошмар закончился, — сказал я Джаду-2. — Мы схватили его, отобрали у него таймер, нацепили на него стандартный и вот он, здесь. Вся операция отняла у нас точно четыре часа, верно?

— Плюс — для того, кто помнит — несколько недель беготни вверх и вниз по линии.

— Теперь это уже не имеет никакого значения. Мы вернули его. И проигрываем ход событий с самого начала без изменений.

— Только вот в наличии имеется один лишний Джад Эллиот, — съязвил Джад-2. — Так что, хочешь-не хочешь, но самая пора приступить к выполнению нашего с тобою уговора о поочередном выполнении своих обязанностей и отдыхе в поместье Метаксаса.

— Вот и давай приступать. Один из нас остается с этими клоунами, проводит их вверх в 1453 год, как и положено по графику маршрута, а затем — домой в двадцать первое столетие. Другой же отправляется в поместье Метаксаса. Бросим монету?

— А почему бы и нет?

Он извлек визант Алексея Первого из своего кошелька и протянул его мне для проверки. Визант был в полном порядке. На лицевой стороне — Алексей в полный рост, на тыльной — Христос на троне. Мы договорились о том, что Алексей будет считаться орлом, а Иисус — решкой. Затем я подбросил монету высоко вверх, ловко поймал ее и тотчас же прикрыл ладонью другой руки. По выпуклостям монеты, которые ощущала моя кожа, я сразу понял, что она лежит на моей ладони

орлом вверх.

— Решка, — произнес мой двойник.

— Не повезло, амиго.

Я показал ему монету. Он скорчил недовольную мину и отобрал у ее меня.

— Этот мой маршрут закончится только через три-четыре дня, верно? опечаленно произнес он. — Затем две недели отпуска, которые я не могу провести в 1105 году. Значит ты можешь рассчитывать на то, что в поместье Метаксаса я появлюсь дней через семнадцать-восемнадцать абсолютного времени.

— Примерно так, — согласился я.

— И в течение всего этого времени ты будешь безумствовать с Пульхерией.

— Естественно.

— Постарайся и за меня тоже, — произнес он и прошел в комнату. Внизу я прислонился к колонне и провел полчаса, тщательно перепроверяя все свои шунтирования в различные эпохи в эту лихорадочную ночь, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что в 1105 году я не перекрою периоды своего пребывания в нем. Меньше всего мне сейчас хотелось просчитаться и появиться там в период времени, предшествовавший всем этим шалостям Зауэрабенда, и встретиться с Ме-

таксасом, для которого вся эта кутерьма была бы, скажем помягче, просто непонятной.

Я произвел нужные мне подсчеты.

И шунтировался, направляясь в восхитительное имение Метаксаса.

Все получилось как нельзя лучше. Метаксас встретил меня с радостными объятиями.

— Поток времени снова незамутнен, — сказал он. — Я вернулся сюда из 1100 года всего лишь парочку часов назад, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы проверить здешнее положение дел. Жену Льва Дукаса зовут Пульхерией. В харчевне, принадлежавшей Зауэрабенду, ныне заправляет некто Ангел. Никто ничего ни о чем особо примечательном не вспоминает. Ты в полной безопасности.

— Я даже не в силах выразить, сколько я вам…

— Давай не будем. Договорились?

— Ладно. А где Сэм?

— Внизу по линии. Ему нужно было возвращаться на работу. Да и я сам должен вскоре сделать то же самое. Отпуск мой закончился, меня ждут на маршруте, который начнется в середине декабря 2059 года. Так что меня не будет примерно две недели, после чего я снова буду здесь… — тут он задумался, -…18 октября 1105

года. Ну а ты?

— Я остаюсь здесь до 22 октября, — ответил я. — К тому времени мой «альтер-эго» завершит свой послемаршрутный отпуск и заменит меня здесь, тогда как я отправлюсь вниз по линии принимать группу, которую поведу на следующий свой маршрут.

— Значит вы именно таким образом собираетесь решить свои проблемы?

Меняясь ролями по очереди?

— Нам ничего другого не остается.

— Вы, пожалуй, правы, — заметил Метаксас.

Однако все обернулось совсем не так, как мне с моим двойником хотелось.

61

Метаксас распрощался со мной, после чего я принял ванну. И только тогда наконец-то по-настоящему расслабился. Первый раз за то время, которое, как мне казалось, длилось не менее нескольких геологических эпох.

И стал размышлять над своим ближайшим будущим.

Прежде всего — отоспаться. Затем — перекусить. А потом — поездка в город, к Пульхерии, которая снова должна была занимать свое законное место среди домочадцев Дукаса, даже ничего не подозревая о той странной метаморфозе, которую на какое-то время претерпела ее судьба.

И будет между нами любовь, и вернусь я назад, в загородное имение Метаксаса, а утром снова отправлюсь в город, чтобы…

Вот на этом самом месте я приостановился в возведении воздушных замков своих грез, ибо передо мной неожиданно возник Сэм и все вдребезги уничтожил.

На нем был византийский плащ, но он, по-видимому, настолько поспешно его набросил, что

под ним была видна обычная его одежда, свойственная эпохе, находящейся далеко внизу по линии. Вид у него был какой-то загнанный, явно расстроенный.

— Для чего это ты сюда приперся? — Не очень-то заботясь о приличиях, недовольным тоном спросил я у него.

— Чтобы сделать тебе немалое одолжение, — ответил он.

— Серьезно?

— Еще бы! В самом деле, это с моей стороны любезность. И я не намерен здесь долго оставаться, так как не хочу, чтобы патруль времени свалился и на мою голову тоже.

— Мною заинтересовался патруль времени?

— Это так же точно, как то, что твоя непоседливая задница белым-бела!

— Возопил мой наставник. — Собирай манатки и ушибайся отсюда, да побыстрее! Тебе нужно притаиться где-нибудь поглубже, тысячи на три-четыре лет вверх по линии. Поторапливайся!

Он начал сам собирать мои, случайно принесенные сюда, личные вещи. Я схватил его за руку и спросил:

— Ты можешь толком объяснить мне, что происходит? Сядь и не уподобляйся взъерепенив-

шемуся маньяку. Чего мотаться по комнате со скоростью миллион километров в час и…

— Ладно, — произнес он. — Ладно. Расскажу тебе всю правду, и, если меня арестуют тоже, пусть так и будет. И поделом — я тоже весь погряз в грехе. Я заслуживаю того, чтобы меня арестовали. И…

— Сэм…

— Ладно, — еще раз повторил он. Затем на мгновенье зажмурил глаза. — Мое базисное нынешнее время сейчас, — отрешенно произнес он, — 25 декабря 2059 года. Праздник рождества Христова. Несколько дней тому назад на моем временном уровне твой «альтер-эго» привел из Византии свою туристскую группу с очередного маршрута. Включая Зауэрабенда и всех остальных. Ты хотя бы можешь себе представить, что случилось с твоим двойником в первое же мгновение его прибытия в 2059?

— Его арестовал патруль времени?

— Хуже.

— Что может быть хуже этого?

— Он исчез, Джад. Испарился. Перестал существовать в том временном континууме. Будто его никогда и не было.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Вот нахальный ублюдок! А ведь я предупреждал его о том, что только я являюсь реально существующим, а он — что-то вроде фантома, но он ко мне не прислушался. Ну что ж, нельзя сказать, чтоб я был так уж сильно опечален, услышав…

— Нет, Джад, — с грустью в голосе произнес Сэм, — он был до последней мельчайшей клетки своего мизинца таким же реально существующим, как и ты сам, пока он находился здесь, далеко вверху по линии. А ты сам в такой же мере нереален, как он сейчас.

— Не понимаю.

— Ты в такой же мере не существуешь реально, как и он. Ты давно уже перестал существовать в пространственно-временном континууме основного русла потока времени. Прости меня, но тебя там никогда и не было. Это наша общая вина в такой же мере, как и твоя. Мы так быстро метались из одного года в другой, что упустили из виду одну небольшую деталь.

Теперь он уже просто пугал меня своим мрачным спокойствием. Хотя как иначе можно выглядеть, заявившись, чтобы сообщить человеку, что он не просто мертв, но никогда даже и не существовал?

— Что же такое стряслось, Сэм? Расскажи подробнее.

— Вот что, Джад. Ты знаешь, что, когда мы отобрали у Зауэрабенда таймер, в котором он ковырялся, мы нацепили на него другой. У Метаксаса всегда есть под рукой несколько, нелегально припасенных вверху по линии, у этого хитрого шалопая есть все, что угодно.

— Ну и что из этого?

— Его серийный номер, естественно, был другим по сравнению с номером таймера, с которым Зауэрабенд ушел на маршрут в составе твоей группы. Как правило, никто не обращает на номера никакого внимания, но, когда производилась приемка таймеров у участников именно этого маршрута, кладовщик оказался слишком уж большим чистоплюем в соблюдении правил и черт его дернул сверить номера. А как только обнаружилась подмена, он поднял ужасный гвалт. Дело дошло до патруля.

— Вот как, — упавшим голосом выдавил я.

— Патруль допросил Зауэрабенда, — продолжал Сэм, — и, разумеется, тот не сумел хоть как-то вразумительно объяснить подмену (он, конечно же, хотел в гораздо большей степени прикрыть собственную задницу, чем выручить тебя). И,

поскольку от него толком ничего не удалось добиться, патруль времени получил санкцию на проверку всего маршрута, в котором он принимал участие.

— Ого!

— Проверку они произвели самую дотошную. Обнаружили, как ты оставил свою группу, выяснили, что Зауэрабенд ускользнул в то же мгновение, что и ты, увидели, как ты, я и Метаксас его ловим и приводим назад, в ту злосчастную ночь 1204 года.

— Значит, мы все втроем нарвались на неприятности?

Сэм покачал головой.

— Метаксас поднажал здесь и там, дружков у него много, кое-кому поставил. Я тоже не сидел сложа руки. Мы выкрутились, главным образом потому, что сыграли на струнке сочувствия к нам, на том, что, дескать, пытались помочь дружку, попавшему в беду, хотя все равно пришлось привести в действие все тайные пружины. Но вот для тебя, Джад, нам ничего не удалось сделать. Патрулю не терпится заполучить твою голову. Когда они стали подробнее разбираться с инцидентом, случившемся в 1204 году, когда ты продублировал себя, то начали постепенно

понимать, что ты повинен не только в халатности, позволив Зауэрабенду сорваться с маршрута, но и в различных парадоксах, возникновение которых произошло из-за твоих противозаконных попыток выправить положение. Обвинения, выдвинутые против тебя, оказались настолько серьезными, что, как мы ни пытались, нам так и не удалось заставить представителей патруля от них отказаться. Поверь мне — чего мы только ради тебя не пытались сделать! В общем на основании этих обвинений патруль и произвел определенные акции в отношении тебя.

— Какие же акции? — спросил я совсем уже замогильным тоном.

— Тебя убрали с твоего маршрута в тот памятный вечер 1204 года за два часа до того, как ты первоначально шунтировался в 1105 год, чтобы встретиться с Пульхерией. В 1204 году тебя подменил другой курьер; тебя выдернули из потока времени и переправили вниз по линии, чтобы привлечь к судебному разбирательству в 2059 году по обвинению в совершении целого букета времяпреступлений.

— Поэтому…

— Поэтому, — продолжал Сэм, не обращая внимания на мой жалкий вид, тебе так и не удалось

выскользнуть в 1105 год и встретиться с Пульхерией.

Весь твой роман с нею превратился в неосуществившееся событие, поэтому, если ты и навестишь ее сейчас, то обнаружишь, что она даже знать не знает о том, что спала с тобой. Далее: поскольку ты не отправлялся в 1105 год, то — это очевидно — никак не мог совершить обратное шунтирование в 1204 год и обнаружить отсутствие Зауэрабенда, да и вообще Зауэрабенда теперь уже не было среди участников твоего маршрута. И таким образом, для тебя не было необходимости совершать это пятидесятишестисекундное шунтирование вверх по линии, в результате которого произошло твое удвоение. Ни ты сам, ни Джад-2 вообще не появились на белом свете, поскольку существование вас обоих исчисляется со времени более позднего, чем время твоего свидания с Пульхерией. Ты и Джад-2 являетесь несуществующими личностями и всегда только таковыми и были. Случайно оказалось так, что пока вы продолжаете оставаться вверху по линии, существование ваше защищено парадоксом транзитного перехода; Джад-2 перестал быть им защищенным в тот момент, когда он вернулся в нынешнее время, и поэтому он исчез

совершенно бесследно, невосполнимо. Понял?

Дрожа от страха, я произнес:

— Сэм, а что случилось с тем, еще одним Джадом, тем… который-то и был… настоящим? Тем, кого они выдернули, кого они принудительно доставили вниз, в 2059 год?

— Он находится под арестом, ожидая судебного разбирательства по обвинению в совершении времяпреступлений.

— А что же тогда будет со мной?

— Если патрулю все-таки удастся тебя выследить, тебя вернут в нынешнее время, тем самым автоматически тебя уничтожив. Но патрулю неизвестно, где ты находишься. Если останешься в Византии, тебя рано или поздно обнаружат, и это будет означать для тебя конец. Как только мне удалось все это выяснить, я тотчас же помчался прямиком к тебе, чтобы тебя предупредить. Прячься в каком-нибудь доисторическом периоде. Сматывайся, лучше всего, в период времени, значительно предшествовавший основанию древнегреческой колонии Византия — я полагаю, ранее 700 года до Рождения Христова. Там тоже можно прожить вполне неплохо. Мы натаскаем тебе книг, различных инструментов, в общем всего, что тебе только понадобится. Там тоже

живут люди, возможно, еще кочевники — но, тем не менее, имеется достаточно развитое человеческое общество. Для них ты будешь прямо-таки богом. Они будут поклоняться тебе, каждый день приводить тебе женщин. Это твой единственный шанс, Джад.

— Мне совсем не хочется быть доисторическим богом! Мне хотелось бы снова отправляться вниз по линии! И встретиться с Пульхерией! И…

— Все это теперь для тебя совершенно исключено, — произнес Сэм, и слова его вколачивались в мою голову ударами лезвия гильотины. — Ты не существуешь, Джад. Отправиться вниз по линии для тебя — самоубийство. А если ты начнешь ошиваться возле Пульхерии, патруль подловит тебя и, не церемонясь, переправит вниз по линии. У тебя нет выбора, Джад — или тайное добровольное заточение, или гибель. Ты или спрячешься где-то, или умрешь.

— Но ведь я же совершенно реален, ведь я же существую, Сэм!

— Существует на самом деле только тот Джад Эллиот, который в настоящее время находится под арестом в 2059 году. Ты же — остаточный продукт, порождение парадокса и ничего более. Но я люблю тебя ничуть не меньше, малыш. Я

подвергаю смертельной опасности свою собственную черную шкуру только потому, чтобы помочь тебе, но в действительности тебя просто нет. Поверь мне. Ты собственный свой призрак. Собирай вещички и выметайся отсюда!

62

Я нахожусь здесь вот уже три с половиной месяца. По календарю, который я веду, сегодня — 15 марта 3060 года до нынешнего времени. Таким образом, я живу примерно за тысячу лет до Иисуса Христа.

Жить мне не так уж плохо. Здешний люд занимается в основном земледелием. Территория эта принадлежит давно исчезнувшему для моих современников Хеттскому царству. Греческие поселенцы появятся здесь не меньше, чем через три столетия. Я изучаю язык — в основе своей он индоевропейский, и я быстро им овладеваю. Как и предсказывал Сэм, я здесь бог. Когда я показался здесь, племя поначалу хотело убить меня, но я проделал несколько фокусов с помощью своего таймера, шунтируясь прямо у них на глазах, и теперь они не осмеливаются причинять мне какой-либо вред.

Да и я сам пытаюсь быть доброжелательным божеством. Вот сейчас я помогаю наступить весне. Я пошел на берег пролива, который со временем назовут Босфором, и произнес длинную молитву

по-английски с просьбой о хорошей погоде. Местным жителям моя молитва очень понравилась.

Они дают мне всех женщин, каких я только пожелаю. В первую ночь мне дали дочь вождя, и с тех пор я пропустил через свою постель практически всю, достигшую половой зрелости, женскую половину населения деревни. Я прекрасно понимаю, что со временем меня захотят женить на ком-нибудь, но я хочу сначала снять пробу. Запах, исходящий от женщин, не очень-то хорош, но некоторые из них впечатляюще страстны.

Я здесь ужасно одинок.

Три раза у меня побывал Сэм, дважды — Метаксас. Больше меня никто не навещал. Я их не упрекаю: слишком велик риск. Два моих самых верных друга подарили мне пузырьки, книги, лазер, огромный ящик музыкальных записей и множество других вещей, которые со временем поставят в тупик археологов.

— Приведи мне Пульхерию, — попросил я Сэма. — Так просто, в гости.

— Не могу, — ответил он.

И я понимаю, что он прав. Это будет не что иное, как похищение, и отзвуки его приведут к неприятностям с патрулем времени у Сэма и уничтожению меня самого.

Мне просто ужасно недостает Пульхерии. Видите ли, я провел с ней всего одну ночь, но мне все время кажется, что я знаю ее очень хорошо, притом не только как партнершу в сексе. Временами я теперь сожалею о том, что не обладал ею, когда она была Пульхерией Фотис.

Любимая моя! Моя грешная пра-пра-пра– одному Богу известно сколько раз еще прабабушка! Никогда мне больше не увидеть тебя. Никогда не прикоснуться к твоей нежной коже, твоей… Нет, мне не хочется истязать себя больше. Я постараюсь позабыть тебя. Вот так!

Я утешаюсь, когда свободен от выполнения своих обязанностей в качестве божества, тем, что надиктовываю свои воспоминания. Все теперь записано, зафиксированы все подробности моей истории, в результате которой я очутился в столь затруднительном положении. Пусть эти мои воспоминания послужат предостережением другим многообещающим молодым людям, пусть знают, как можно деградировать до состояния абсолютного отрицания собственного существования. И я буду продолжать записывать свои воспоминания и дальше. Я расскажу о том, что такое быть хеттским богом.

Завтра, например, у нас должно отмечаться

празднество весны и плодородия, и десять самых благочестивых и красивых девственниц деревни придут к богу в его жилище, чтобы…

Пульхерия!

Почему я здесь так далеко от тебя, Пульхерия?

Я все время думаю о тебе.

Еще достаточно времени у меня есть для того, чтобы размышлять о своей теперешней судьбе. Мысли, к которым я прихожу, очень для меня неутешительны, хотя я и сомневаюсь в том, что патрулю времени удастся разыскать меня здесь. Но у него существует иная возможность.

Патруль знает, что я скрываюсь где-то вверху по линии, защищенный парадоксом перехода.

И патрулю захочется выкурить меня из этого прибежища и уничтожить только за то, что я являюсь в общем-то не чем иным, как мерзким отродьем парадокса.

А власти у патруля хоть отбавляй. Предположим, он задним числом уволит Джада Эллиота со Службы Времени до того, как тот пустится в свое злосчастное последнее путешествие. Если Джад Эллиот никогда не попадает в средневековую Византию вообще, то тогда вероятность моего существования понизится до нуля, и я больше не буду защищен парадоксом транзитного отстра-

нения. Войдет в силу действие закона меньших парадоксов. И исчезну я, как струйка дыма.

Я знаю, почему они до сих пор еще не сделали этого. Да потому что тот, другой Джад, благословил его Господь, все еще дожидается суда за совершение времяпреступлений внизу по линии, и они не могут задним числом «выдернуть» его, пока не будет доказана его виновность. Им нужно довести до логического конца судебное разбирательство. Если вина его будет доказана, то, как я полагаю, к нему будут применены определенные санкции.

Но судебная процедура раскручивается весьма неторопливо. Джад все еще под арестом. Сэм, безусловно, рассказал ему о том, что я здесь и нуждаюсь в защите. Судебное разбирательство может затянуться на месяцы, годы, кто знает, на сколько. У него свой базис нынешнего времени, у меня свой, и мы двигаемся к своему будущему вместе, синхронно, день за днем. А пока что я все еще здесь.

Одинокий. Совсем упавший духом.

Мечтающий о своей, потерянной навеки, Пульхерии.

Может быть, они никаких действий против меня и не предпримут.

А может быть, возьмут да и покончат со мной завтра.

Кто знает? Бывают мгновенья, когда мне это становится совершенно безразлично. Одно, по крайней мере, утешает меня. Такая смерть будет абсолютно безболезненной. Не будет даже самого короткого мига мучений. Я просто уйду туда, куда уходит пламя свечи, когда на него подуют. Это может случиться когда угодно. А пока течет еще моя жизнь один час за другим, я то играю роль бога, то слушаю Баха, то предаюсь галлюцинациям благодаря пузырьку, то диктую свои воспоминания. Но все это время дожидаюсь конца.

Он может наступить прямо на середине диктуемого предложения, и я уве…